

Тишина говорит

Аксель Панцер

Аксель Панцер

Тишина говорит

<https://litres.ru/74652487>

SelfPub; 2026

Аннотация

Михаил Красовский с детства слышит мир иначе. Там, где другим достаточно слов, он учится читать лица, жесты, паузы — и однажды понимает, что рисунок способен сказать больше, чем голос.

От первых детских набросков до профессиональной живописи, выставок, признания и болезненного поиска собственного языка Михаил проходит долгий путь. А спустя годы вновь встречает Лёшу — мальчика из прошлого, когда-то изменившего его жизнь.

«Тишина говорит» — роман о взрослении, творчестве, памяти и о том, как человек находит свой способ быть услышанным.

Аксель Панцер

Тишина говорит

Аксель Панцер

Тишина говорит

роман

Часть I. Мир без звука

Главы 1–10

Глава 1. Мальчик, который не отвечал

Впервые Марина испугалась не тогда, когда Миша не откликнулся. Такое случалось и раньше, и у каждого случая находилось простое объяснение: заигрался, задумался, устал после детского сада, обиделся, решил показать характер. Пятилетний ребёнок вполне мог не слышать мать, если перед ним лежала разобранная железная дорога, а последний кусок рельса никак не хотел соединяться с первым. Испугалась она позже — в самый обычный зимний вечер, когда ничего особенного не происходило и именно поэтому нельзя было списать тревогу на усталость или случайность.

На кухне тихо кипел суп. В кастрюле подрагивала крышка, на стекле собирался пар, из приоткрытой форточки тянуло сухим холодом. Марина нарезала хлеб и время от времени поглядывала в комнату. Миша сидел на ковре у окна. Красный игрушечный локомотив лежал на боку, рельсы об-

разовывали почти замкнутый круг, и мальчик, высунув от старания кончик языка, пытался втиснуть между креслом и стеной последний поворот. За окном падал крупный снег. Он шёл без ветра, медленно и густо, и фонарь во дворе казался не источником света, а большой белой воронкой, куда бесконечно сыпались хлопья.

— Миша, иди мыть руки.

Он не повернулся. Марина положила нож на доску, вытерла ладони о полотенце и сказала громче:

— Миша, ужинать.

Ничего. Мальчик придвинул к себе два звена дороги, приложил одно к другому, нахмурился и снова разъединил. Марина уже открыла рот, чтобы окликнуть в третий раз, но остановилась. В этот момент в подъезде хлопнула тяжёлая дверь. Миша вздрогнул и поднял голову. Через секунду снова наклонился к рельсам. Марина стояла в кухонном проёме и смотрела на сына. Внутри появилось неприятное ощущение, похожее на то, как если бы пальцами нащупал под тканью маленькую трещину: ещё не знаешь, опасна ли она, но уже не можешь сделать вид, будто ничего нет.

— Миша.

На этот раз она подошла почти вплотную и произнесла его имя обычным голосом. Он продолжал возиться с дорогой. Тогда Марина легко коснулась его плеча. Миша резко обернулся.

— Чего?

Слово получилось смазанным, глуховатым. Так он говорил часто. В детском саду воспитательница уверяла, что многие мальчики начинают говорить чисто позже девочек, логопед в районной поликлинике советовала заниматься дома и не драматизировать. «Возрастное, — говорили Марине. — Разговорится». Она и сама повторяла это мужу, родственникам, себе. Повторяла настолько часто, что фраза стала почти заклинанием.

— Я тебя звала, — сказала она.

Миша посмотрел на её лицо. Не на глаза — чуть ниже, на рот. Марина раньше замечала эту привычку, но не придавала ей значения.

— Я не слышал.

— Совсем?

Он пожал плечами. Для него вопрос был слишком большим. «Совсем» — это как? Он слышал, как хлопнула дверь в подъезде. Слышал, когда отец ронял ключи на тумбочку. Слышал пылесос, кофемолку, собаку во дворе, если та лаяла долго и сердито. Иногда из другой комнаты до него долетало отдельное слово, ясное и круглое, будто кто-то неожиданно бросил его прямо в ладонь. Но голоса могли исчезать. Особенно если человек стоял далеко или говорил спиной. Тогда оставалось что-то мягкое, похожее не на слова, а на движение воздуха. Миша не умел этого объяснить и потому снова пожал плечами.

— Обедать? — спросил он.

— Ужинать, — поправила Марина.

— Ужинать.

Он осторожно поднялся, стараясь не задеть коленом рельсы. Марина смотрела, как он идёт к ванной, и вдруг вспомнила десятки мелочей, которые прежде казались не связанными между собой. Как он включал телевизор чуть громче, чем ей хотелось. Как неизменно оборачивался, когда видел её отражение в стеклянной дверце шкафа, но мог не отреагировать на обращение со спины. Как в детском саду просил посадить его ближе к воспитательнице. Как сердился, если она говорила что-то из кухни, а потом укоряла: «Я же тебе сказала». Как однажды, ещё летом, спросил, почему птицы «открывают клювы просто так», хотя воробьи на балконе в тот момент шумно перекликались. Слишком много совпадений сразу. И всё-таки Марина мгновенно нашла им другое объяснение. Так работает страх: прежде чем признать себя страхом, он долго притворяется здравым смыслом.

За столом сидел Сергей. Он пришёл с работы раньше обычного, успел переодеться и теперь листал газету, отодвинув тарелку немного в сторону. У него была привычка читать во время еды, с которой Марина безуспешно боролась несколько лет. Иногда она раздражалась, иногда смирялась, а иногда специально клала газету на подоконник, чтобы он не нашёл её сразу.

— Руки вымыл? — спросил Сергей, не поднимая головы. Миша сел напротив.

— Да.

— С мылом?

Миша посмотрел на отца. Сергей всё ещё глядел в газету.

— Что?

Сергей поднял глаза.

— Я спрашиваю: с мылом?

— С мылом.

— Вот и отлично.

Марина разлила суп. Сергею положила больше мяса, Мише — меньше лука, себе почти один бульон. Руки у неё двигались привычно, а мысли были совсем не там. Она специально отвернулась к плите и сказала:

— Миш, хлеб возьми.

Он не отреагировал. Марина почувствовала, как сердце сделало лишний тяжёлый удар.

— Миша, — повторил Сергей, уже громче. — Мама тебе говорит.

Миша поднял голову.

— Что?

— Хлеб возьми.

— А.

Он потянулся к корзинке. Сергей заметил лицо жены.

— Что такое?

— Ничего.

— У тебя «ничего» обычно выглядит так, будто кто-то квартиру ограбил.

Марина не улыбнулась. Миша ел медленно. Суп он не любил, особенно если в ложку попадался варёный лук. Тогда долго рассматривал прозрачную полоску и незаметно оставлял её на краю тарелки. Сегодня он тоже был занят этим важным делом и не замечал, как родители переглядываются над его головой.

— Потом, — тихо сказала Марина.

Сергей нахмурился, но спорить не стал. Миша поднял взгляд. Он не разобрал слова, зато увидел перемену. Отец перестал улыбаться, мать поставила чашку чуть осторожнее обычного. Взрослые думали, что дети не замечают таких вещей. Миша замечал. Он ещё не умел понимать причин, зато видел следствия — как видят тень от предмета, находящегося за углом.

— Что? — спросил он.

Марина быстро улыбнулась.

— Ничего. Ешь.

Он посмотрел ещё несколько секунд, потом опустил глаза. «Ничего» было взрослым словом, которое очень часто означало как раз что-то.

После ужина Марина достала книжку с картинками. Они занимались почти каждый вечер — недолго, минут по десять-пятнадцать. Логопед советовала не утомлять ребёнка, превращать занятия в игру, хвалить чаще, чем исправлять. На практике всё выходило иначе. К концу рабочего дня у Марины не хватало терпения, у Миши — желания повто-

рять, а простая просьба «скажи ещё раз» через пять минут начинала звучать как требование. Сегодня на странице был нарисован зимний лес. Олень стоял возле ручья, за ним темнели ели, по синему небу летели слишком аккуратные снежинки.

— Что это? — спросила Марина, показывая на дерево.

— Ёка.

— Ёлка.

— Ёка.

— Посмотри на меня. Ёл-ка.

Миша послушно посмотрел. Он видел, как у матери округляются губы, как язык на мгновение касается верхних зубов, но середина слова всё равно ускользала. Она существовала где-то у мамы во рту, в её голосе, но до него доходила не полностью.

— Ё... ка, — произнёс он осторожно.

Марина вздохнула. Миша сразу заметил. Он вообще заметил не звук вздоха, а движение: плечи опустились, глаза на мгновение прикрылись. Ему стало обидно, хотя мать не сказала ничего плохого.

— Я сказал.

— Конечно сказал. Давай ещё один раз.

— Не хочу.

— Один.

— Не хочу.

— Миша, мы только начали.

Он отодвинул книжку.

— Я сказал.

В голосе появились слёзы. Не настоящие пока — те, что приходят раньше слёз и делают слова твёрдыми. Марина закрыла книгу. Она знала, что надо остановиться. Знала из советов логопеда, из статей, из собственной материнской интуиции. И всё же раздражение успело пройти по ней горячей волной: почему такой простой звук превращается в борьбу? Почему соседский Саша болтает без остановки, коверкать слова перестал ещё год назад, а Мише каждое «л» приходится вытаскивать словно занозу? И тут же стало стыдно за саму мысль.

— Иди играй, — сказала она мягче.

Миша не двинулся.

— Мам.

— Что?

Он смотрел на страницу с оленем.

— Я плохо говорю?

Марина почувствовала, как всё внутри сжалось. Вопрос был простой, детский. Опасным его делал не смысл, а то, что пятилетний ребёнок вообще начал сравнивать себя с другими.

— Ты учишься.

— Саша хорошо говорит.

— Саша по-другому говорит.

— Хорошо?

Марина слишком долго молчала. Миша получил ответ раньше, чем она нашла слова. Он слез со стула и вернулся к железной дороге. Через минуту красный локомотив снова лежал у него в ладони. Мир игрушек был удобнее. Там не существовало правильного произношения. Поезд либо ехал, либо падал с рельсов; мост либо стоял, либо разваливался; если детали не подходили, их можно было переставить. Никто не просил локомотив повторить звук ещё раз. Сергей вошёл в комнату и сел в кресло. Он был крупным мужчиной с тяжёлыми ладонями, в которых маленькие вещи выглядели почти игрушечными. Сейчас он держал чашку чая и наблюдал, как сын возится на полу.

— Дорогу достроил?

Миша не ответил.

— Миш.

Мальчик повернулся.

— Что?

Сергей посмотрел на Марину, появившуюся в дверях.

— Вот, — сказала она почти беззвучно.

— Что «вот»?

— Потом.

Сергей раздражённо выдохнул. Он не любил разговоров намёками и особенно не любил, когда Марина пугалась заранее. В семейной жизни за ним давно закрепились роль человека, который говорит: «Ничего страшного». Сломалась машина — ничего страшного. У Миши высокая температура

— ничего страшного, сейчас вызовем врача. Денег до зарплаты осталось мало — ничего страшного, справимся. Эта фраза была для Сергея способом держать мир в порядке. Если назвать вещь нестрашной, она как будто становилась меньше. Марина понимала это и всё же иногда ненавидела его за эту способность.

Вечером, когда Миша лёг, они закрыли дверь на кухню. Не плотно — Сергей автоматически оставил щель, чтобы услышать, если ребёнок позовёт. Потом сел напротив жены.

— Ну?

Марина рассказала про оклики. Про дверь в подъезде. Про хлеб. Про прошлые случаи. Чем дольше говорила, тем больше убеждалась сама, и от этого становилось хуже. Сергей слушал, нахмурившись.

— Ты хочешь сказать, он не слышит?

— Я не знаю.

— Только что телевизор услышал из другой комнаты.

— Я не говорю, что совсем не слышит.

— Марин, ну дети заигрываются. Ты его видела с поездом? Там война идёт за каждый рельс.

— Я подошла почти вплотную.

— И?

— Не повернулся, пока не дотронулась.

Сергей пожал плечами.

— Может, задумался.

Марина посмотрела на него так, что он отвёл глаза.

— Почему ты всегда сначала объясняешь, почему проблемы нет?

— Потому что ты всегда сначала объясняешь, почему она есть.

Слова прозвучали резче, чем он хотел. Марина замолчала. Некоторое время слышно было только, как на кухне работает холодильник и по батарее проходит слабый металлический щелчок.

— Я не хочу, чтобы она была, — сказала Марина. — Я хочу ошибиться.

Сергей провёл ладонью по лицу.

— Хорошо. Запишем к врачу.

— Я завтра позвоню.

— Позвони.

— И в саду спрошу.

— Спроси.

Он встал, хотел обнять её, но Марина уже убирала чашки. Так иногда бывало между ними: нежность появлялась на секунду позже, чем была нужна, и не успевала догнать человека. В комнате Миша не спал. Дверь была приоткрыта. До него долетали голоса родителей, но слова слипались. Иногда возникало одно — ясное, а следующие исчезали. Он слышал отцовское «слышит», потом мамино «не знаю», потом длинное непонятное гудение речи. Миша перевернулся на бок и посмотрел на стену. Свет фонаря проходил сквозь занавеску, и тень ветки медленно шевелилась на обоях. Ему не нра-

вилось, когда родители говорили о нём за дверью. Он не понимал почему. Казалось, будто там, на кухне, есть ещё один Миша — невидимый, взрослым понятнее настоящего. О нём можно говорить, пока настоящий лежит в кровати и ничего не знает. Миша натянул одеяло до подбородка.

На тумбочке лежал рисунок. Днём он нарисовал поезд: длинный, чёрный, с красными окнами. Колёса получились разными, труба слишком большой, зато рельсы уходили далеко за край листа. Ему нравилось, что на бумаге можно продолжить линию там, где хочется. Никакой взрослый не говорил, что она звучит неправильно. Он вытащил руку из-под одеяла и положил ладонь на лист. Бумага была прохладной. Из кухни донёсся смех отца — короткий и неожиданно громкий. Его Миша слышал отлично. Через секунду мать что-то сказала, но слов он снова не разобрал. Миша нахмурился. Почему одно приходит, а другое нет?

Он не стал думать дальше. В пять лет мысли редко строятся в длинные цепочки. Они вспыхивают картинкой, ощущением, вопросом и тут же уступают место другому. Сейчас Миша увидел в темноте поезд. Представил, как тот идёт по рельсам ночью. В окнах свет. В вагонах люди. Наверное, колёса стучат — взрослые говорили, что поезд стучит. Как именно, Миша не знал. Он слышал настоящий поезд только однажды, на вокзале, и запомнил скорее дрожь пола под ногами, чем звук. Он решил, что стук должен быть тёмно-коричневым. Некоторые звуки почему-то имели для него цвет.

Не всегда. Только самые заметные. Звонок в дверь был белым — острым, как царапина на стекле. Пылесос — серым. Отец, когда сердился, становился тёмно-синим. Мамин голос, когда она читала вечером, был тёплым, желтоватым. Миша не считал это необычным. Он вообще не знал, что другим людям звук не кажется цветом.

Утром тревога на несколько часов отступила. Миша смеялся, требовал красное варенье и прибежал на хлопок крышки из другой комнаты; Сергей даже успел заметить, что сын прекрасно слышит. Но по дороге в сад Марина снова стала собирать в памяти то, чему прежде находились удобные объяснения: мальчик не оборачивался, когда его звали с крыльца, терял обращённую к нему речь в шуме, смотрел на лицо говорящего. За стеклом двери она увидела то же самое: пока Нина Викторовна стояла перед детьми, Миша повторял движения; стоило воспитательнице отвернуться к магнитофону, он замер и начал ориентироваться по остальным. К вечеру прежние семейные истории — «увлёкся», «упрямый», «мальчики позже начинают говорить» — уже не успокаивали.

Бабушка, узнав о предстоящей проверке, отмахнулась: Миша слышит шуршание шоколадной обёртки, значит, всё в порядке. Слово «инвалид», сказанное ею из страха, заставило Марину резко оборвать разговор. Сергей в тот день ещё держался за ту же логику, но, приехав в сад раньше, сам увидел, как Нина Викторовна трижды позвала Мишу со спины

и получила ответ только после прикосновения. Дома он уже не спорил. «Хорошо, что записались», — сказал он. Марине этого было достаточно: впервые они смотрели не друг на друга через страх, а в одну сторону.

Этой фразы Марине было достаточно. В комнате Миша строил из кубиков город. Дома стояли не ровными улицами, а так, чтобы между ними оставались узкие проходы. По этим проходам ездил красный локомотив, хотя железной дороги не было.

— Поезд по дороге не ездит, — сказал Сергей, присаживаясь.

Миша даже не поднял головы.

— Тут ездит.

— Почему?

— Потому что рельсы под землёй.

— А поезд сверху.

Миша задумался. Несоответствие заметил впервые.

— Тогда это не поезд.

— А что?

Он подумал ещё.

— Машина-поезд.

— Отличное инженерное решение.

Миша не понял слов, но по отцовскому лицу понял одобрение. Сергей взял кубик и поставил рядом.

— А это что?

— Не трогай.

— Почему?

— Там свет.

Сергей посмотрел. Между двумя домиками падала полоска света от настольной лампы. Если поставить кубик, она исчезала. Он убрал руку.

— Понял.

Миша продолжил игру. Сергей посмотрел на Марину через комнату. Оба одновременно заметили одно и то же: сын защищал не пустое место между кубиками. Он защищал свет. Может быть, любой пятилетний ребёнок сделал бы так же. Может быть, они теперь слишком много значения придавали каждой детали. Но в этот вечер ни один не стал разбирать наблюдение на причины. Просто запомнили.

Перед сном Марина читала Мише сказку. Он лежал рядом, без аппаратов — их ещё не было, — и смотрел не на картинки, а на её лицо. Если она опускала книгу и произносила фразу, отвернувшись, он иногда просил:

— Ещё.

— Что ещё?

— Скажи.

— Я только что сказала.

Он хмурился. Марина теперь повторяла без раздражения. На середине сказки она специально остановилась.

— Почему не читаешь? — спросил Миша.

— Думаю.

— О чём?

— О тебе.

— Не надо. Читай.

Она засмеялась.

— Хорошо.

И прочитала дальше.

Через несколько страниц Миша заснул. Марина продолжала держать книгу открытой, хотя уже не читала. Она смотрела на его лицо и пыталась представить, как звучит её голос для него. Не получалось. Человек не способен вынуть себя из собственного восприятия и примерить чужое полностью. Она могла только поверить, что сыну иногда трудно. И впервые этого показалось достаточно, чтобы начать действовать. Позднее Марина вспомнила ещё один эпизод — день рождения Саши в начале осени. Тогда родители собрались во дворе, дети носились вокруг длинного стола, играла музыка из переносной колонки, кто-то запускал мыльные пузыри. Миша почти весь праздник провёл не с детьми, а возле клёна у забора, собирая сухие листья и раскладывая их по цвету.

В памяти всплывали и другие эпизоды: на детском празднике Миша отступал от общего крика, но легко понимал мальчика, говорившего рядом; дома уверенно узнавал знакомые слова, если видел лицо, и путал их, когда Сергей проносил из коридора. Отец однажды всё-таки превратил сомнение в игру с карточками — неудачными котами, домами и поездами собственного рисунка. Несколько ответов совпали, несколько нет; стоило ему повторить слово лицом к сыну,

оно становилось яснее. После этого Сергей тихо признал: похоже, проблема действительно есть. Карточки он хотел выбросить, но Миша спас их из корзины — ему нравились кривые отцовские рисунки. Взрослые искали в игре доказательство, ребёнок просто видел смешные картинки.

В один из этих вечеров, когда страх уже поселился в доме, но ещё не получил ни названия, ни расписания врачей, неожиданно погас свет. Сначала щёлкнул холодильник, потом исчезло гудение телевизора, и квартира на секунду провалилась в такую полную тишину, что Сергей из кухни сказал: «Ну вот, только этого не хватало». За окном продолжал гореть фонарь, поэтому комната не стала совсем чёрной: снег возвращал слабый молочный свет, мебель превратилась в большие неподвижные пятна, а стекло вдруг сделалось почти зеркалом.

Миша обрадовался. Для него отключение электричества было не бедствием, а событием. Он тут же потребовал свечи, хотя видел свечи только на праздничном торте и однажды у бабушки, когда там тоже что-то случилось с проводкой. Марина нашла в кухонном шкафу две короткие хозяйственные свечи, поставила одну в блюдо и зажгла. Пламя вытянулось, дрогнуло, и стены сразу перестали быть неподвижными. Тень от стула стала длиннее, рука Сергея на стене выросла почти до потолка, а лицо Марины разделилось на светлую и тёмную половины. Миша перестал бегать. Он сел на пол и уставился на мать.

— Не двигайся.

— Почему?

— Так.

— Что «так»?

Он показал на её лицо. Объяснить не мог. Марина сначала хотела сказать, что сидеть в темноте вредно для глаз и лучше дождаться света, но Сергей уже понял игру. Взял свечу и переставил на другой край стола. Тень на лице жены переместилась.

— Вот, — сказал Миша.

— Что «вот»? — спросила Марина.

— Другая.

Сергей поднял свечу выше. Миша засмеялся.

— Ещё другая!

Следующие десять минут они двигали свечу, как будто это был домашний театр. Сергей делал на стене собаку из пальцев, Марина пыталась изобразить птицу, но у неё получался кривой крокодил. Миша спорил, что у крокодила не может быть такого клюва, и сам ставил пальцы так, как считал правильным. Потом попросил бумагу. При свече рисовать было неудобно, однако он всё равно устроился на ковре и начал выводить контур маминого профиля — не потому, что решил сделать портрет, а потому что тёмная половина лица казалась ему важнее разговора взрослых о предохранителях и аварийной службе.

Марина смотрела на сына и впервые за весь день пере-

стала искать в каждом его движении симптом. Просто мальчик, просто свеча, просто карандаш. От этого почти заболело сердце: как легко страх отнимает у родителя ребёнка и подсовывает вместо него перечень признаков, норм, сроков и возможных диагнозов. Она поймала себя на том, что уже несколько часов смотрит не на Мишу, а на то, чего он не слышит. Между тем он был здесь целиком — со своим упрямством, смешным вихром на макушке, привычкой грызть карандаш и восторгом от тени, которая вдруг стала длиннее. Когда свет включился, всё произошло слишком быстро. Загудел холодильник, вспыхнула люстра, телевизор отозвался рекламой, которую никто не выключил. Миша зажмурился и закрыл уши ладонями.

— Выключи, — сказал он.

Сергей сначала решил, что речь о люстре.

— Что выключить?

Миша показал на телевизор. Сергей нажал кнопку. Комната снова успокоилась, хотя прежней тишины уже не было: работал холодильник, где-то в трубах прошла вода, на лестнице хлопнула дверь. Миша убрал руки.

— Лучше?

— Да.

Никто не стал задавать дополнительных вопросов. Марина только запомнила эту секунду — не как доказательство, а как часть сына, которую раньше не замечала.

Перед сном Миша принёс рисунок. На нём была мамина

голова, половина почти белая, половина заштрихована до серого. Нос получился слишком длинным, шея — тонкой, глаза находились на разной высоте.

— Это я? — спросила Марина.

— Ты.

— В темноте?

— Со свечой.

Она хотела похвалить привычным «красиво», но вспомнила, как раздражался Миша, когда бабушка называла красивым всё подряд.

— Мне нравится тень, — сказала она.

Миша посмотрел на рисунок, затем на неё и удовлетворённо кивнул. Это была похвала конкретной вещи, которую он и сам считал удачной. Марина положила лист на комод. Позже, уже лёжа в постели, она подумала, что сегодняшний страх почему-то запомнится ей не разговором с Сергеем и не тремя окликаками без ответа, а свечой и серой половиной детского рисунка. Жизнь, даже когда в неё входит тревога, редко соглашается быть только тревогой. Она всё равно оставляет место для смешного крокодила на стене, для кривого профиля, для тёплого воска на блюде. И, возможно, именно такие мелочи потом не дают воспоминаниям превратиться в медицинскую карту.

Нина Викторовна подтвердила то, что Марина уже боялась услышать: на общих занятиях Миша часто терял речь, особенно если воспитательница ходила по группе или гово-

рила, отвернувшись; лицом к нему понимал заметно лучше. Раньше это называли рассеянностью и «своим миром». Теперь старые замечания складывались в другую картину. Марина сначала спросила, почему ей не сказали раньше, и тут же извинилась: говорили — просто она слышала в этих словах другое. Миша в это время воевал с молнией на куртке и, подняв голову, застал обеих женщин смотрящими на него. Он спросил, что случилось. Марина ответила, что пора домой.

На улице снег уже перестал. Солнце садилось за дома, и на ледяной корке вдоль тротуара появился оранжевый свет. Миша шёл рядом, наступая в материнские следы. Марина несколько раз начинала говорить и замолкала. Она хотела спросить сына прямо: «Ты меня слышишь?» Но вопрос казался глупым. Конечно, слышит. Сейчас ведь отвечает. И всё-таки через несколько минут не выдержала.

— Миш.

Он посмотрел.

— Когда я тебя зову из другой комнаты, ты всегда слышишь?

Миша задумался. На тротуаре лежала длинная ветка, и он переступил через неё, не наступив.

— Не знаю.

— А когда не слышишь, как это?

Он посмотрел на мать. Сложный вопрос. Миша нахмурился, потом показал рукой на её рот.

— Ты говоришь.

— Да.

— А потом уже всё.

— Что всё?

Он раздражённо мотнул головой — не потому, что сердился на мать, а потому что слов не хватало.

— Уже сказала.

Марина остановилась.

— Ты видишь, что я говорю, но не понимаешь что?

Миша подумал и кивнул.

— Иногда.

Сердце у Марины сжалось так сильно, что на секунду стало трудно дышать. Но сын уже смотрел на лужу у бордюра. В ней отражалось небо, и перевёрнутое дерево дрожало от ветра.

— Мам, смотри.

— Что?

— Дерево вниз растёт.

Она посмотрела на отражение и неожиданно рассмеялась. Миша улыбнулся: значит, всё хорошо. Детская тревога редко выдерживает, если взрослый улыбается по-настоящему. Марина присела рядом с ним прямо на корточки возле грязного снега.

— Красивое?

— Кривое.

— Почему?

— Вода двигает.

Он ткнул пальцем в отражение. Марина смотрела не на лужу, а на сына — на его сосредоточенный профиль, светлую прядь, выбившуюся из-под шапки, на глаза, которые замечали перевёрнутое дерево, но могли не услышать собственное имя. В этот момент страх впервые перестал быть предположением. Он ещё не стал диагнозом, не получил названия, не оброс врачами, аппаратами и занятиями. Но Марина уже знала: они будут проверять слух.

Вечером Сергей снова попросил не ставить диагноз до врача, но спор закончился быстро. Он встал за спиной рисующего сына и несколько раз позвал его; Миша обернулся лишь тогда, когда заметил отцовское отражение в тёмном окне. На листе было перевёрнутое дерево из лужи — ветви уходили вниз, в другой, подземный двор. Сергей сел рядом. Когда Миша спросил, почему папа грустный, тот впервые не спрятался за привычным «ничего» и признал: немного. Этого объяснения ребёнку хватило. Отец смотрел, как ветка возникает из нескольких линий, и чувствовал уже не только страх, но и почти болезненную нежность: сын жил в мире, о котором он до сих пор знал меньше, чем думал.

Сергей попытался найти объяснение в собственной семье: вспоминал позднюю речь, расспрашивал мать о слухе, цеплялся за историю деда, оглохшего уже взрослым на шумном производстве. Ничего не складывалось в удобную причину. Мать лишь попросила не винить ни Марину, ни себя

— и Сергей понял, что именно этим незаметно и занимается. Позже он сел рядом с Мишей, рисовавшим поезд. Одно колесо получилось меньше остальных. На предложение начать заново мальчик отказался и превратил ошибку в часть механизма, дорисовав вокруг неё тень. Сергей улыбнулся: бумагу нельзя вернуть назад, можно только продолжить рисунок. Взрослым, вероятно, предстояло научиться тому же.

Ночью он долго не мог уснуть. За стеной тихо разговаривали родители. Отдельные слова опять то появлялись, то исчезали. Но Миша уже не старался их ловить. Он смотрел на свой рисунок перевёрнутого дерева, лежавший на тумбочке, и думал только о том, что завтра мама обещала купить новый альбом. Он ещё не знал, что через несколько дней его посадят в тихой комнате, наденут большие наушники и попросят нажимать кнопку, когда появится звук. Не знал, что впервые обнаружит существование звуков, которых для него нет. Не знал, что начнёт бояться тишины, которую прежде не замечал. Пока тишина была просто частью комнаты. Как темнота между предметами. Как белое место на листе, куда ещё ничего не нарисовали.

Глава 2. За закрытой дверью

К врачу записали на четверг. До четверга оставалось три дня, и эти три дня Марина прожила так, будто за ней всё время шли часы, которых никто другой не слышал. Она не рассказывала о тревоге ни своей матери, ни подругам, ни коллегам. Стоило назвать страх вслух, как он приобрёл бы фор-

му, а ей хотелось до последнего оставить его расплывчатым, необязательным. Пока не было заключения, можно было говорить себе, что Миша просто невнимателен. Можно было вспоминать, как он слышит шелест пакета с конфетами из соседней комнаты, и смеяться над собственными подозрениями. Можно было надеяться, что врач посмотрит уши, пожмёт плечами и отправит домой.

До приёма оставалось два дня, и Марина почти против воли превратила обычный быт в наблюдение: услышал ли просьбу из-за спины, отреагировал ли в шуме, сколько раз переспросил. Сергей сердился не на неё, а на этот домашний экзамен и на собственный страх; он просил дожидаться врача. Миша быстро заметил напряжение по лицам родителей, хотя воды в раковине и бритвы хватало, чтобы часть слов пропала. На вопрос, ругаются ли они, Сергей ответил «нет», Марина — «немного». Миша подумал и вынес приговор обоим: раз папа упрямый, а мама всё заранее знает, значит, виноваты оба. Смех на несколько минут вернул дому обычную жизнь.

В детском саду Нина Викторовна теперь тоже наблюдала. Марина попросила её не делать из этого события и ничего не говорить Мише. Воспитательница согласилась, но быть незаметной оказалось трудно. Она несколько раз специально обращалась к нему, находясь за спиной, потом подходила ближе, меняла громкость. В шумной группе картина становилась очевиднее: если дети кричали, двигали стулья, стро-

или башню из кубиков, Миша мог пропустить даже довольно громкое обращение. Если всё вокруг стихало, он откликался гораздо чаще.

В тот день детям читали сказку. Нина Викторовна посадила Мишу в первом ряду, почти напротив себя. Он слушал лучше, чем обычно. Вернее, смотрел. Его глаза всё время находились на лице воспитательницы. Когда она поворачивалась к картинке в книге, Миша слегка напрягался; когда снова смотрела прямо, расслаблялся.

После чтения детей спросили, почему лиса обманула героя. Руки взлетели вверх. Миша руку не поднял. Он вообще не любил вопросы после сказок. Сама история могла нравиться, но когда взрослый начинал проверять, что ребёнок понял, удовольствие исчезало. Нина Викторовна всё же обратилась к нему:

— Миша, а ты как думаешь?

Он увидел, что она говорит именно с ним, но вопрос разобрал не полностью.

— Что?

Несколько детей засмеялись. Не зло. Просто слово «что?» прозвучало громче, чем нужно, а дети смеются над любым неожиданным звуком.

— Почему лиса обманула? — повторила воспитательница медленнее.

Миша пожал плечами.

— Хотела.

— Что хотела?

— Ну... это.

Он не мог вспомнить нужное слово. Кто-то сзади подсказал. Миша услышал лишь обрывок. Смех повторился. Тогда он насупился и замолчал совсем. Нина Викторовна быстро переключилась на другого ребёнка, но эпизод остался у неё в памяти. Раньше она бы решила, что Миша упрямится или плохо слушал сказку. Теперь увидела другое: он потерял нить не потому, что не интересовался, а потому что не удержал речь в общей мешанине голосов.

После тихого часа он рисовал. На листе был длинный коридор с дверями. В конце — большое окно. Нина Викторовна присела рядом.

— Это где?

Миша посмотрел на её губы.

— Здесь.

— В садике?

— Да.

— А почему окно большое?

Он пожал плечами.

— Там свет.

Она хотела спросить, почему двери нарисованы тёмными, но остановилась. Мальчик уже снова склонился к бумаге. В последние дни он всё чаще рисовал то, что находилось перед глазами, и делал это необычно для своего возраста: не украшал картинку солнцем и цветами, не добавлял улыбающиеся

ся лица просто потому, что так принято. Он выбирал детали, которые действительно заметил. От этого рисунки иногда выглядели странно, почти пусто, зато в них было узнаваемое место.

На прогулке это проявилось иначе. Миша легко замечал жесты, направление взгляда, выражение лица и по ним понимал то, чего не расслышал. Если взрослый стоял спиной или далеко, слова становились ненадёжными; приблизившись, он часто угадывал ситуацию ещё до повторения. Нина Викторовна записала для себя простое наблюдение: дело не в том, что мальчик «не слушает». Он всё время собирает смысл из того, что до него доходит.

После прогулки Марина решила не ехать домой сразу. Они зашли в маленькое кафе возле остановки — то самое, мимо которого обычно проходили, потому что цены там казались неоправданно высокими. Внутри пахло выпечкой и кофе, окна запотели, на стекле висели бумажные снежинки. Миша выбрал булочку с маком только потому, что на ней было больше всего чёрных точек, и долго откусывал по краю, стараясь не разрушить середину. Марина сидела напротив и впервые за несколько дней позволила себе смотреть на сына без проверки. Не окликала со спины. Не шептала специально. Не следила, услышит ли он ложку, упавшую у соседнего столика. Она просто смотрела, как он ест, как языком ловит мак с губы, как прищуривается, когда за окном автобус проходит через грязный снег.

За соседним столом сидели мать и девочка примерно Мишиного возраста. Девочка говорила без остановки — быстро, звонко, перескакивая с одного на другое. Марина невольно слушала. Вот именно такого детского потока речи у них дома никогда не было. Миша говорил, когда ему было что сказать, и чаще коротко. Иногда фраза рождалась легко, иногда рассыпалась на два-три слова. До последних дней Марина считала это характером. Теперь чужая девочка действовала на неё почти болезненно. Она заставила себя отвернуться. Сравнение — один из самых бессмысленных родительских видов страдания. Всегда найдётся ребёнок, который раньше заговорил, быстрее научился читать, увереннее держится на утреннике, лучше ест овощи. Но когда появляется страх за здоровье, сравнение перестаёт быть мелкой слабостью и становится почти навязчивым: родитель ищет рядом доказательство нормы, а потом прикладывает к нему собственного ребёнка, как линейку.

— Мам.

Марина вздрогнула.

— Что?

Миша показывал на запотевшее окно.

— Можно?

— Что можно?

Он провёл пальцем по стеклу.

— Рисовать.

— Только маленько, а то нас выгонят.

Он нарисовал круг, потом два окна, крышу. Дом получился прозрачным: за линиями были видны остановка, люди и жёлтый автобус. Миша стёр ладонью кусок пара и дорисовал дерево так, что настоящее дерево на улице оказалось внутри нарисованного дома.

— Оно в комнате, — сказал он и засмеялся.

Марина тоже улыбнулась. Потом к кафе подъехала машина, водитель громко хлопнул дверью. Миша повернул голову сразу. Чуть позже официантка, стоя у него за спиной, спросила, убрать ли тарелку. Он не отреагировал. Марина увидела оба эпизода и впервые не стала мысленно ставить галочки. Завтра специалисты разберутся лучше. Сегодня у них была булочка, запотевшее стекло и ещё двадцать минут до автобуса.

На обратной дороге Миша неожиданно спросил:

— Врач будет сердиться?

— На что?

— Что я не слышу.

Марина остановилась посреди тротуара. Люди обходили их, кто-то задел её сумкой.

— Нет. Конечно нет.

— Анна Сергеевна сердится, когда я «л» не говорю.

— Она не сердится. Она хочет, чтобы получилось.

Миша задумался.

— Лицо сердится.

Марина не нашлась сразу. Возможно, логопед просто со-

средотачивалась. Возможно, уставала. Для ребёнка разница между раздражением и напряжением взрослого не всегда очевидна.

— Если тебе кажется, что кто-то сердится, можно спросить, — сказала она.

— Я спрашиваю. Вы говорите «нет».

Это было настолько точно, что Марине стало стыдно.

— Тогда будем говорить честнее.

— Хорошо.

Он принял обещание без торжественности и уже через минуту заинтересовался следами собаки в снегу. Марина же несла эту короткую беседу до самого дома. Страх за слух вдруг показал ей другую, не медицинскую проблему: взрослые слишком часто требуют от ребёнка точности, сами отвечая ему удобными словами. «Ничего». «Не сержусь». «Всё хорошо». В их семье этих фраз было много.

Вечером она сказала Сергею:

— Давай договоримся: при нём не врать, что всё хорошо, если нам страшно.

— И что говорить? «Миша, мы в панике»?

— Нет. «Мы волнуемся, но разберёмся».

Сергей подумал.

— Звучит как инструкция к стиральной машине.

Марина рассмеялась.

— Придумай лучше.

— Я волнуюсь, но мама всё контролирует.

— Сергей.

— Уже хуже, понял.

Из комнаты донеслось:

— Я слышу!

Они оба замолчали, потом рассмеялись ещё сильнее. Миша не понял причину, но пришёл посмотреть. И несколько минут они втроём стояли в коридоре, объясняя друг другу шутку, которая от объяснения становилась только глупее. Это был хороший вечер накануне врача — не потому, что страх исчез, а потому, что страху снова пришлось делить место с жизнью.

Дома Миша попробовал играть с зеркалом. Он произносил без звука знакомые слова и смотрел, можно ли узнать их по губам. «Мама» получалось легко. «Папа» тоже. «Дом» — хуже. Сергей застал его.

— Что делаешь?

Миша приложил палец к губам и без голоса сказал «папа».

— Папа, — угадал Сергей.

Миша обрадовался. Потом беззвучно произнёс «машина». Сергей не понял.

— Каша?

Миша захохотал. Игра продолжилась. Через десять минут все трое сидели перед зеркалом и пытались читать губы друг друга. Марина обнаружила, что это гораздо труднее, чем кажется. Даже знакомое слово без контекста можно понять неправильно.

— Вот, — сказал Сергей. — А мы от него иногда ждём, что он всё поймёт по лицу.

Марина посмотрела на мужа.

— Никто не ждёт всё.

— Я ждал.

Это признание прозвучало спокойно. Миша уже не слушал. Он беззвучно строил гримасы в зеркале и смеялся над собой.

В тот вечер взрослые впервые попробовали его стратегию на себе — и она перестала казаться простой.

Вечером накануне приёма к ним приехала бабушка — Маринина мать, Галина Петровна. Она принесла пакет мандаринов, банку домашнего варенья и свою уверенность в том, что всё происходящее чрезмерно раздуто. Едва сняв пальто, она позвала Мишу из прихожей:

— Внучек, иди, что принесла!

Миша был в комнате и не пришёл. Галина Петровна посмотрела на дочь.

— Заигрался.

Марина ничего не сказала. Бабушка прошла до дверей комнаты.

— Мишенька!

Он увидел её и сразу вскочил.

— Баба!

— Вот. Всё слышит, — торжествующе сказала она, хотя именно этот маленький эпизод доказывал скорее обратное:

Миша отреагировал, когда увидел.

Сергей ушёл на кухню ставить чайник. Марина решила не спорить. Но разговор всё равно возник сам. За столом Галина Петровна внимательно наблюдала за внуком. Миша чистил мандарин и складывал белые прожилки в отдельную кучку. Бабушка спросила, как дела в садике. Он не понял первого раза. Она повторила. Потом ещё один вопрос. Миша снова переспросил. Галина Петровна нахмурилась.

— Он всегда так много «что» говорит?

Марина посмотрела на неё.

— Вот поэтому мы идём проверять слух.

— Я не сказала, что...

— Знаю.

Бабушка замолчала. Через несколько минут сама попробовала говорить, не поворачиваясь к внуку.

— Миш, хочешь ещё мандарин?

Он продолжал рисовать пальцем по столу каплей сока. Она повернулась лицом:

— Мишенька, ещё дать?

— Да.

Галина Петровна впервые ничего не сказала о врачах. Позже, когда Миша ушёл играть, она тихо произнесла:

— Может, и правда стоит проверить.

Марина почувствовала странное удовлетворение и тут же устыдилась. Ей хотелось быть правой в вопросе, в котором лучше было ошибиться.

— Я не хочу, чтобы ты признала мою правоту, — сказала она. — Я хочу, чтобы всё оказалось ерундой.

— Конечно.

Галина Петровна взяла дочь за руку. Это был жест из Маринино детства. Когда она падала, болела, переживала экзамены, мать именно так накрывала её пальцы своими.

— Я просто боюсь за тебя тоже.

— За меня зачем?

— Потому что ты уже себя съела.

Марина отвернулась.

— Я должна была заметить.

— Ты мать, а не прибор. Что могла — замечала.

Эта простая фраза не сняла вины, но немного изменила её форму. Марина вдруг вспомнила собственное детство, когда мать тоже не всегда замечала важное вовремя, говорила не те слова, сердились друг на друга, потом мирились. Родительство никогда не было состоянием всезнания. Просто пока ребёнок маленький, он верит, что взрослый знает всё, а взрослый иногда сам начинает в это верить. Сергей сидел напротив и молчал. Его отношения с тёщей редко отличались нежностью, но сейчас он был благодарен ей за то, что Марина хотя бы перестала повторять «я должна была».

После чая Галина Петровна попросила Мишу показать рисунки. Он принёс альбом. Бабушка хвалила всё подряд — машину, дерево, кривое ухо, тёмный коридор.

— Как красиво!

Миша на третьем листе начал раздражаться.

— Не всё красиво.

— Для меня красиво.

— Этот плохо.

Он показал машину с разными колёсами.

— Ничего, зато мило.

Миша не знал слова «мило» в применении к рисунку и посмотрел на мать.

— Бабушке нравится, — объяснила Марина.

— Но колесо плохое.

— Значит, потом нарисуешь лучше.

Он подумал и согласился. Этот ответ устраивал больше, чем автоматическая похвала. Когда бабушка уехала, Сергей сказал:

— Знаешь, он уже понимает, когда его хвалят просто так.

— Дети вообще многое понимают.

— Опасная теория.

— Для родителей — да.

В следующие дни взрослые замечали, как по-разному Миша воспринимает один и тот же мир. Музыка могла доходить до него ритмом и низкими звуками, а слова поверх неё исчезали; тихая речь лицом к лицу, наоборот, оставалась понятной. Он не выглядел человеком, живущим в тишине, — просто некоторые части звуковой картины оказывались размыты. Это различие было труднее принять, чем простое «слышит» или «не слышит».

После визита к районному врачу вечер прошёл удивительно спокойно. Возможно, потому что все устали. Марина сварила картошку, Сергей открыл банку селёдки, Миша отказался есть рыбу и потребовал сосиску. Никто не говорил о направлении. Бумага лежала на холодильнике под магнитом и казалась обычным листом среди квитанций.

После ужина Миша пошёл купаться. В ванной он любил наливать воду в пластиковый стакан и переливать из одной игрушечной чашки в другую. Сергей сидел рядом на закрытой крышке унитаза и следил, чтобы вода не оказалась на полу. Миша ударил ладонью по поверхности ванны. Раздался глухой плеск.

— Слышишь? — спросил он отца.

Сергей кивнул. Миша опустил уши почти к воде и снова ударил.

— Тут громче.

— Потому что вода проводит звук иначе.

— Как?

Сергей начал объяснять про колебания, потом понял, что говорит пятилетнему ребёнку словами из школьной физики.

— Короче, в воде звук идёт по-другому.

Миша опустил ладонь на стенку ванны, пока отец постучал по ней снаружи.

— Рукой слышно!

— Чувствуешь вибрацию.

— Что?

— Дрожит.

— Да.

Он ещё несколько минут экспериментировал: прикладывал пальцы, ладонь, локоть. Для него звук никогда не был только тем, что попадает в ухо. Громкие вещи можно было почувствовать телом. Сергей смотрел и думал, что прежде назвал бы это обычной детской игрой. Теперь каждое наблюдение казалось значимым. Он боялся начать видеть симптомы там, где есть просто любопытство.

— Пап.

— Что?

— Я утону, если ухо в воду?

— Нет.

— А слышать буду?

— Попробуй, только нос не опускай.

Миша осторожно погрузил одно ухо. Сергей тихо постукивал по борту. Мальчик вынырнул с восторгом.

— Там другое!

— Верю.

Сергей улыбнулся. И впервые за несколько дней перестал думать о проблеме. Он просто играл с сыном.

Позже Марина стояла в дверях ванной и смотрела, как они устраивают «подводный концерт». Вода уже была повсюду. Обычно она бы возмутилась. Сегодня только принесла полотенце.

На следующий день тема звука неожиданно вернулась в

детском саду: Миша слепил собаке огромные уши, уверенный, что так она будет слышать лучше. Воспитательница не стала превращать детскую логику в урок физики. Марина тоже удержалась от лишних выводов. Для Миши различия слуха пока не были трагедией — лишь ещё одним свойством мира, которое можно проверить, нарисовать или обыграть.

В тот же день Сергей решил заранее поговорить с сыном о враче, чтобы не повторять прошлую ошибку, когда ребёнок узнавал всё в последний момент.

— Завтра будут проверять не только уши смотреть, а как ты слышишь разные звуки.

— Какие?

— Не знаю. Пищат, наверное.

— Громко?

— Разные.

— А если не услышу?

Сергей посмотрел на Марину. Она не подсказала.

— Тогда так и будет. Твоя задача не угадать, а сказать правду.

— Как сказать, если не услышал?

— Не нажать кнопку.

Миша подумал.

— Значит, молчать тоже ответ?

— В этой игре — да.

Ему понравилось. Обычно взрослые требовали ответа словами. Здесь отсутствие действия тоже считалось правиль-

НЫМ ОТВЕТОМ.

— Я хорошо умею молчать, — сказал он.

Сергей рассмеялся.

— В этом никто не сомневается.

Марина хотела одёрнуть мужа, но увидела, что Миша смеётся тоже.

Перед сном они договорились: после врача зайдут в кафе, если обследование затянется. Миша спросил, можно ли сырник. Сергей обещал.

— Даже если плохо нажимал?

— Тут нельзя плохо нажимать. Только честно.

Эта формулировка оказалась важной. На следующий день, когда часть сигналов исчезнет в тишине, Миша будет помнить: не услышать — не ошибка. В четверг утром Миша проснулся раньше родителей. За окном ещё не рассвело. Он пришёл к ним в спальню с одеялом в руках и забрался между матерью и отцом. Сергей во сне пробормотал что-то и подвинулся. Марина открыла глаза.

— Ты чего?

— Не сплю.

— Почему?

— Не знаю.

Он устроился рядом, положил голову ей на плечо. Марина обняла его и почувствовала тёплый затылок. Ей вдруг захотелось отменить врача. Не потому, что она передумала. Просто несколько минут хотелось жить как раньше — не выяс-

нять ничего, не проверять, не знать. Миша водил пальцем по рисунку на её ночной рубашке.

— Сегодня куда?

— К врачу.

— Уши?

— Да.

— Больно?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— А укол?

— Никаких уколов.

Он помолчал.

— Тогда можно.

Сергей открыл глаза.

— Спасибо за разрешение.

Миша улыбнулся. Отец потянул его за нос, тот возмутился, и через секунду трое лежали поперёк кровати, смеясь так громко, что сосед сверху постучал по батарее. Этот смех Марина запомнила потом лучше самого визита к врачу. В нём было что-то последнее от прежней беспечности, хотя, конечно, беспечность не закончилась в один день. Она просто стала другой — теперь всегда знала, что рядом есть вещи, которые могут измениться. Районная поликлиника встретила их знакомым запахом мокрой одежды, лекарств и старого линолеума. В гардеробе скопилась очередь. Кто-то кашлял, ре-

бёнок в дальнем конце холла плакал, металлические номерки звякали друг о друга. Для Миши всё это превращалось в густой шум. Слух не исчезал — наоборот, резкие звуки доходили до него хорошо, но речь внутри шума становилась почти бесполезной. Мама что-то сказала, наклонившись к нему. Он увидел движение губ, но разобрал только последнее слово.

— Что?

Марина повторила, теперь глядя прямо:

— Шапку снимай.

Он снял. На приём их вызвал мужчина лет пятидесяти с усталым лицом и тонкими губами. Миша сразу решил, что этого врача трудно понимать. Тонкие губы двигались мало. Он сел на стул рядом с матерью и рассматривал плакат с изображением человеческого уха. Внутри ухо оказалось удивительно сложным: трубки, маленькие косточки, завиток, похожий на улитку. Миша не мог поверить, что всё это помещается у него в голове.

— Как зовут? — спросил врач.

Миша смотрел на плакат.

— Как тебя зовут? — повторил тот.

Марина слегка коснулась его колена. Миша повернулся.

— Миша.

— Сколько лет?

Он услышал слово «лет» и догадался.

— Пять.

Врач стал расспрашивать мать. Роды, болезни, антибиотики, простуды, отиты, наследственность. Марина отвечала старательно, словно правильные ответы могли улучшить результат. Сергей сидел чуть в стороне. Он пришёл вместе с ними, хотя сначала говорил, что не сможет отпроситься с работы. Теперь молчал и всё время смотрел на сына. Врач осмотрел уши, попросил Мишу не двигаться. Прибор с лампочкой неприятно давил, но боли не было.

— Снаружи всё спокойно, — сказал врач. — Серных пробок нет, воспаления не вижу.

Марина сразу оживилась.

— То есть всё нормально?

Врач положил прибор на стол.

— Я сказал только, что наружное ухо и перепонка выглядят нормально. Это не проверка слуха.

Надежда продержалась несколько секунд.

— А как проверить?

— Аудиологическое обследование. Для ребёнка его лучше сделать в специализированном центре.

Он написал направление. Сергей впервые заговорил:

— А здесь никак?

— Базово можем. Но если есть речевая задержка и родители отмечают избирательную реакцию на звуки, я бы не ограничивался кабинетом поликлиники.

— Что значит избирательную? — спросила Марина.

— Когда одни звуки ребёнок слышит хорошо, другие ху-

же. Когда в тишине понимает речь, а в шуме теряет. Причин может быть много. Не торопитесь пугаться до результатов.

Последняя фраза была адресована Марине. Она почувствовала это и оттого ещё сильнее захотела плакать. Миша тем временем смотрел на схему уха. Особенно на улитку.

— Там правда такое? — спросил он.

Врач проследил взгляд.

— Правда.

— У меня тоже?

— Тоже.

— А она живая?

— Нет. Это часть уха. Просто похожа на улитку.

Миша разочарованно кивнул. Живая улитка внутри головы была бы интереснее. Врач улыбнулся. Потом повернулся к родителям и заговорил тише. Миша перестал слушать. Он заметил на столе ручку с прозрачным корпусом. Внутри плавал маленький пузырёк воздуха. Если наклонить ручку, пузырёк медленно полз вверх. Миша следил за ним, пока взрослые обсуждали обследование.

По дороге домой Сергей был непривычно молчалив. В машине радио не включил. Несколько раз начинал что-то говорить и останавливался. Марина смотрела в окно. Миша сидел сзади и рисовал пальцем по запотевшему стеклу. Сначала круг. Потом дом. Потом длинную линию, похожую на дорогу.

— Пап.

— Что?

— Улитка у меня в ухе.

Сергей рассмеялся так неожиданно, что Марина тоже улыbnулась.

— Не совсем улитка.

— Врач сказал похожа.

— Значит, похожа.

— А если она спит?

— Кто?

— Улитка.

Сергей посмотрел на Марину. В её глазах впервые за весь день мелькнуло что-то кроме тревоги.

— Тогда разбудим, — сказал он.

Миша удовлетворённо кивнул. Детский страх устроен иначе, чем взрослый. Ему трудно долго держаться за абстракцию. «Снижение слуха» не существовало для Миши; существовала смешная улитка внутри уха, врач с тонкими губами и обещание, что уколов не будет. Взрослые же уже жили несколькими неделями вперёд: обследования, возможное лечение, садик, школа, речь. Их тревога умела строить будущее и потому была тяжелее.

После направления Марина обзванивала специализированные центры и злилась на себя за то, что не заметила раньше; Сергей, ещё недавно требовавший ждать фактов, теперь сам искал запись пораньше. Перелом случился не в очередном споре, а на полу детской. Сергей спросил, когда в саду

хуже слышно. Миша ответил коротко: воспитательницу понимает, если видит; если нет — она просто «где-то». Дальше объяснить не смог и не обязан был. Сергей перестал расспрашивать, достал закатившийся карандаш и вернулся на кухню уже без прежнего «ничего страшного».

На следующий день он взял часть звонков на себя. Родители ещё не знали, что именно покажет обследование, но впервые начали исходить из реального опыта сына, а не из собственного представления о том, каким этот опыт должен быть.

Глава 3. Проверка

Специализированный центр находился на другом конце города, в старом кирпичном здании, которое когда-то, по словам Сергея, принадлежало какому-то научному институту. Теперь над входом висела новая синяя вывеска, а возле крыльца стояли детские коляски, машины родителей и один велосипед, прислонённый к ограде. Было раннее утро. Снег за ночь подмёрз, и каждый шаг по тротуару сопровождался сухим хрустом. Миша шёл между родителями и пытался наступать только на тёмные квадраты плитки. Светлые он считал водой. Если наступить — «утонешь». Игра занимала его настолько, что здание он заметил лишь у самой двери.

— Это больница? — спросил он.

— Скорее центр, — ответила Марина.

— Там уколы?

— Я же обещала: нет.

— А вдруг они не знают?

Сергей, державший дверь, рассмеялся.

— Если появятся уколы, я первый сбегу.

Миша посмотрел на отца, проверяя, шутит ли тот. По глазам понял — шутит. Вошёл. Внутри было непривычно тихо. Не та поликлиническая тишина, которая всегда состоит из кашля, скрипа стульев, объявлений за дверью и детского плача, а настоящая, мягкая. На стенах висели рисунки. Несколько детей сидели в коридоре с родителями. Девочка лет семи листала книжку, подросток в больших наушниках смотрел в телефон, маленький мальчик строил башню из деревянных кубиков прямо на подоконнике. Никто не требовал от него сидеть смирно. Мише здесь сразу понравилось больше, чем в районной поликлинике.

Пока Марина заполняла анкету — беременность, болезни, антибиотики, первые слова, — Сергей по привычке пытался смягчать каждый пункт семейными историями. Сам заметил это и замолчал. Миша тем временем изучал жёлтое солнце на стекле, не подозревая, сколько взрослой тревоги помещается в нескольких строках медицинской формы.

— Михаил Сергеевич? — позвала женщина из двери.

Миша не повернулся. Сергей и Марина одновременно замерли. Женщина повторила, чуть громче:

— Михаил?

Никакой реакции. Марина коснулась сына за плечо. Он обернулся.

— Нас зовут.

— А.

Женщина всё видела. Ничего не сказала, только улыбнулась Мише и присела, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

— Меня зовут Ирина Андреевна. Сейчас мы немного поиграем.

Миша посмотрел на её рот. Она говорила медленно, ясно, не отводя лица.

— Во что?

— В звуки.

Он нахмурился.

— Это не игра.

— Почему?

— Звуки — не игра.

Ирина Андреевна улыбнулась.

— Тогда проверим, кто из нас внимательнее.

Так было лучше. Кабинет оказался маленьким. За стеклом виднелась ещё одна комната, совсем крошечная, с мягкими стенами и большим окном. На столе лежали наушники. Не такие, как у отца дома: тяжёлые, с широкими чашками. Миша сразу показал на них.

— Это мне?

— Тебе.

— Музыка будет?

— Нет. Разные сигналы.

— А мультик?

— Мультика тоже не будет.

Он вздохнул. Проверка становилась всё менее интересной. Сначала Ирина Андреевна объяснила правила. На столе перед Мишей поставили большую кнопку. Когда услышишь звук — нажимай. Если не слышишь — ничего не делай. Не угадывай. Не старайся быть хорошим. Просто слушай. Последняя фраза Марине почему-то запомнилась. «Не старайся быть хорошим». Сколько раз она сама неосознанно требовала обратного? Хорошо говорить. Хорошо слушать. Хорошо отвечать. Хорошо заниматься. Будто ребёнок мог воспринимать любое затруднение как свою вину. Миша сел. На него надели наушники. Комната сразу стала другой. Даже та тишина, которая была здесь с самого начала, теперь отступила глубже. Он слышал собственное дыхание. Почесал нос — и шорох пальцев показался неожиданно громким. За стеклом сидела мама. Отец стоял у стены. Миша видел их, но почти не слышал. Ирина Андреевна подняла большой палец. Миша тоже поднял. Начали.

Первый сигнал был ясным. Тонкая короткая нота возникла справа. Миша нажал кнопку. Ирина Андреевна улыбнулась. Ещё один — слева. Нажал. Ему стало весело. Всё просто. Он даже повернулся к стеклу и показал матери, как хорошо справляется. Потом звуки стали тише. Один он услышал. Другой тоже. Третий будто прятался. Миша нахмурился, прислушался и нажал неуверенно. Ирина Андреевна ни-

чего не сказала. Следующий — нет. Он ждал. Смотрел на кнопку. Потом на женщину. Она что-то отметила в компьютере. Миша решил, что сигнал ещё не включали. И вдруг увидел: пальцы Ирины Андреевны снова двинулись по панели. Она ждала. А у него ничего. Он не нажал. В груди появилось маленькое неприятное напряжение. Следующий сигнал услышал. Нажал быстро, почти с облегчением. Потом снова ничего. Ещё ничего. Миша начал вслушиваться всем телом. Зажмурился. Сжал губы. Казалось, если очень захотеть, звук можно вытащить из тишины. Но тишина оставалась тишиной.

Он открыл глаза и посмотрел через стекло на мать. Марина улыбалась. Слишком старательно. Это он заметил сразу. Миша снял один наушник.

— Там нет.

Ирина Андреевна подошла.

— Чего нет?

— Звука.

— Иногда действительно не было. Иногда был.

Он замер.

— Когда?

— Сейчас мы как раз это выясняем.

Миша посмотрел на наушник у себя в руке, будто тот его обманул.

— Но я не слышал.

— Поэтому ты и не нажал. Всё правильно.

— А ты слышала?

— Я знаю, что сигнал был.

— Мама слышала?

— Нет. Она снаружи.

Миша задумался. В его голове появилась новая, очень простая и оттого страшная мысль: звук может быть, а он о нём не знает. До сих пор мир был честнее. Если ничего не слышно — значит, тихо. Если слышно — значит, есть звук. Теперь оказалось, что тишина тоже может скрывать что-то. Он не захотел снова надевать наушник.

После первых пропущенных сигналов Миша захотел закончить, но согласился ещё на несколько минут. Теперь проверка перестала быть игрой: он боялся не услышать и несколько раз нажал кнопку наугад. Ирина Андреевна оставила его: если только кажется, нажимать не надо. Так Миша впервые столкнулся с непривычной мыслью — собственный слух тоже может быть неуверенным, а ожидание звука иногда похоже на сам звук.

— Сергей Викторович, вы меня слышите? — спросил собеседник.

Он вздрогнул.

— Да. Повтори последнее.

Мастер повторил. Сергей машинально сделал заметку, закончил разговор и остался у окна. Во дворе женщина помогала ребёнку надеть варежку. Машины медленно выезжали с парковки. Обычный день. Никакой видимой границы между

семьями, которые только что узнали что-то важное, и теми, кто просто идёт по своим делам. Сергей всегда считал себя человеком действия. Поломка требует ремонта. Сложность — решения. Он любил инструменты именно за это: у каждого есть назначение. Отвёрткой закручивают винт, ключом — гайку, тестером ищут напряжение. Теперь перед ним была проблема, для которой пока не существовало понятной последовательности действий. Особенно мучило, что проблема касалась ребёнка. Чужую технику можно разобрать. Сына — нельзя. Он вернулся в кабинет как раз в момент, когда Миша снова не нажал на сигнал. Марина стояла за стеклом и едва заметно сжимала пальцы. Сергей подошёл к ней.

— Что?

— На некоторых вообще не реагирует.

— Мы ещё ничего не знаем.

Она повернулась.

— Я знаю, что он их не слышит.

Сергей хотел сказать привычное «подожди», но увидел её лицо и промолчал.

После аудиометрии были ещё измерения: мягкий наколечник в ухе, изменение давления, приборы, которые «слушали» вместо Миши. Слово «слуховой аппарат» он сразу связал с дедушкиными очками — только для ушей. В коридоре сидела девочка постарше с фиолетовыми аппаратами; Миша спросил, не громко ли ей, и получил будничный ответ: без них она просто слышит хуже. Через минуту техника пе-

рестала казаться страшной медицинской вещью. Миша объявил, что хочет красные аппараты, Сергей предложил чёрные «как у спецагента», и обычный семейный спор о цвете на несколько минут вытеснил тревогу.

После обследования они зашли в маленькое кафе через дорогу. Марина сначала не хотела: «Дома поедим». Сергей настоял. Ему казалось важным не ехать сразу домой с папкой результатов, будто из больницы после плохой новости. Они заказали чай, Мише — сырники. За соседним столом сидели двое мужчин и громко разговаривали. Из кухни доносился звон посуды, кофемашина шипела паром. Миша несколько раз переспрашивал родителей, хотя те сидели близко. Марина теперь слышала каждое «что?» как подтверждение диагноза. От этого хотелось схватить сына, унести в тихое место, защитить от любого шума. Но Миша ел сырник с вареньем и был доволен.

— Вкусно? — спросил Сергей, специально наклонившись так, чтобы сын видел лицо.

— Да.

— Ещё будешь?

— Два.

— Один.

— Один и половину.

— Ты сегодня главный по половинам.

Миша показал на тарелку.

— Тут маленькие.

Они торговались ещё минуту. Марина смотрела и вдруг поняла, что её горе сейчас существует отдельно от ребёнка. Он не переживал трагедию. Не чувствовал себя лишённым. Просто прошёл неприятную проверку и хочет ещё половину сырника. Это не отменяло сложности. Но возвращало пропорции. Когда официантка принесла счёт, у неё на запястье звякнул браслет. Миша повернул голову.

— Слышал? — автоматически спросила Марина.

Он посмотрел на неё устало.

— Мам.

Она сразу поняла.

— Извини.

Сергей ничего не сказал. Только под столом слегка коснулся её колена. На улице шёл мелкий снег. Миша остановился возле металлической урны, на крышку которой падали снежинки. Приложил ухо ближе.

— Они тихие.

— Кто? — спросил Сергей.

— Снежинки.

— Снег почти не слышно.

Миша посмотрел на него.

— Тогда почему дождь слышно?

— Капли тяжелее.

— Почему?

Сергей начал объяснять про воду и лёд, но быстро запутался сам. Миша потерял интерес на второй фразе и пошёл

дальше. Этот разговор Марина тоже запомнила. Сын не перестал интересоваться миром из-за того, что часть мира от него ускользала. Напротив, теперь он будто начал сравнивать: что слышно, что нет, почему одно громкое, другое тихое.

Дома он дорисовал ухо с серыми кругами. На этот раз добавил фиолетовую девочку в углу листа. Аппараты за её ушами сделал огромными и красными.

— У неё же фиолетовые, — заметила Марина.

— Я красные хочу.

— Это ты нарисован?

— Нет. Девочка.

— Почему ей красные?

Миша пожал плечами.

— Красивее.

Он не был обязан сохранять фактическую точность. Рисунки уже начинал подчиняться тому, что хочется увидеть.

После первой части дали перерыв. Миша вышел к родителям сердитый и уставший.

— Всё, — сказал он.

— Ещё не всё, — осторожно ответила Марина.

— Вы сказали немного.

— Немного и было.

— Долго.

Сергей присел рядом.

— Давай воды.

— Не хочу.

— Сок?

Миша подумал.

— Сок.

Отец достал маленькую коробочку. Миша пил через трубочку и смотрел на родителей. Они старались разговаривать о чём-то обычном. Сергей рассказывал, что на парковке кто-то поставил машину поперёк двух мест. Марина кивала. Ни один не произносил слово «результат». Миша чувствовал: ждут чего-то.

— Я плохо сделал? — спросил он.

Марина сразу повернулась.

— Что?

— Там.

— Ты всё сделал правильно.

— Я не нажал.

— Потому что не услышал.

— Значит, плохо.

Марина поставила его сок на стол.

— Нет. Плохо было бы нажимать, когда не слышишь, только чтобы нам понравилось.

Миша посмотрел на отца. Сергей кивнул.

— Точно.

Этот ответ помог. Не услышать можно было правильно. В детском мире это имело значение. Во второй части проверки были слова. Сначала громкие и понятные. Потом тише.

Потом на фоне слабого шума. Миша должен был повторять.

— Дом.

— Дом.

— Кот.

— Кот.

— Рыба.

— Липа.

Ирина Андреевна записала.

— Ещё раз, — потребовал Миша.

Она повторила. Теперь он понял.

— Рыба.

— Хорошо.

Следующее слово потерялось почти целиком.

— Что?

Ему повторили.

— Сок.

Он сказал:

— Сон.

Специалист снова сделала отметку. Миша начал злиться на отметки. Каждая означала, что он что-то сделал не так, хотя никто его не ругал.

— Почему пишешь?

— Чтобы потом не забыть.

— Я скажу.

— Ты всё запомнишь?

Миша уверенно кивнул.

— Да.

Через минуту забыл предыдущее слово. Ирина Андреевна не стала указывать.

После теста его отпустили в коридор к небольшому столу. Там лежали карандаши и бумага. Марина с Сергеем остались в кабинете. Миша сел рисовать. За дверью взрослые говорили. Он слышал голоса, но не смысл. Иногда появлялись отдельные слова: «порог», «частоты», «речь», «дополнительно». Ему не хотелось слушать. Он нарисовал большое ухо. Внутри — завиток-улитку. Потом вокруг уха маленькие кружочки. Красный. Синий. Жёлтый. Некоторые оставил пустыми. Потом взял серый и закрасил три кружка. Мать вышла первой. Глаза у неё были сухими, но Миша сразу понял, что она расстроена. Он показал рисунок.

— Это ухо.

— Вижу.

— Это звуки.

Марина села рядом.

— А серые?

— Их нет.

Она помолчала.

— Они есть. Ты их не услышал.

Миша посмотрел на неё.

— Тогда зачем они есть?

Марина не нашла ответа. Сергей вышел следом. Лицо у него было закрытое, почти сердитое. Он увидел рисунок и

спросил:

— Это те сигналы?

Миша кивнул.

— Серые не слышал.

Сергей присел. Посмотрел на серые круги, потом на сына.

— Ну и нарисовал же.

— Потому что знаю.

— Откуда?

— Она сказала.

Сергей хотел улыбнуться, но не получилось.

Перед тем как семья окончательно ушла из центра после обследования, Ирина Андреевна задержала родителей ещё на несколько минут. Миша уже одевался у двери, поэтому разговор шёл короткими фразами.

— И ещё важная вещь, — сказала специалист. — Не превращайте дом в постоянную проверку слуха.

Марина покраснела. Сергей тоже отвёл глаза.

— Уже начали? — спросила врач и улыбнулась.

— Немного, — признался Сергей.

— Это почти все делают. Хочется понять границы. Но если ребёнка весь день спрашивать «слышишь?», он начнёт думать не о смысле, а о том, прошёл ли тест.

— А как тогда понять, помогает ли? — спросила Марина.

— По жизни. Стал легче понимать просьбу? Меньше устаёт? Может разговаривать в более сложной обстановке? Не гонитесь за каждым тихим звуком. Цель не услышать пада-

ющую иголку. Цель — общаться и жить.

Сергей кивнул. Эта фраза потом много раз спасала их от очередного эксперимента. На выходе Миша увидел автоматические двери. Они открывались почти без звука. Он несколько раз прошёл вперёд-назад, проверяя датчик.

Из центра они вышли с папкой результатов и слишком большим количеством новых терминов. По дороге Миша задавал обычные вопросы, рассматривал транспорт и вскоре переключился на совсем другие вещи; родители же снова и снова возвращались к цифрам. В магазине он не услышал просьбу матери на фоне музыки, зато мгновенно понял её, когда она оказалась перед ним. Марина уже не стала устраивать из этого новую проверку. Сергей тоже. К вечеру они учились важному ограничению: обследование объясняет часть трудностей, но не должно превращать каждую бытовую минуту в эксперимент.

Дома родители дождались, пока сын уйдёт в комнату, и только тогда достали бумаги. Предварительное заключение было написано сухим языком. Ни одной страшной фразы. Ни одного приговора. Несколько цифр, график, рекомендации. Но Марина читала его как письмо из будущего.

— «Снижение слуховой чувствительности...» — прошептала она.

— Предварительное, — подчеркнул Сергей.

— Я вижу.

— Нужно подтверждение.

— Я вижу.

— Тогда не накручивай себя.

Марина положила лист.

— Перестань говорить мне, что делать с собой.

— Я пытаюсь тебя успокоить.

— У тебя плохо получается.

Сергей отодвинулся. Несколько секунд оба молчали.

— Я просто не хочу, чтобы ты сейчас решила, будто у него вся жизнь сломалась, — сказал он.

— Я не решила.

— По лицу видно.

— А ты не решил, что всё нормально? По твоему лицу тоже видно.

Он хотел ответить, но в дверях появился Миша. В руках у него был рисунок.

— Смотрите.

Они мгновенно замолчали. На листе большое ухо было окружено разноцветными точками. Серых стало больше. Но вокруг каждого серого кружка Миша нарисовал жёлтое кольцо.

— Это что? — спросила Марина.

— Чтобы видно.

— Почему жёлтым?

Он пожал плечами.

— Так видно лучше.

Сергей смотрел на лист. Простая детская логика вдруг

оказалась точнее всех их разговоров. То, чего Миша не слышал, можно было хотя бы увидеть.

Первые дни после обследования семья невольно прислушивалась к Мише вместе с ним. Радио, звонок, шаги в подъезде, шёпот — любой звук рисковал стать вопросом «слышишь?». Быстро выяснилось, что это утомляет всех, прежде всего ребёнка. Миша начал отвечать раздражённо, и родители остановились. Результаты требовали дальнейшей работы со специалистами, а не бесконечных домашних доказательств. Постепенно звуки снова стали частью жизни, а не контрольными заданиями.

Ночью после проверки Миша долго не мог заснуть. Не потому, что боялся диагноза — этого слова он ещё толком не знал. Его беспокоили сигналы, которые были, но которых он не слышал. Он лежал и прислушивался к комнате. Часы на кухне. Машина за окном. Шаги соседей сверху. Иногда ему казалось, что сейчас существует ещё какой-то звук, скрытый между ними. Миша сел на кровати.

— Мам.

Марина пришла почти сразу. Она тоже не спала.

— Что случилось?

— Тут есть звук?

— Какой?

— Не знаю.

Она не поняла.

— Ты что-то слышишь?

— Нет.

— Тогда почему спрашиваешь?

Миша нахмурился, пытаясь объяснить.

— Сегодня был, а я не слышал.

Марина поняла. Села рядом.

— Сейчас в комнате может быть много очень тихих звуков. Но тебе не надо их искать.

— А если есть?

— Пусть будут.

— Я не узнаю.

— И ничего страшного.

Он посмотрел на неё.

— Почему?

Марина выбрала самый простой ответ.

— Потому что не каждый звук нужен.

Миша помолчал. После проверки он всё время будто ждал: вдруг сейчас где-то есть звук, а он опять его пропустит. От этого было неприятно. Но мама сказала, что не каждый звук нужен, и стало чуть спокойнее.

— А твой голос нужен?

— Мне хотелось бы.

— Папин?

— Иногда, — улыбнулась она.

Из коридора донеслось:

— Я опять всё слышу!

Миша засмеялся. Марина легла рядом на несколько ми-

нут.

— Закрывай глаза.

— А если звук?

— Завтра нарисуешь.

— Если не слышал, как нарисую?

— Серым кружком.

Он вспомнил свой рисунок и успокоился.

Утром на новом листе появились не только серые кружки, но и белые — почти невидимые на бумаге.

— А это что? — спросил Сергей.

— Не знаю есть или нет.

Отец хотел сказать, что нельзя рисовать то, о существовании чего не знаешь. Потом посмотрел на лист и решил промолчать. В детском рисунке нашлось место даже неизвестному. Это было полезнее многих взрослых объяснений.

Через пару дней после проверки Миша начал устраивать собственные «тесты», но совсем не такие, как взрослые. Он ходил по квартире и искал самые тихие вещи. Проводил пальцем по бумаге. Шуршал рукавом. Клал карандаш на стол как можно осторожнее. Щёлкал ногтем по стеклу.

— Что ты делаешь? — спросила Марина.

— Слушаю маленькое.

— Что маленькое?

— Звуки.

Он говорил так, будто звуки имеют размер. Марина присела рядом.

— И какой самый маленький?

Миша подумал. Потёр два пальца друг о друга возле уха.

— Этот.

Она попробовала. Почти ничего.

— Я тоже еле слышу.

Миша оживился.

— Ты тоже плохо?

— Нет. Просто звук очень тихий.

Он улыбнулся. Оказывается, мама тоже не слышит всё идеально. Граница между «я» и «остальные» чуть размывалась. Сергей подключился к игре. Нашёл тикающие наручные часы и спрятал их под подушку.

— Где?

Миша ходил по комнате, наклонял голову. Не нашёл.

— Нечестно.

— Почему?

— Спрятал звук.

Фраза всем понравилась. Потом Миша спрятал будильник отцу. Тот специально долго искал, чтобы ребёнок выиграл.

— Ты поддаёшься, — сказала Марина.

— Не вмешивайся в мужскую конкуренцию.

Миша услышал только «конкуренцию» и спросил, что это. Объяснение заняло больше времени, чем игра.

В конце концов будильник нашли в шкафу под полотенцем.

— Тут звук спрятался хорошо, — сказал Миша.

В его представлении звук всё ещё был почти предметом: его можно потерять, спрятать, сделать видимым линей. Именно конкретность делала его размышления детскими, хотя наблюдения иногда казались взрослым необычными.

Вечером отец достал из кладовки старый радиоприёмник. Он давно плохо ловил станции. Иногда звук исчезал, превращался в шорох, снова появлялся. Сергей поставил радио на стол, снял заднюю крышку и стал проверять контакты. Миша подошёл.

— Сломалось?

— Немного.

— Не слышит?

Сергей улыбнулся.

— Скорее мы его плохо слышим.

Миша сел рядом. Из динамика вырвался треск. Он поморщился.

— Фу.

Сергей повернул ручку. Сквозь шум появился голос диктора, потом снова исчез.

— Вот видишь, — сказал отец. — Сигнал есть, а до нас доходит плохо.

Марина, стоявшая в дверях, напряглась. Ей показалось, что сравнение слишком грубое, почти жестокое. Но Миша заинтересовался.

— А если починить?

— Будет лучше.

— Меня тоже?

Сергей замер с отвёрткой в руке. Вот оно. Самая простая детская формула, которой оба родителя боялись: «починить меня».

— Тебя чинить не надо, — сказал он после паузы.

— А уши?

— Ушам поможем.

— Как?

— Пока не знаю.

Миша кивнул. «Не знаю» его не тревожило. Взрослых — да. Он ушёл за карандашами и через несколько минут вернулся. Нарисовал радио. Потом между радио и ухом провёл длинную линию.

— Это что? — спросил Сергей.

— Голос идёт.

— А здесь?

Миша сделал на линии разрыв.

— Потерялся.

Сергей посмотрел на Марину. Она отвернулась, но в глазах у неё уже стояли слёзы. Миша этого не заметил. Он рисовал дальше — жёлтый мостик через разрыв.

— А это?

— Чтобы дошёл.

Именно в этот вечер рисунок впервые стал для него не просто изображением вещи, а способом разобраться в том,

что невозможно потрогать. Он ещё не понимал, что делает. Для пятилетнего мальчика это была игра линий: здесь идёт голос, здесь пропадает, здесь можно построить мост. Но Марина сохранила этот лист. Много лет спустя, когда в доме появятся большие холсты, коробки с кистями и запах масла, она найдёт его между медицинскими заключениями и вдруг поймёт, что самое важное в тот день было написано не врачом. Самое важное нарисовал пятилетний ребёнок жёлтым карандашом.

Глава 4. Диагноз

До заключения оставалось несколько дней. Марина успела прочитать слишком много, Сергей — слишком многое попытаться опровергнуть, и оба пришли к врачу уставшими от собственных предположений. Миша был занят другим: считал плитки на полу и разглядывал отражение ламп в стеклянной двери. Для него ещё не существовало ни диагноза, ни будущих последствий — только очередной кабинет, где взрослые снова будут говорить про его уши.

На заключительный приём поехали снова втроём. На этот раз Миша уже знал здание и не боялся. Он даже сам толкнул стеклянную дверь и первым пошёл к знакомому окну с жёлтой наклейкой. Только кабинет был другой. В нём сидела врач — женщина с короткими седыми волосами и спокойным низким голосом. На столе лежала папка с результатами обследований. Она не начала сразу. Сначала попросила Мишу показать ухо, пошутила, что хочет убедиться, не посели-

лась ли там та самая «улитка», о которой ей, видимо, рассказывала Ирина Андреевна. Миша заинтересовался.

— Она сказала вам?

— У нас специалисты иногда разговаривают друг с другом.

— Про меня?

— Про тебя тоже.

— Всё?

— Не всё. Секреты оставили.

Он удовлетворённо кивнул. Врач ему понравилась. Потом его посадили за маленький стол с конструктором, а взрослые расположились рядом. Врач открыла папку.

— Давайте без катастрофических формулировок, — сказала она, ещё до того как Марина успела спросить. — У Миши есть двустороннее снижение слуха. Оно не тотальное. Он слышит значительную часть окружающих звуков, но не всю речевую информацию воспринимает одинаково хорошо. Некоторые частоты выпадают сильнее, особенно там, где для речи важны согласные. Отсюда часть замен, пропусков, необходимость видеть лицо говорящего, сложности в шумной обстановке.

Марина слушала, почти не дыша. Сергей спросил первым:

— Это можно восстановить?

Врач не стала отвечать быстро.

— Зависит от причины и типа нарушения. Полного «как будто ничего не было» я вам обещать не буду. Но помочь ему

слышать речь существенно лучше — да. Для этого есть слухопротезирование, занятия, сопровождение. И возраст хороший. Пять лет — это не поздно.

Последняя фраза словно была произнесена специально для Марины. Она всё равно спросила:

— Мы потеряли время?

— Вы хотите, чтобы я ответила как врач или как человек, который много лет разговаривает с родителями?

Марина растерялась.

— Как врач.

— Чем раньше поддержка, тем лучше. Но у вас ребёнок говорит, понимает обращённую речь в подходящих условиях, коммуникативен, развивается. Мы не начинаем с нуля.

— А как человек? — неожиданно спросил Сергей.

Врач посмотрела на него.

— Как человек я скажу: перестаньте прямо сейчас искать, кто виноват. Это самая бесполезная работа из всех, что вам предстоят.

Сергей медленно выдохнул. Марина опустила глаза. Миша тем временем строил из деталей дом. Крыша всё время падала. Он несколько раз пытался закрепить её, потом бросил и сделал вместо крыши плоскую площадку.

— Так нельзя, — тихо сказала Марина машинально.

Миша поднял голову.

— Почему?

Она не сразу поняла, о чём речь.

— Что?

— Дом без крыши.

— Можно, — вмешалась врач. — Если архитектор так решил.

Миша посмотрел на мать с явным торжеством и поставил на площадку красный кубик. Врач продолжила объяснять. Слуховые аппараты. Индивидуальные вкладыши. Настройка не один раз, а постепенно. Период адаптации. Сурдопедагог. Логопед, но не тот, кто просто «ставит звуки», а специалист, понимающий слуховое восприятие. Психологическая нагрузка. Не превращать весь день в тренировку. Не поправлять каждую фразу. Не требовать смотреть на губы постоянно, но понимать, что визуальная опора сейчас помогает. Сергей записывал. Марина удивилась: дома он почти никогда ничего не записывал, рассчитывал на память. Сейчас аккуратно выводил пункты в блокноте.

— И ещё, — сказала врач. — Не говорите при нём так, будто его жизнь уже стала хуже. Она стала понятнее вам. Для него она была такой всегда.

Марина подняла глаза. Эта мысль ударила сильнее диагноза. Миша не просыпался сегодня с потерей слуха. Не лишился чего-то утром. Мир не изменился для него после графика на бумаге. Изменился их взгляд на его мир.

— Он будет говорить нормально? — спросил Сергей.

Врач чуть нахмурилась.

— Я бы осторожнее обращалась со словом «нормально».

— Вы понимаете, о чём я.

— Понимаю. Вы спрашиваете, сможет ли его речь стать понятной окружающим, сможет ли он учиться в обычной школе, общаться, выбирать профессию. Скорее всего, да, при хорошем сопровождении. Но если вы будете каждый день сообщать ему, что он пока «ненормальный», цена этой понятной речи может оказаться слишком высокой.

Сергей покраснел.

— Я не собираюсь ему такое говорить.

— Родители редко собираются. Просто иногда говорят: «Скажи нормально», «Что ты опять проглотил?», «Ну ты же слышишь», «Не ленись». Для взрослого это фраза на секунду. Для ребёнка из таких секунд складывается представление о себе.

Марина смотрела на сына. Миша поставил на дом маленькую фигурку человечка и теперь пытался сделать рядом дерево.

— А что говорить? — тихо спросила она.

— Конкретно. «Повтори, пожалуйста, я не поняла». «Посмотри на меня, я скажу ещё раз». «Здесь шумно, давай отойдём». Не оценивайте его целиком из-за одного звука.

Миша вдруг поднялся и подошёл к столу.

— Вы про меня?

Трое взрослых замерли.

— Про тебя, — честно ответила врач.

— Я плохо слышу?

Марина почувствовала, как Сергей рядом напрягся. Вот момент, которого они боялись: как объяснить пятилетнему ребёнку диагноз, не превратив его в ярлык. Врач повернулась к Мише всем корпусом.

— Некоторые звуки ты слышишь хуже, чем мама и папа.

— А какие?

— Разные. Помнишь кнопку?

Он сразу помрачнел.

— Да.

— Те, которые иногда не слышал.

— Серые.

Врач не поняла. Миша показал пальцем на воображаемый лист.

— Я рисовал. Серые.

Марина пояснила:

— Он нарисовал сигналы кружками. Те, которые не слышал, закрасил серым.

Врач улыбнулась.

— Хорошо придумал.

— Они теперь всегда серые?

— Мы попробуем сделать так, чтобы ты замечал их лучше.

— Как?

— С помощью маленьких аппаратов за ушами.

Миша немедленно потрогал уши.

— Большие?

— Маленькие.

— Видно?

— Немного.

— А красные бывают?

Врач засмеялась.

— Бывают разных цветов.

Миша оживился.

— Хочу красные.

Марина и Сергей переглянулись. Они несколько дней представляли момент разговора о слуховых аппаратах как драму, а сын решал вопрос цветом.

— Посмотрим, какие будут доступны, — сказала врач.

— Не бежевые.

— Почему?

— Скучно.

Сергей закрыл лицо ладонью, скрывая улыбку. Выйдя из кабинета, Марина вдруг расплакалась. Не в коридоре — успела дойти до лестничной площадки, где никого не было. Просто остановилась у окна, отвернулась и закрыла рот ладонью. Сергей поставил папку на подоконник.

— Марин.

— Не надо.

— Что не надо?

— Не говори, что всё нормально.

Он помолчал.

— Не буду.

Миша стоял рядом и смотрел на мать. Слёзы взрослых пугали его сильнее крика. Когда взрослый кричит, понятно: он сердится. Когда мама плачет молча, причина может быть где угодно.

— Мам.

Она быстро вытерла лицо.

— Всё хорошо.

Миша нахмурился.

— Ты плачешь.

Марина посмотрела на Сергея. Тот чуть качнул головой: не врать.

— Да. Я расстроилась.

— Из-за меня?

Вот этого вопроса она боялась больше всего.

— Нет. Из-за того, что мне страшно за тебя.

Миша не понял разницы полностью.

— Я не боюсь.

Марина опустила перед ним на корточки.

— Это хорошо.

— Там уколов не было.

Сергей рассмеялся сквозь напряжение. Марина тоже. Миша решил, что вопрос решён.

В машине он всю дорогу рассуждал о цвете аппаратов. Красные — лучшие. Синие тоже можно. Зелёные нет, потому что зелёная кофта «кусается», а значит зелёный вообще подозрительный. Чёрные — как у шпиона. Сергей предло-

жил прозрачные.

— Невидимые?

— Почти.

— Тогда зачем?

— Что зачем?

— Если никто не увидит.

Вопрос был настолько неожиданным, что Сергей не ответил сразу. Марина повернулась к сыну.

— Ты хочешь, чтобы видели?

— Если красные — да.

Она улыбнулась. Ей вдруг стало стыдно за собственную первую мысль о слуховых аппаратах: как сделать их незаметнее. Миша не успел ещё научиться стыдиться того, что взрослые уже считали недостатком. Может быть, их задача — не научить.

Дома слова врача не сразу стали частью обычной речи. Родители пересказывали их бабушкам, спорили о формулировках и ловили себя на желании говорить потише, будто сам диагноз мог слышать ребёнок. Миша тем временем рисовал семью и не придавал происходящему той тяжести, которой его наделяли взрослые. Когда родители попытались объяснить, что некоторые звуки он слышит хуже, он принял это почти буднично: значит, поэтому приходится иногда смотреть на рот. Для него важнее было, какого цвета могут быть аппараты.

Сергей ещё несколько дней пытался вернуть почву под но-

гами привычными способами — работой, таблицами расходов, разговорами со знакомыми. Вечером дома он уже автоматически садился напротив сына, а не окликал из другой комнаты. Марина заметила это раньше него. Маленькие изменения происходили быстрее больших убеждений: не говорить из соседней комнаты, не закрывать рот рукой, повторить без раздражения, если попросили. Семья постепенно перестраивалась не вокруг болезни, а вокруг понятной коммуникации.

В следующие дни диагноз начал распространяться по семье кругами, хотя Марина старалась этого не допустить. Сначала узнала бабушка. Потом Сергей сказал своему отцу, потому что нужно было отменить совместную поездку на дачу. Потом кто-то из родственников позвонил «просто узнать, как дела», и Марина сразу поняла: новость уже живёт собственной жизнью. Самым тяжёлым оказалось не рассказывать, а слушать ответы.

— Сейчас медицина всё лечит.

— Главное, чтобы хуже не стало.

— А может, перерастёт?

— Вы попробуйте народные методы, есть один хороший специалист...

— Надо меньше телевизора.

Последнюю фразу произнесла двоюродная тётя, и Марина не выдержала.

— Телевизор не вызывает снижение слуха.

— Я не говорю, что вызывает, просто вообще детям вредно.

После звонка Марина положила телефон на стол и сказала Сергею:

— Я больше никому ничего не рассказываю.

— Поддерживаю.

— Людям обязательно надо что-то посоветовать.

— Если человек молчит, кажется, будто он бесполезен.

— А ты, значит, философ?

— Я сегодня устал и поэтому умный.

Они засмеялись. Миша, сидевший на полу, поднял голову.

— Что?

— Ничего.

Он нахмурился.

— Опять.

— Мы смеёмся над тётей Людой, — честно сказал Сергей.

— Почему?

— Потому что она даёт советы, когда не просили.

Миша подумал.

— Ты тоже.

Марина закрыла лицо ладонью от смеха. Сергей посмотрел на сына с уважением.

— Уничтожил отца одной фразой.

Миша не понял, но увидел, что все довольны, и продолжил рисовать. Однако были разговоры и другого рода. Однажды вечером приехал Сергеев отец, Виктор Андреевич. Он

был человеком немногословным, всю жизнь проработал инженером и обычно относился к семейным волнениям с сухой практичностью. Выслушал сына, посмотрел заключения, долго молчал.

— Ну, значит аппараты, — сказал наконец.

— Значит аппараты, — ответил Сергей.

— Что по прогнозу?

— Работать надо. Занятия. Наблюдение.

— Деньги нужны?

— Пока справляемся.

— Я не спрашивал, справляетесь ли. Я спросил, нужны?

Сергей усмехнулся. В этой фразе был весь отец.

— Скажу, если будут.

Виктор Андреевич кивнул и больше тему не поднимал. Потом пошёл к внуку. Миша рисовал у окна.

— Привет, художник.

— Я не художник.

— А кто?

Миша задумался.

— Миша.

— Тоже верно.

Дед сел рядом. Он носил очки с толстыми линзами. Миша несколько минут поглядывал на них, потом спросил:

— Ты без очков плохо видишь?

— Очень.

— Всё серое?

— Скорее расплывчатое.

— Покажи.

— Как я тебе покажу своё плохое зрение?

Миша не знал. Дед снял очки и протянул.

— Посмотри через них.

Миша осторожно надел. Мир мгновенно исказился. Он засмеялся и снял.

— Ужас.

— А мне без них ужас.

— Ты всегда?

— Почти всю жизнь.

Миша потрогал оправу.

— И ничего?

— А что должно быть?

Он пожал плечами. Разговор был коротким, но через несколько дней, когда речь снова зашла об аппаратах, Миша сам сказал:

— У деда глаза с очками. У меня уши будут.

Марина посмотрела на Сергея. Ни один не стал исправлять формулировку. Виктор Андреевич позже признался сыну на кухне:

— Я в его возрасте очки ненавидел. Дети дразнили. Снимал перед школой, в классе ничего не видел.

— И что?

— Ничего. Потом один учитель сказал мне: «Ты выбираешь — видеть доску или выглядеть так, как хотят идиоты?»»

Грубо, но помогло.

Сергей задумался.

— Не хочу, чтобы Мишке пришлось выбирать.

— Придётся. Всем приходится. Только не делай выбор за него заранее.

— В каком смысле?

— Не учи стыдиться до того, как кто-то попытается пристыдить.

Эта фраза осталась с Сергеем. Именно поэтому, когда на подборе аппаратов специалист предложила максимально незаметный телесный цвет, он неожиданно спросил:

— А синие есть?

Марина повернулась.

— Ты же хотел чёрные «как у спецарента».

— Красных нет. Пусть хотя бы синие.

Специалист улыбнулась.

— Есть несколько вариантов корпуса.

Они листали образцы, как будто выбирали не медицинское устройство, а игрушку или обувь. Это меняло сам смысл выбора. Миша не присутствовал на первой консультации, и родители решили потом показать ему варианты.

Дома распечатали изображения.

— Этот, — Миша ткнул в синий сразу.

— Быстро, — сказал Сергей.

— А этот? — Марина показала бежевый.

— Нет.

— Почему?

— Как кожа.

— И что?

— Некрасиво.

— А этот серый?

— Старый.

— Почему старый?

— Серый.

Сергей засмеялся.

— Все владельцы серых машин сейчас оскорбились.

Выбрали синие. В тот же вечер Миша нарисовал себя с огромными синими аппаратами, похожими на крылья. Марина спросила:

— Они правда такие большие будут?

— Нет.

— Тогда почему?

— Чтобы видно.

Ответ снова удивил. Взрослые старались сделать отличие незаметным. Ребёнок увеличивал его на рисунке. Марина всё чаще ловила себя на мысли: сколько ещё собственных страхов они будут принимать за его? На работе Сергей никому не рассказывал подробностей. Но начальник заметил, что он несколько раз отпрашивался.

Обычная жизнь, к счастью, не стала ждать, пока семья разберётся со всеми терминами. У Сергея были объекты и звонки, у Марины отчёты, у Миши — сад, поезд, карандаши и

ненависть к брокколи. Именно этот быт постепенно возвращал масштабы происходящего: тугоухость была важной частью его жизни, но не единственной её темой.

После подтверждения диагноза Марина впервые решилась поговорить с Ниной Викторовной не в раздевалке на бегу, а спокойно. Они встретились вечером, когда детей почти всех забрали. Миша сидел за маленьким столом и рисовал, а женщины расположились в соседней комнате так, чтобы он видел мать через стеклянную дверь.

— Я хочу, чтобы в группе не делали из этого события, — сказала Марина. — Не надо говорить детям, что он «плохо слышит», без необходимости.

Нина Викторовна кивнула.

— А что мне делать конкретно?

Марина достала лист рекомендаций.

— По возможности обращайтесь лицом. Если шумно и важная инструкция — убедитесь, что он понял. Не надо повторять громче сразу. Лучше ближе и чётче.

— А если он не выполняет?

— Сначала проверить, услышал ли.

Воспитательница вздохнула.

— Я теперь думаю, сколько раз ругала его за то, что он «игнорирует».

— Я дома делала то же самое.

Они посмотрели друг на друга. Вина взрослых иногда становится легче, когда перестаёт быть одиночной.

— Может, детям всё-таки объяснить? — спросила Нина Викторовна. — У него появятся аппараты, заметят.

Марина напряглась.

— Я не знаю.

— Можно без драматизма. «Миша носит аппараты, чтобы лучше слышать». Как про очки.

Марина вспомнила дедушку.

— Наверное.

— Главное, чтобы он сам был готов.

Они позвали Мишу и объяснили простыми словами: когда появятся синие аппараты, дети могут спрашивать. Что он хочет отвечать? Миша пожал плечами.

— Что это аппараты.

— А если спросят зачем?

— Чтобы слышать.

— И всё?

— А что ещё?

Марина улыбнулась. Взрослые опять искали сложность там, где ребёнку хватало двух слов.

В тот вечер дома они потренировались, но быстро превратили всё в игру. Сергей изображал любопытного одноклассника:

— А почему у тебя за ушами синие штуки?

— Аппараты.

— А зачем?

— Слышать.

— А можно потрогать?

— Нет.

— А если очень хочется?

— Нет.

— А если я твой лучший друг?

— Ты папа.

Марина рассмеялась.

— Провал роли.

Сергей не сдавался:

— А если скажут: «Ты что, глухой?»

Марина сразу нахмурилась.

— Не надо.

Но Миша уже услышал.

— Что отвечать?

Сергей понял, что зашёл далеко. Сел рядом.

— Можно сказать: «Я слышу хуже некоторых звуков».

Можно вообще не отвечать. Можно сказать воспитательнице, если дразнят.

— А ударить?

— Нет, — одновременно сказали родители.

Миша вздохнул.

— Тогда воспитательнице.

Эта репетиция не смогла подготовить ко всему, но дала ребёнку несколько готовых фраз. Иногда это важно: в момент обиды язык исчезает первым.

Через несколько дней Марина повела Мишу в библиоте-

ку. Они ходили туда и раньше, но теперь она почему-то стала замечать, как тихо в читальном зале. Миша без аппаратов слышал библиотекаря лучше, чем воспитательницу в группе, потому что вокруг почти не было фона. Это простое наблюдение помогло Марине ещё раз понять: способность ребёнка не постоянная величина. Среда меняет её. Миша выбрал книгу про поезда. Не потому, что уже дружил с Лёшей — знакомство ещё только начиналось, — а потому что красный локомотив на обложке напомнил домашнюю игрушку. Вторая книга была про художника, но он выбрал её из-за картинки с большой палитрой.

Дома Марина начала читать. Книга рассказывала историю слишком сложным языком. Через две страницы Миша потерял интерес и стал рассматривать репродукции.

— Он почему так нарисовал лицо? — спросил он.

— Как?

— Синее.

Марина посмотрела. На репродукции действительно был портрет с условным цветом.

— Художник так видел.

— Люди не синие.

— На картине могут быть.

— Почему?

— Не знаю. Может, хотел показать настроение.

Миша нахмурился. Слово «настроение» он понимал, но связь с цветом была новой.

— Если злой — красный?

— Можно красный.

— Папа синий.

Из другой комнаты Сергей крикнул:

— Я всё слышу!

Миша засмеялся.

Позже он нарисовал отца с синим лицом. Сергей увидел и возмутился:

— Почему я покойник?

— Ты громкий синий.

Марина объяснила происхождение идеи.

— Значит, культурное развитие уже пошло против меня.

Рисунок повесили на холодильник рядом с другими. Это была первая попытка Миши использовать цвет не как цвет предмета, а как ощущение. Он не делал из этого системы. На следующем рисунке отец снова был обычного цвета. Но возможность осталась. В те недели родители впервые начали замечать, как много в ребёнке существует помимо того, что врачи измеряют в децибелах. Страх диагноза сужал взгляд, заставлял видеть только дефицит. Жизнь снова расширяла его. Миша мог не услышать тихий согласный, но замечал оттенки лица на картине. Мог переспросить простую фразу, но помнить, как падает свет между двумя домиками. Мог неправильно произнести слово и точно увидеть, что мать улыбается только ртом. Это не было компенсационной сказкой, где один недостаток обязательно награждается особым

даром. Он просто был конкретным ребёнком — с сильными и слабыми сторонами, как любой другой. Марина постепенно переставала мысленно уравнивать одно другим.

Дома тоже осталось только то, что действительно помогало: телевизор делали тише, если фон мешал разговору; к Мише подходили, прежде чем сказать важное; иногда включали дополнительный свет у стола. Никто не соблюдал эти правила идеально. Сергей по-прежнему кричал из коридора, Марина ловила себя на вопросе «слышал?», Миша раздражался. Но ошибки перестали восприниматься как катастрофа — их просто исправляли.

Через два дня они получили второе заключение. Оно подтвердило первое. После этого диагноз перестал быть предположением и стал частью медицинской карты. Марина несколько раз прочла строку. Её пугало не само название — сухое, техническое, — а ощущение необратимости, которое взрослый человек легко привязывает к любому слову, напечатанному врачом. Миша строки не видел. Он в это время сидел в коридоре и рисовал обувь людей, ожидающих приёма. Ему почему-то понравились ноги. Ботинки пожилого мужчины были широкими, со стёртыми носами. У девушки напротив — красные сапоги с ремешками. У ребёнка рядом — маленькие валенки. Людей целиком он не рисовал. Только то, что видел перед собой. Когда Марина вышла, он показал альбом.

— Смотри, это дядя.

— Где дядя?

— Вот.

— Тут ботинки.

— Его.

— А самого нет.

Миша посмотрел на мать, не понимая претензии.

— Он выше. Не влез.

Она рассмеялась. И в этот момент впервые после подтверждения диагноза ей пришла простая мысль: сын всё ещё тот же. Он не стал строкой в карте. Не превратился в диагноз. Он сидит на стуле, рисует чужие ботинки и не знает, что его мать только что мысленно успела прожить за него двадцать трудных лет. Марина присела рядом.

— Красивые сапоги?

— Красные.

— Тебе теперь всё красное нравится?

— Нет. Помидоры нет.

Она рассмеялась ещё сильнее. Сергей вышел из кабинета и застал их обоих смеющимися.

— Что пропустил?

— Помидоры, — сказала Марина.

— Не люблю, — подтвердил Миша.

Сергей кивнул с серьёзным видом.

— Диагноз тяжёлый.

Миша посмотрел на него, потом понял по глазам, что отец шутит, и тоже засмеялся. Так в тот день диагноз вошёл в се-

мью не только страхом. Он вошёл бумагами, новыми словами, планом занятий, будущими аппаратами. Но рядом с ним остались макароны, красные сапоги, ненависть к помидорам, отцовские нелепые шутки и мамины слёзы, которые можно было честно назвать слезами. Жизнь не разделилась на «до» и «после» одним ударом. Она просто чуть повернула в сторону. И никто пока не знал, куда именно приведёт эта дорога.

Глава 5. Он должен говорить нормально

Слуховые аппараты появились в жизни Миши не сразу. Сначала были слепки. Врач смешала в маленькой чашке густую массу, похожую на пластилин, вставила в ухо ватный ограничитель и заполнила проход мягким материалом. Миша терпел, пока можно было терпеть, потом начал ерзать, потом спросил, долго ли ещё, а когда ему сказали «ещё минутку», тяжело вздохнул так, будто взрослые в очередной раз доказали свою неспособность правильно измерять время.

— Вы всегда говорите минутку, а это не минутка, — заявил он.

Сергей, сидевший рядом, кашлянул, скрывая смех.

— Очень точное наблюдение, — сказала специалист.

Миша посмотрел на часы, которые ещё плохо понимал, но с этого момента решил следить за взрослыми особенно внимательно.

Через неделю пришли вкладыши. Красных аппаратов нужной модели не оказалось. Были синие. Миша долго разглядывал их на ладони врача: маленькие, чуть изогнутые, с

прозрачными трубочками. В его воображении слуховой аппарат почему-то представлялся чем-то большим, почти как наушник. Эти выглядели скорее игрушечными деталями.

— Один синий, другой тоже? — спросил он.

— Оба синие.

— А можно один красный потом?

— Если очень захочешь, посмотрим.

Миша согласился. Главное, что не бежевые. Врач предупредила родителей о первой реакции. Мир после усиления может показаться слишком громким. Нужно привыкать постепенно. Не носить сразу весь день. Не требовать от ребёнка восторга. Не считать слёзы или отказ неблагодарностью. Для взрослого аппарат означает помощь; для ребёнка — внезапное изменение привычной реальности. Марина слушала внимательно. Сергей записывал. Оба были уверены, что подготовлены. Оказалось — нет. Когда аппараты включили, Миша вздрогнул всем телом. В кабинете никто не кричал. Просто врач отодвинула стул, рукав её халата шевельнулся, за дверью прошёл человек. Но всё это сразу оказалось слишком близко. Мир, в котором между звуками раньше оставалось много воздуха, внезапно уплотнился. Миша поднял руки к ушам.

— Сними.

— Подожди чуть-чуть, — мягко сказала врач.

— Сними!

Марина шагнула к нему.

— Миш, сейчас убавят.

Он сорвал один аппарат сам. Врач успела поймать его, прежде чем тот упал на пол.

— Не надо! Громко!

Лицо ребёнка побледнело. Глаза наполнились слезами не от боли, а от растерянности и злости. Сергей, который всю дорогу сюда представлял, как сын наконец услышит мир «как надо», вдруг понял, насколько взрослой была эта фантазия. Он ждал чуда, похожего на сцену из фильма: включили прибор — ребёнок улыбнулся, услышал мамин голос, все заплакали от счастья. Вместо этого Миша стоял посреди кабинета, прижимая ладони к ушам, и хотел вернуть старую тишину. Врач выключила аппараты.

— Всё. Тихо.

Миша тяжело дышал.

— Не буду.

— Сегодня совсем не обязательно долго.

— Никогда.

Марина села рядом и не стала убеждать. Просто ждала. Через несколько минут Миша позволил вставить вкладыши снова, но аппараты включили на минимальной настройке. В этот раз он не сорвал их, хотя всё лицо выражало недоверие.

— Скажи что-нибудь, — попросил он мать.

Марина растерялась.

— Что сказать?

Миша моргнул.

— Ты другая.

— Какая?

Он слушал, словно примерял её голос заново.

— Близкая.

Слово было не совсем тем, которое взрослый выбрал бы для описания усиленного звучания, но другого у него не было. Голос матери действительно словно приблизился. Раньше между ним и Мишей часто оставалось пространство. Теперь голос оказался рядом, почти у самого лица.

— Плохо? — спросила Марина.

Он подумал.

— Не знаю.

Врач улыбнулась.

— Хороший ответ. Не надо решать сразу.

По дороге домой аппараты лежали в коробочке. Миша держал её сам. Время от времени открывал, проверял, на месте ли синие устройства, и закрывал. Сергей хотел сказать, что техника дорогая и коробку надо держать осторожнее, но Марина взглядом остановила его.

Первые дни с аппаратами были похожи на знакомство с квартирой заново. Оказалось, что холодильник гудит, одежда шуршит, вода в кране звучит резче, чем Миша помнил, а голос матери иногда приходит слишком близко. Взрослые сначала радовались каждому замеченному звуку и тут же спрашивали, слышит ли он ещё это и то. Миша быстро устал от викторины. После разговора со специалистом родители

приняли правило: аппараты дают ему больше звука, но не делают каждый звук обязательным событием.

В детском саду оказалось сложнее. До этого шум группы был для него густым, но привычным. С аппаратами каждый стул, крик, падение кубика, ложка и бегущий ребёнок получили отдельное место. Он слышал больше и понимал меньше. Громкость не превращалась автоматически в ясность.

Первый день он выдержал до обеда. Потом снял аппараты и спрятал в карман. Нина Викторовна обнаружила это только перед тихим часом.

— Миша, а где аппараты?

Он показал на карман.

— Почему снял?

— Все орут.

— Не все орут.

Миша посмотрел на неё с таким выражением, что воспитательница поправилась:

— Хорошо. Шумно.

— Очень.

Она вспомнила рекомендации, которые Марина подробно объяснила утром.

— Давай уберём их в коробочку. После сна попробуем ещё немного.

Миша удивился. Он ожидал «надень сейчас».

— Можно?

— Можно.

Доверие к Нине Викторовне выросло сразу. Но дома Сергей отреагировал иначе.

— Почему снял?

— Громко.

— Ты должен привыкать.

Миша сразу насупился.

— Не буду.

— Будешь. Врач же сказала постепенно увеличивать время.

— Не хочу.

— Не всё делается потому, что хочется.

Марина, разбиравшая сумку, подняла голову.

— Серёж.

— Что Серёж? Мы купили аппараты не для того, чтобы они лежали в кармане.

Миша услышал главное слово — «должен». Оно уже начинало приобретать неприятный вкус. Должен носить. Должен слушать. Должен заниматься. Должен повторять.

— Не буду! — крикнул он.

— Не кричи.

— Ты кричишь!

— Я не кричу.

— Кричишь!

На самом деле Сергей лишь говорил громче обычного, но с аппаратами разница была существенной. Миша сорвал один с уха и бросил на диван.

— Аккуратно! — Сергей шагнул вперёд.

Мальчик отступил и закрыл уши ладонями. Марина встала между ними.

— Всё. Хватит.

— Я спокойно разговариваю.

— Ты сейчас вообще не с ним разговариваешь. Ты воюешь с устройством за несколько тысяч.

— Оно может сломаться!

— Я знаю.

— Тогда объясни ему.

— Объясню, когда он успокоится.

— А почему я должен быть плохим полицейским?

— Потому что сам выбрал эту роль пять минут назад.

Сергей бросил взгляд на сына и понял, что спор пошёл совсем не туда. Миша стоял, прижавшись к спинке дивана, и смотрел не на аппараты, а на лица родителей. Точно так же, как всегда. Сергей вышел на кухню. Марина села рядом.

— Дай второй.

Миша не хотел.

— Я уберу оба в коробочку.

Он снял. Передал.

— Папа злой.

— Папа испугался, что аппарат разобьётся.

— Он злой.

— И злой тоже.

Миша принял ответ.

- Я не буду носить.
- Сегодня больше не будешь.
- Завтра тоже.
- Завтра поговорим.
- Нет.

Марина не стала спорить. На кухне Сергей стоял у окна. За стеклом сгущался ранний зимний вечер. Фонарь уже горел. Снег вокруг него казался жёлтым.

- Я всё испортил, — сказал он, когда жена вошла.
- Нет.
- Не утешай.
- Я не утешаю. Ты перегнул. Исправишь.

Он повернулся.

- Я просто хочу, чтобы ему было легче.
- Тогда почему делаешь тяжелее?
- Потому что не знаю как.

Марина подошла ближе.

- Вот это и скажи ему.
- Ему пять.

— Тем более поймёт лучше, чем лекцию про стоимость аппаратов.

Сергей усмехнулся.

- Ты сегодня очень мудрая.
- У меня тоже через час закончится запас.

Через полчаса отец вошёл в комнату. Миша рисовал на полу. Аппаратов не было. Без них он выглядел так привыч-

но, что Сергей на секунду поймал себя на мысли: вот, нормальный. И сразу же разозлился на самого себя за это слово. Он сел рядом.

— Миш.

Мальчик посмотрел.

— Я разозлился зря.

Миша молчал.

— Аппарат дорогой. Я испугался, что он сломается. Но кричать не надо было.

— Ты сказал «должен».

— Сказал.

— Я не должен.

Сергей хотел возразить. Ведь в каком-то смысле должен. Носить, привыкать, заниматься — без этого помощь не работает. Но врач говорила о другом: не превращать необходимость в оценку ребёнка.

— Тебе надо привыкать, — сказал он осторожнее. — Но не сразу. И если очень громко, надо сказать.

— Я сказал.

— А я не услышал.

Миша посмотрел на него внимательно. Сергей усмехнулся.

— Да, смешно получилось.

— Ты плохо слышишь?

— Иногда, видимо.

Миша подумал и придвинул к нему рисунок.

— Это ты.

На листе был большой человек с открытым ртом. Возле рта — толстые чёрные линии.

— Я ору?

Миша кивнул.

— Очень?

Ещё один кивок. Сергей взял карандаш.

— А можно я дорисую?

Миша подозрительно посмотрел, но разрешил. Отец нарисовал над фигурой маленькое облачко и дождь.

— Это что?

— Я теперь мокну за то, что орал.

Миша расхохотался. Через минуту они вдвоём дорисовывали отцу огромный зонтик, который не помещался на листе.

На следующий день аппараты надели дома всего на пять минут. Сергей ничего не спрашивал. Даже демонстративно уткнулся в газету. Миша выдержал семь.

— Всё, — сказал он.

Марина сняла.

— Семь минут, — отметил Сергей.

— Ты считал?

— Случайно.

— Врёшь.

— Немного.

Миша улыбнулся.

Постепенно время увеличивалось. Не ровно. Иногда уда-

валось час. Иногда через десять минут Миша требовал снять. Бывали дни, когда всё раздражало, и дни, когда он забывал о синих корпусах за ушами. Родители научились не считать откат провалом. Вместе с аппаратами продолжились занятия речью. На кухонном столе снова появилось зеркало. Марина открывала тетрадь, где рядом со словами рисовала маленькие картинки. Она старалась делать занятия короткими и весёлыми, но не всегда получалось.

Однажды вечером они снова дошли до ненавистой «ёлки».

— Ёлка, — произнесла Марина.

— Ёка.

— Послушай: ёл-ка.

— Ёка.

— Язык вот здесь.

Она показала. Миша попробовал.

— Ё... лка.

— Да! Ещё раз.

Он сразу напрягся.

— Я уже.

— Один раз.

— Не хочу.

Сергей, сидевший рядом, вмешался:

— Миш, закрепить надо.

— Не надо.

— Надо. Иначе завтра опять забудешь.

— Не забуду.

— Скажи «ёлка».

— Папа.

— Ну одно слово.

— Не хочу!

Сергей тяжело выдохнул.

— Ты должен научиться говорить нормально.

В комнате будто выключили звук. Марина закрыла глаза.

Миша смотрел на отца.

— Я как говорю?

Сергей понял слишком поздно.

— Я не это имел в виду.

— Ненормально?

— Нет.

— Ты сказал.

— Я сказал про речь, не про тебя.

Для взрослого разница была очевидна. Для пятилетнего

— нет. Миша сорвал аппараты, положил их на стол — не бросил, хотя был зол, — и убежал в комнату. Марина повернулась к мужу.

— Вот этого я боялась.

— Я просто неудачно сказал.

— Для тебя неудачно. Для него — сказал отец.

— Что теперь? Вообще не произносить слово «нормально»?

— Про него — лучше не надо.

— Марина, нельзя всю жизнь ходить вокруг ребёнка на цыпочках.

— А нельзя всю жизнь толкать его туда, где тебе спокойнее.

— Мне спокойнее, если он сможет нормально общаться, да!

— Снова!

— Да что ты цепляешься к слову?

— Потому что он уже цепляется!

Сергей ударил ладонью по столу. Не сильно, но ложка звякнула. Оба сразу замолчали. Из комнаты не было слышно ничего. Марина сказала очень тихо:

— Ты хочешь, чтобы он говорил лучше. Я тоже. Но если каждое занятие будет объяснять ему, что сейчас с ним что-то не так, он возненавидит и речь, и аппараты, и нас.

Сергей провёл рукой по волосам.

— Я знаю.

— Нет, пока не знаешь.

Он хотел ответить резко. Потом сел.

— Наверное.

В комнате Миша спрятался под столом. Он делал так редко — в моменты, когда хотел уменьшить мир. Под столом было темнее, стены ближе, никто не мог неожиданно подойти сзади. На коленях лежал альбом. Он рисовал рты. Один большой. Другой маленький. Третий кривой. Слова он не рисовал, потому что не знал как. Только линии, выходящие из

открытых ртов. Сергей сел на пол у стола.

— Можно сюда?

— Нет.

— Хорошо.

Он остался снаружи. Прошло минуты две.

— Пап.

— Что?

— Ты там?

— Тут.

— Не уходи.

— Не уйду.

Ещё пауза.

— Я неправильно говорю?

Сергей смотрел на край ковра.

— Иногда я не понимаю некоторые слова.

— Почему?

— Потому что ты слышишь их не целиком. Наверное.

— А я тебя тоже не понимаю.

— Знаю.

— Не знаешь.

Сергей усмехнулся без улыбки.

— Да. Не знаю как это.

Из-под стола появилась рука с рисунком. Сергей взял.

— Это что?

— Все говорят.

— А ты?

— Я тут.

Миша показал из темноты на маленькую фигуру в углу. Сергей почувствовал тяжёлый комок в горле. Он хотел сказать что-нибудь правильное, взрослое, полезное. Не нашёл.

— Я постараюсь говорить так, чтобы тебе было легче.

— Не ори.

— Хорошо.

— И не говори «нормально».

Сергей закрыл глаза на секунду.

— Хорошо.

— Никогда?

— Про твою речь — постараюсь никогда.

Миша подумал и вылез.

Через несколько дней аппараты уже перестали быть новостью для самого Миши, хотя взрослые и дети ещё разглядывали их. Он выбрал наклейку для футляра, спорил о цвете и всё чаще воспринимал устройства как вещь из повседневности. Настоящая трудность обнаружилась в магазине: музыка, объявления, тележки и разговоры навалились одновременно, и Миша выдохнул, что «всё кричит». Сергей впервые не предложил терпеть ради привыкания — вывел его наружу и признал, что сам не может представить этот перегруз полностью.

— Похоже, торговые центры пока не наша тренировка.

— Тренировка вообще не должна быть везде, — ответила Марина.

— Я знаю.

— Ты опять сказал «тренировка».

— Отстань от слова.

— Вот видишь, как ты реагируешь, когда тебя постоянно поправляют?

Сергей посмотрел на неё и расхохотался.

— Хорошо. Засчитано.

Миша шёл впереди и ничего не слышал из их разговора. Он заметил голубя на снегу и пытался подойти как можно ближе.

Первый семейный праздник с аппаратами случился у бабушки. Галина Петровна собрала всех на воскресный обед: сестру, племянника с женой, двух детей. В небольшой комнате быстро стало шумно. Взрослые перебивали друг друга, дети бегали из кухни в коридор, телевизор работал фоном. Миша держался рядом с отцом и почти сразу начал трогать аппараты пальцами. Бабушка заметила.

— Не снимай, Мишенька. Тебе же надо слышать.

Он нахмурился. Марина уже открыла рот, но Сергей опередил:

— Мам, если попросит снять — снимем.

— Я же просто сказала.

— Знаю.

Через минуту Галина Петровна подошла к внуку и, стараясь помочь, заговорила слишком громко:

— МИША, БУДЕШЬ КОМПОТ?

Мальчик отшатнулся.

— Не ори.

В комнате на секунду стало тихо. Один из родственников кашлянул, кто-то сделал вид, что занят тарелкой. Бабушка покраснела.

— Я не ору. Я хотела, чтобы ты услышал.

Миша показал на аппараты.

— Я слышу.

Сергей отвернулся, скрывая улыбку. Марина положила ладонь матери на руку.

— С ним не надо громче. Лучше лицом.

Галина Петровна несколько секунд была обижена. Потом присела перед внуком и обычным голосом спросила:

— Компот будешь?

— Да.

— Вот ведь, — сказала она и покачала головой. — Пять лет, а учит бабушку разговаривать.

— Я не учу.

— Хорошо. Тогда бабушка сама учится.

Праздник продолжился. Через час Миша устал. Сам пошёл к матери и сказал:

— Коробку.

Аппараты сняли. Он ушёл в дальнюю комнату, где было тише, и сел у окна с карандашами. Через некоторое время к нему пришла двоюродная сестра Аня, на год старше. Она спросила, почему он ушёл.

— Там громко.

— А мне нет.

— А мне да.

Аня приняла ответ удивительно легко.

— Нарисуем кота?

Они стали рисовать бабушкиного рыжего кота, который спал на кресле. Через двадцать минут взрослые нашли их рядом: два листа, один кот и спор о том, какого цвета у него глаза.

На обратной дороге Галина Петровна сказала Марине в прихожей:

— Я всё время боюсь сказать что-то не так.

— Мы тоже.

— И что делать?

Марина пожала плечами.

— Спрашивать его. И слушать ответ.

Бабушка усмехнулась.

— Получается, самая сложная медицина — не перебивать пятилетнего ребёнка.

— Иногда да.

В машине Миша заснул почти сразу. Коробка с аппаратами лежала у него на коленях. Сергей поправил её, чтобы не упала, и тихо сказал:

— Сегодня он впервые сам попросил перерыв до того, как сорвался.

Марина посмотрела на сына. Это был маленький успех,

который невозможно измерить аудиограммой. Ребёнок начал узнавать собственную усталость и сообщать о ней словами. Для семьи это значило не меньше, чем ещё один правильно произнесённый звук.

Постепенно они учились различать усталость, непонимание и обычное детское нежелание. Иногда Миша не отзывался потому, что действительно не расслышал; иногда — потому что был занят и не хотел. Аппараты не отменяли эту разницу. В парке он мог увлечённо прислушиваться к птицам, а через час сердиться на сушилку для рук; мог пропустить фразу о шарфе и прекрасно услышать шорох пакета с печеньем. Родители всё меньше пытались построить из этих противоречий единую шкалу и всё чаще просто спрашивали, что ему сейчас нужно.

Однажды вечером в доме отключили электричество. Сначала погасла лампа на кухне, потом замолчал холодильник, телевизор оборвался на половине фразы. За окном тоже потемнели несколько окон соседнего подъезда.

— Всё сломалось? — спросил Миша.

— Свет отключили, — ответил Сергей.

Он нашёл фонарик, Марина зажгла две свечи. Квартира сразу стала другой. Стены приблизились, привычные предметы потеряли цвета, тени сделались огромными. Миша был в аппаратах. И внезапно заметил, что вместе со светом исчезли некоторые звуки.

— Тихо.

— Холодильник выключился, — сказал Сергей.

— И телевизор.

— Да.

— А ещё?

Все замолчали и начали слушать вместе. Из подъезда доносились шаги. Где-то выше открылась дверь. За окном проехала машина. Свеча слегка потрескивала. Миша подошёл ближе.

— Она говорит.

— Кто?

— Свеча.

Сергей прислушался.

— Потрескивает.

Миша нарисовал пальцем в воздухе маленькую ломаную линию.

— Вот так.

Марина принесла альбом.

— Нарисуй, пока свет не дали.

Он сел за стол. При свечах бумага была желтоватой. Тень от руки двигалась вместе с карандашом. Миша рисовал саму свечу, но больше всего его заинтересовала тень. Она была гораздо длиннее предмета.

— Почему большая?

Сергей поставил фонарик ближе, потом дальше, показал, как меняется тень. Миша забыл про звук и занялся светом.

Через двадцать минут электричество вернулось. Холо-

дильник загудел, лампа вспыхнула, телевизор включился сам. Миша поморщился.

— Выключи.

Сергей выключил телевизор.

— Так лучше?

— Да.

Они не стали включать верхний свет сразу. Ещё некоторое время сидели при свечах. Этот вечер показал, что тишина не обязательно означает отсутствие. В ней были другие вещи — слабые звуки, тени, лица в тёплом свете. Для Миши она не была врагом. Взрослые после обследований начали бояться «того, что он не слышит», но сам ребёнок по-прежнему любил тихие места. Позже, когда аппараты становились слишком утомительными, он иногда просил:

— Можно тихо?

И родители понимали, что это не отказ от помощи. Это отдых. Сергей даже ввёл дома правило «тихих пятнадцати минут» после садика. Телевизор не включать. Радио не включать. Не задавать сразу сто вопросов.

Первый же день правило нарушил сам.

— Ну как сегодня? Что ели? Аппараты носил? Нина Викторовна что сказала?

Миша молча показал на часы.

— Что?

Марина засмеялась.

— Тихие пятнадцать минут.

— А. Точно.

Сергей закрыл рот ладонью. Миша удовлетворённо ушёл в комнату.

Через четверть часа сам вернулся и начал рассказывать, что Катя пролила компот. Сергей слушал и не перебивал. Оказалось, если не вынимать рассказ сразу, он иногда приходит сам. Тишина перестала казаться семье пустотой, которую надо срочно заполнить речью. И это было важное изменение.

Некоторые новые звуки Миша начал переводить в цвет и линию. Музыку рисовал не нотами, а полосами разной толщины; звон посуды — короткими светлыми штрихами; низкий гул — тёмной массой. Взрослые сначала пытались угадывать, «что это означает», но быстро научились спрашивать меньше. Рисунок не был расшифровкой слуха и не обязан был им быть. Для Миши это просто становилось ещё одним способом удержать впечатление, когда обычных слов не хотелось или не хватало.

Через несколько недель произошёл первый момент, который родители потом называли «дождём». За окном действительно шёл дождь — редкий для зимы, тяжёлый, холодный. Снег во дворе оседал и темнел. Миша сидел на подоконнике в аппаратах и рисовал. Вдруг перестал двигать карандашом.

— Тихо, — сказал он.

Марина, складывавшая бельё, замерла.

— Что?

— Тихо.

Она перестала шуршать одеждой. Миша слушал. Дождь бил по металлическому отливу окна. Не сплошным шумом, а множеством отдельных ударов. Капля. Ещё две. Пауза. Сразу несколько.

— Это дождь? — спросил он.

— Да.

— Он так делает?

Марина подошла ближе.

— Как?

Миша не ответил. Взял карандаш и на чистом листе провёл несколько коротких наклонных линий. Потом длинную. Потом точки. Потом снова линии.

— Так.

Марина посмотрела на лист.

— Похоже.

— На звук?

Она почувствовала, как к глазам подступают слёзы, и на этот раз удержала их. Не потому, что плакать было нельзя. Просто не хотела превращать его открытие в свою драму.

— Да. На звук.

Миша нарисовал окно, отлив и дождь. Потом маленького человека внутри комнаты. Человек стоял лицом к стеклу. Сергей пришёл позже и увидел рисунок на столе.

— Новый?

— Он сегодня услышал дождь, — сказала Марина.

Миша тут же возмутился:

— Я раньше тоже слышал!

Она остановилась.

— Конечно.

— Просто теперь по-другому.

Сергей присел.

— Как?

Миша показал на линии.

— Вот.

Отец долго смотрел.

— Красиво.

Миша нахмурился.

— Это не красиво. Это дождь.

Сергей кивнул.

— Понял.

На самом деле понял не до конца. Но уже научился не требовать от сына объяснений, которых тот не мог дать.

Вечером аппараты лежали в коробке с красной молнией.

Миша спал. Сергей и Марина сидели на кухне.

— Сегодня он сам попросил оставить их ещё, — сказала Марина.

— Из-за дождя?

— Наверное.

Сергей улыбнулся.

— Значит, всё-таки помогает.

— Помогает. Только не так быстро, как мы хотели.

— Я уже понял.

— Правда?

— Нет. Но делаю вид лучше.

Она засмеялась. Он протянул руку через стол.

— Марин.

— Что?

— Если я опять начну про «нормально»...

— Я скажу.

— Только не при нём.

— Постараюсь.

— И не убивай сразу.

— Ничего не обещаю.

Они сидели, держась за руки, и слушали дождь. Для них он звучал как всегда. Для Миши сегодня стал немного другим. А в его альбоме появился ещё один лист, где звук впервые получил форму не потому, что кто-то дал задание, а потому, что мальчику захотелось его сохранить.

Глава 6. Зеркало

Зеркало на кухонном столе сначала было врагом. Оно появлялось после ужина вместе с тетрадью, карандашом и коробкой карточек, а значит, впереди ждали губы, язык, звуки и неизбежное «ещё раз». Миша научился определять начало занятия ещё до того, как мать его звала. Если зеркало стояло на столе — лучше было срочно найти важное дело: достроить дорогу, проверить карандаши, захотеть пить, вспомнить, что в ванной лежит машинка, которую нельзя оставлять од-

ну. Марина знала все эти уловки и иногда позволяла себя обмануть. Она тоже уставала. После работы, дороги, магазина, ужина и домашних дел ей хотелось не заниматься артикуляцией, а сидеть с чашкой чая и смотреть в окно. Но тетрадь лежала рядом, и вместе с ней — чувство долга. Родительская любовь редко бывает чистым светом; в ней хватает усталости, раздражения и страха сделать недостаточно. Марина постепенно училась не путать заботу с бесконечным усилием.

— Сегодня пять минут, — сказала она однажды.

Миша подозрительно посмотрел на часы.

— Пять настоящих?

— Настоящих.

— Не «минутку»?

— Нет.

— Таймер.

— Ставь.

Он поставил кухонный таймер сам и только после этого сел. На карточке был нарисован шар.

— Шар, — произнесла Марина.

— Сар.

— Посмотри на губы. Ш-ш-шар.

Миша повторил. Получилось ближе.

— Хорошо. Ещё раз.

Он сразу нахмурился.

— Один.

— Один.

Повторил. Марина остановилась, хотя хотелось закрепить. Таймер ещё не прозвенел. Она перевернула карточку.

— Всё?

— Осталась минута.

— Ты сказала пять минут заниматься.

— А мы будем минуту рисовать.

Миша сразу оживился. Так занятия начали меняться. После нескольких звуков Марина просила его нарисовать слово. Не красивую картинку из детской книжки, а то, что он сам представляет. «Шар» иногда становился огромным красным кругом, занимавшим весь лист. «Дом» — прямоугольником с одним окном. «Рыба» — длинной тёмной формой без чешуи и улыбки, потому что живые рыбы, которых Миша видел в магазине, не улыбались. Марина перестала исправлять рисунки. Зато заметила: пока он рисует, слово иногда повторяется само. Без просьбы. Миша шептал его, будто примерял к линии.

— Шар... шар...

Не «скажи ещё раз», не «правильно произнеси». Просто слово становилось частью действия. Анна Сергеевна, логопед в центре, одобрила такой способ. Она вообще была человеком, который не торопился. Миша это заметил почти сразу. Когда он не отвечал, она не повторяла вопрос громче через секунду, а ждала. Иногда пять, иногда десять секунд. Для взрослого немного. Для ребёнка — целое пространство, где успевает появиться ответ. В её кабинете стояло большое зер-

кало почти во всю стену. Первое время Миша отворачивался от него. В зеркале рот выглядел слишком большим и важным, а занятия превращали лицо в механизм, который нужно правильно настроить. Но однажды Анна Сергеевна сказала:

— Сегодня говорить почти не будем.

Миша сразу насторожился.

— Почему?

— Будем смотреть.

Это звучало лучше. Она посадила его рядом перед зеркалом и ничего не объяснила. Сначала просто улыбнулась. Потом сделала удивлённое лицо. Потом нахмурилась. Потом прищурилась так, будто ей не нравится запах. Миша рассмеялся.

— Что я сейчас? — спросила она.

— Злая.

— А теперь?

Она подняла брови.

— Удивилась.

— А теперь?

Губы улыбались, но глаза остались серьёзными. Миша посмотрел дольше.

— Неправильно улыбаешься.

Анна Сергеевна засмеялась.

— Почему неправильно?

— Глаза нет.

— Что с глазами?

Он показал пальцами возле собственных глаз, не умея объяснить.

— Они тоже должны.

Логопед кивнула. Не стала говорить про мышцы, мимику, социальное считывание. Просто спросила:

— А если человек улыбается только ртом, что это может значить?

Миша пожал плечами.

— Может, не хочет улыбаться.

Ответ был детским и точным.

После этого зеркало перестало быть только местом, где видно язык. Миша начал разглядывать лица. Сначала своё. Как меняется нос, если сморщиться. Как появляются складки на лбу. Как один глаз закрывается чуть быстрее другого. Как при настоящем смехе видно больше зубов, а щеки поднимаются почти к глазам. Потом он стал смотреть на взрослых. У матери было несколько улыбок. Одна — для него, когда он приходил обниматься утром. Другая — для соседей в лифте. Третья — усталая, когда она говорила: «Всё хорошо», хотя на самом деле хотела лечь и никого не видеть. Миша не называл их так. Он просто различал.

У отца тоже были лица. Рабочее, когда он разговаривал по телефону и ходил по комнате. Смешное, когда пытался не рассмеяться. Сердитое, когда губы становились тонкими и он начинал говорить медленнее, хотя именно тогда лучше

было отойти подальше. И ещё было лицо, которое Миша видел редко: отец смотрел на сына, думая, что тот не замечает. В таком лице не было ни улыбки, ни злости. Только какая-то тихая внимательность.

Однажды Миша попытался его нарисовать. Сергей сидел в кресле и читал. Миша устроился на полу с альбомом. Он уже знал: если человек понимает, что его рисуют, лицо меняется. Поэтому ничего не сказал. Сначала овал. Стер. Слишком круглый. Снова. Глаза. Один получился выше. Стер. Нос. Рот. Он долго мучился с бровями. У Сергея одна действительно была чуть выше другой, особенно когда он читал что-то непонятное.

— Ты чего на меня смотришь? — наконец спросил отец.
Миша тут же закрыл альбом.

— Ничего.

— Очень подозрительное ничего.

— Не смотри.

— Не смотрю.

Сергей демонстративно поднял газету почти до лица.

Через двадцать минут Миша протянул лист.

— Теперь.

Портрет был детским. Пропорции плавали, уши получились слишком большими — возможно, потому что тема ушей в последние месяцы занимала в доме слишком много места. Но Сергей узнал себя сразу. Не по форме носа, не по волосам. По выражению.

— Я такой грустный?

Миша задумался.

— Нет.

— А какой?

— Думаешь.

— О чём?

— Не знаю.

Сергей смотрел на рисунок дольше, чем обычно смотрят на детские картинки. Его вдруг поразило, что сын заметил не внешность, а состояние. Сам он в тот момент действительно думал — о работе, кредите, предстоящем приёме у специалиста, о том, хватит ли денег на дополнительные занятия. Миша, конечно, не знал ничего этого. Но увидел, что отец «думает».

— Можно я возьму на работу? — спросил Сергей.

Миша сразу забрал лист.

— Нет.

— Почему?

— Мой.

— Логично.

Через час рисунок всё-таки оказался на холодильнике. Марина прикрепила его магнитом.

— Ты чего? — возмутился Сергей. — Я там как уставший директор школы.

— Зато похож.

— Предательница.

Миша смеялся, глядя, как отец изображает оскорблённого художником человека. Эти вечера постепенно меняли атмосферу дома. До этого весь мир после диагноза будто вращался вокруг того, чего Мише недостаёт: не слышит, не различает, неправильно произносит. Теперь становилось заметно и другое — что он умеет. Не «вопреки» слуху и не «благодаря» ему. Просто умеет. Он смотрит долго. Запоминает детали. Различает выражения. Замечает свет. Марина однажды обнаружила это утром. Она стояла у зеркала в прихожей и красила ресницы. Миша сидел на пуфе и ждал, пока можно будет выходить.

— Мам.

— Что?

— У тебя лицо разное.

Она посмотрела на отражение.

— В смысле?

Он встал, подошёл.

— Тут свет.

Показал на левую щёку.

— А тут нет.

Правая действительно оставалась в тени от шкафа.

— И что?

— Ничего.

Он просто заметил. Марина улыбнулась.

— Художник.

Слово было сказано шутливо. Ни она, ни Миша не прида-

ли ему значения. Но он переспросил:

— Кто?

— Художник. Человек, который рисует.

— Все рисуют.

— Не все много.

— Я много?

— Очень.

Он подумал и пожал плечами.

— Нормально.

Марина рассмеялась. Слово «нормально», запрещённое в одном контексте, вернулось в другом и вдруг стало смешным. С новым альбомом Миша начал рисовать в автобусе. Точнее, сначала пытался. Машина дёргалась, карандаш соскальзывал, линии получались кривыми. После двух неудач он хотел закрыть альбом, но увидел женщину напротив. Она уснула, прислонившись виском к стеклу. Голова чуть покачивалась на поворотах. Миша стал рисовать быстро, не пытаясь делать точный портрет. Овал, волосы, закрытые глаза, воротник пальто. Марина заметила.

— Только не разглядывай слишком явно.

— Она спит.

— Всё равно.

Миша опустил альбом ниже и смотрел короткими взглядами. На следующей остановке женщина проснулась и вышла. Рисунок остался незаконченным.

— Уехала, — сказал Миша.

— Значит, дорисуешь по памяти.

Он попробовал. Лицо сразу стало другим.

— Не она.

— А что ты помнишь?

Миша закрыл глаза. Тёмные волосы. Красный шарф. Ладонь на сумке. Голова у стекла. Он не стал дорисовывать лицо. Добавил шарф и руку. Теперь женщина снова стала узнаваемой для него. Это был важный опыт: иногда человек узнаётся не по лицу.

После этого в альбоме появились пассажиры, которых Марина называла «безымянной автобусной галереей». Мужчина с огромной газетой. Девочка с косичками. Старушка, державшая букет. Рабочий в оранжевом жилете. Миша редко успевал лица и всё чаще выбирал одну деталь.

— Почему только ботинки? — спрашивал Сергей.

— Я их видел.

— А человека?

— Ушёл.

— Логично.

Так скорость городской жизни учила Мишу выбирать. Нельзя нарисовать всё. Нужно заметить главное до того, как автобус доедет до следующей остановки. Марина однажды поймала себя на том, что тоже начинает смотреть на пассажиров его глазами: чья-то рука, свет на очках, складка пальто.

— Ты меня заразил, — сказала она.

— Чем?

— Смотреть.

Миша не понял, почему это смешно.

В центре Анна Сергеевна однажды принесла Мише новый альбом. Не детский, с машинками на обложке, а простой серый, с плотной белой бумагой.

— Это тебе.

Миша открыл первую страницу.

— Зачем?

— Ты много смотришь. Рисуй то, что заметил.

— Что именно?

— Что захочешь.

Ему не понравилась неопределённость.

— А задание?

— Нет задания.

— Совсем?

— Совсем.

Миша пролистал чистые страницы. Их было много. Пустота немного пугала. В книжке с раскрасками всегда понятно: вот контур, нужно заполнить. В тетради по речи — слово и картинка. Здесь ничего.

— Можно лица?

— Можно.

— Машины?

— Можно.

— Некрасивое?

Анна Сергеевна посмотрела на него внимательнее.

— Особенно можно.

— Почему особенно?

— Потому что рисовать можно не только красивое.

Эта мысль была новой. В детском саду слово «красиво» звучало постоянно. Красиво раскрась. Красиво вырежи. Красиво поставь. Красивый рисунок получился. Миша привык считать красоту целью, хотя сам часто рисовал вещи, которые красивыми не были: старые ботинки, тёмный коридор, мокрую улицу.

— А страшное?

— Можно.

— А злое?

— Можно.

— А если мама не разрешит?

Анна Сергеевна улыбнулась.

— С мамой договоримся.

Однажды парикмахер, заметив пристальный взгляд Миши, спросила, почему он так серьёзно её изучает. Он ответил, что у неё лицо меняется, когда она говорит и когда режет волосы. Взрослые засмеялись, но Марина увидела важное: сын не искал «характер» и не делал психологических выводов — просто замечал конкретное изменение. Этот способ смотреть становился всё устойчивее.

В музее Миша впервые долго рассматривал не детскую иллюстрацию, а портрет. Его заинтересовало не имя худож-

ника и не одежда изображённого человека, а руки: одна была напряжена сильнее другой, и мальчику казалось, что человек устал сидеть неподвижно. После экскурсии Анна Сергеевна показала ему карандаши разной мягкости и предложила попробовать передавать не каждую подробность, а главное отношение света и тени. Миша быстро испачкал пальцы графитом, несколько раз стёр бумагу почти до дыр и обнаружил, что разные карандаши дают разный голос линии. Это было первым техническим открытием, которое действительно увлекло его само по себе.

— Мы вообще-то пришли «р» делать, — напомнила она однажды.

— Потом.

— Три минуты света. Потом «р».

— Пять.

— Четыре.

— Четыре настоящих?

— Да.

Сделка состоялась. Так речь и рисунок перестали быть врагами. Одно иногда вело к другому. Чтобы попросить повернуть лампу, нужны слова. Чтобы объяснить, почему хочется тень, иногда достаточно показать карандашом. Миша постепенно учился использовать оба языка — не сравнивая, какой важнее. Бабушка Галина Петровна относилась к Мишиным рисункам иначе, чем родители. Для неё всё, что сделал внук, было «прекрасно», «замечательно» и «талантли-

во». Первое время Мише нравилось. Потом автоматическая похвала начала раздражать.

Однажды она смотрела новый альбом.

— Ах, какая чудесная чашечка!

— Это ботинок.

Бабушка замерла. Сергей в другом конце комнаты фыркнул.

— Ну... очень хороший ботинок.

— Ты сказала чашка.

— Я не сразу разглядела.

— Значит, плохо.

— Нет, нет, совсем не плохо!

Миша нахмурился сильнее. Марина вмешалась:

— Мам, можно не спасать каждый рисунок.

Галина Петровна обиделась.

— Я ребёнка хвалю.

— Он просит посмотреть, а не похвалить.

— В пять лет детям нужна поддержка.

— Нужна. Только если ботинок похож на чашку, можно сказать, что не поняла.

Миша внимательно слушал. Потом протянул бабушке другой лист.

— А это?

Она посмотрела осторожнее.

— Рука?

— Да.

— Вот эту узнала.

Миша улыбнулся.

— Хорошо.

Галина Петровна поняла урок лучше, чем ожидала дочь. В следующий раз вместо «красиво» спросила:

— А почему здесь так темно?

Миша сразу начал объяснять про тень. Разговор стал дольше и интереснее.

Постепенно бабушка превратилась в одну из любимых моделей. У неё было лицо, совершенно не похожее на молодые лица родителей: мелкие морщины возле глаз, мягкие складки у рта, седые волосы. Миша разглядывал особенно внимательно руки.

— У тебя линии, — сказал он.

— Морщины.

— На руках тоже?

— И на руках.

— Почему?

— Потому что я старая.

Марина из кухни возмутилась:

— Мам!

— А что? Я не девочка.

Миша провёл пальцем по тыльной стороне бабушкиной ладони.

— Красиво.

Галина Петровна рассмеялась.

— Вот теперь верю, что ты художник. Умеешь женщинам говорить нужные слова.

Он не понял шутку. Рисовал долго. Морщины сначала делал отдельными жёсткими линиями, и лицо становилось страшным. Бабушка увидела.

— Ой, я тут лет сто пятьдесят прожила.

Миша расстроился.

— Они есть.

— Есть, но не такие глубокие.

Марина предложила:

— Не рисуй каждую. Посмотри, где тень.

Миша снова посмотрел. Стер часть линий. Сделал мягче карандашом. Портрет стал лучше. Галина Петровна на этот раз сказала не «прекрасно».

— Я себя узнаю.

Миша просиял. Это было точнее любой похвалы. Портрет она попросила себе. Миша долго сомневался, потом разрешил. Бабушка вставила лист в рамку и поставила на полку. Когда он пришёл в гости и увидел, удивился.

— Почему тут?

— Потому что мой портрет.

— Он кривой.

— Я тоже местами.

Миша засмеялся.

Через несколько лет этот детский рисунок всё ещё будет стоять на той же полке. Линии потускнеют, бумага слегка по-

желтеет. Но пока это было просто первое произведение Миши, которое ушло жить в другой дом. Он неожиданно почувствовал, что рисунок можно отдать и он не исчезнет. Это тоже было открытие.

Вечером первой страницей альбома стало лицо матери. Не портрет в обычном смысле. Миша сидел на кухне, пока она готовила, и рисовал её в профиль. Марина не знала. Она мыла картошку, наклонялась к кастрюле, сдувала прядь со лба, иногда проводила запястьем по щеке, потому что руки были мокрыми. Миша не успевал за движениями. Стирал, снова рисовал. В какой-то момент устал и оставил как есть. Марина увидела позже. На рисунке она выглядела старше. Глаза были слишком тёмными, рот — тонким, плечи опущены.

— Я такая страшная?

Миша сразу напрягся.

— Ты сказала можно некрасивое.

Марина растерялась.

— Кто сказал?

— Анна Сергеевна.

— Я не про это.

— А про что?

Она посмотрела ещё раз. И поняла, что рисунок не некрасивый. Он просто не был тем образом матери, который ей хотелось видеть. На нём была женщина в конце рабочего дня — уставшая, занятая, немного печальная.

— Я правда так выглядела?

— Да.

Ответ прозвучал без жестокости. Просто факт. Марина села рядом.

— А сейчас?

Миша посмотрел на неё. Теперь лицо было другое: заинтересованное, чуть смущённое.

— Сейчас нет.

— Нарисуешь?

Он взял карандаш.

— Сиди.

— Долго?

— Не знаю.

— Отлично. Теперь ты командуешь.

Миша рисовал минут десять. Марина старалась не двигаться и впервые поняла, насколько трудно сидеть под взглядом человека, который тебя изучает. Даже если этому человеку пять лет. Второй рисунок получился мягче. Не точнее, но живее.

— А этот лучше? — спросила она.

Миша нахмурился.

— Не лучше.

— А какой?

— Другой.

Марина запомнила. На следующем занятии она рассказала Анне Сергеевне об альбоме и двух портретах.

— Он всё время смотрит на лица, — сказала она. — Даже иногда неудобно людям. В автобусе может уставиться.

— Потому что лица для него дают много информации.

— Из-за слуха?

— В том числе. Когда аудиальная информация неполная, ребёнок естественно добирает смысл глазами. Но не надо всё сводить к слуху. Возможно, он просто очень визуальный.

Марина услышала в этой фразе что-то важное. Последние месяцы они объясняли почти каждую Мишину особенность диагнозом. Говорит так — из-за слуха. Смотрит на губы — из-за слуха. Не любит шум — из-за слуха. А ребёнок был шире любого объяснения. Анна Сергеевна продолжила:

— Только следите, чтобы он не превращал людей в объект наблюдения без границ. Нужно учить: можно смотреть, но не обязательно долго и в упор. И если рисуешь конкретного человека рядом — лучше спросить.

Миша, сидевший у окна, не участвовал в разговоре. Он рисовал руку Анны Сергеевны, лежащую на столе.

— Миш, — сказала она, заметив. — Ты меня рисуешь? Он замер.

— Руку.

— Тогда спроси.

Миша вздохнул.

— Можно твою руку?

— Рисовать?

— Да.

— Можно.

Он продолжил. Рука получалась плохо. Пальцы были как сосиски. Миша стирал до тех пор, пока бумага не стала тонкой.

— Не получается, — сказал он сердито.

Анна Сергеевна не стала успокаивать фразой «очень красиво». Вместо этого положила руку по-другому.

— Смотри не на пальцы отдельно. Сначала на общую форму.

— Как?

Она обвела ладонь в воздухе. Миша попробовал. Получилось чуть лучше.

— Всё равно плохо.

— Сегодня — так.

— А завтра?

— Может быть, лучше. Если смотреть.

Он кивнул. Это был понятный договор: не обещание таланта, а возможность научиться.

В детском саду его наблюдательность иногда становилась причиной неловкости.

Однажды он подошёл к Нине Викторовне и сказал:

— Вы сегодня плакали.

Она замерла. Утром действительно поссорилась с мужем по телефону и на минуту закрылась в подсобке. Дети не видели.

— С чего ты взял?

Миша показал на её глаза.

— Красные.

— Может, я не выпалась.

Он посмотрел ещё раз.

— Нет.

Нина Викторовна чуть не рассмеялась.

— Почему нет?

— Рот тоже.

— Что с ртом?

Миша не смог объяснить. Просто увидел. Воспитательница присела рядом.

— Хорошо. Плакала. Но сейчас всё нормально.

Он кивнул и ушёл строить башню. Ему не нужна была история причины. Факт совпал с лицом — порядок восстановлен.

Вечером Нина Викторовна рассказала Марине. Та сначала засмеялась, потом задумалась.

— Он всегда так?

— Всё замечает. Иногда слишком.

Дома Марина спросила сына:

— А ты когда на людей смотришь, что видишь?

Миша удивился.

— Людей.

— Я имею в виду... если человек грустный, ты сразу понимаешь?

— Если видно.

— А если не видно?

— Тогда не понимаю.

Просто. Без взрослой мистики. Он не читал души. Не обладал сверхспособностью. Он замечал конкретные признаки и постепенно учился связывать их с состояниями.

— А когда я говорю «не сержусь», но сержусь?

Миша улыбнулся.

— Видно.

— Значит, бессмысленно скрывать?

— Что?

— Ничего.

Он нахмурился.

— Опять.

Марина рассмеялась.

— Хорошо. Я спросила глупость.

На одной из последних встреч перед переводом в специализированный центр Анна Сергеевна снова поставила большое зеркало. Но теперь Миша не отвернулся.

— Сегодня звук «р», — сказала она.

Он застонал.

— Я не люблю «р».

— Я тоже в детстве не любила манную кашу. Пережила.

— «Р» хуже.

— Возможно.

Они начали. Язык не слушался. Воздух шёл не так. Миша злился, но продолжал. В какой-то момент отвлёкся на от-

ражение. Свет из окна падал на половину лица Анны Сергеевны. Другая оставалась в тени. Позади отражалась белая стена. На стекле зеркала было маленькое пятнышко, которое никто не вытер.

— Стой, — сказал Миша.

— Что?

Он встал, подошёл к лампе на столе и осторожно повернул её. Свет изменился.

— Зачем?

— Теперь по-другому.

— Что по-другому?

Он смотрел на её лицо.

— Тень.

Анна Сергеевна медленно улыбнулась.

— Тебе интереснее тень, чем «р»?

— Да.

— Честно.

Она позволила ему пару минут поэкспериментировать. Лампа справа — нос отбрасывает одну тень. Слева — другую. Сверху лицо кажется странным, глаза темнеют. Миша двигал свет, наблюдая изменения, и забывал, что пришёл заниматься речью.

— Теперь обратно, — сказала Анна Сергеевна.

— Ещё один раз.

— Один.

Он поставил лампу ниже. Лицо в зеркале стало почти те-

атральным.

— Страшная, — сказал Миша.

— Спасибо.

— Я не плохое сказал.

— Знаю.

Он сел и вдруг нарисовал несколько быстрых линий прямо в тетради: овал, нос, тёмная сторона лица. Не портрет. Скорее заметка света. Анна Сергеевна не остановила.

Вечером Марина увидела этот рисунок и спросила:

— Кто?

— Свет.

— Я спрашиваю, кто нарисован.

Миша посмотрел на лист.

— Анна Сергеевна.

— А почему сказал «свет»?

Он пожал плечами. Ему было трудно объяснить, что главным на странице для него оказался не человек, а разница между светлым и тёмным. Марина не стала допытываться.

Ночью она долго рассматривала альбом сына. Не как мать, ищущая признаки таланта. Скорее как человек, впервые получивший доступ к чужому способу смотреть. На одной странице — отцовская рука, крупная и неуклюжая. На другой — окно. Потом глаза. Ботинки. Чашка, у которой ручка слишком большая. Коридор. Тень от стула. Мамино лицо. Почти нигде не было солнца в углу листа, цветов «для красоты», облаков, обязательных для детских картинок. Миша

рисовал то, что его зацепило. Сергей подошёл сзади.

— Шпионишь?

— Смотрю.

— Есть разница?

— Огромная.

Он сел рядом. Марина показала рисунок руки.

— Видишь?

— Пять пальцев. Уже достижение.

— Я серьёзно.

Сергей присмотрелся.

— И что?

— Не знаю.

Она улыбнулась.

— Просто мне кажется, он смотрит иначе.

Сергей хотел пошутить, но не стал. Перелистнул несколько страниц.

— Возможно.

— Ты боишься этого слова?

— Какого?

— «Художник».

— Ему пять лет, Марин.

— Я не говорю, что он Репин. Просто ему нравится.

— Пусть нравится.

— Вот и всё.

Сергей закрыл альбом.

— Только давай не будем теперь делать новую проблему:

раньше он должен был «говорить нормально», теперь должен стать гением.

Марина посмотрела на мужа и рассмеялась.

— Иногда ты бываешь умным.

— Запиши дату.

Они выключили свет. На столе осталось маленькое зеркало. В темноте оно уже ничего не отражало, только ловило слабую полоску света из коридора. Для Миши оно перестало быть предметом, перед которым исправляют ошибки. Зеркало оказалось окном в лица. А лица — первым большим миром, который он научился читать глазами раньше, чем смог уверенно слышать словами.

Глава 7. Специализированный центр

Первое утро в новом центре началось с того, что Миша отказался входить. Он стоял перед стеклянной дверью, вцепившись пальцами в рукав матери, и смотрел внутрь. На синей табличке было длинное название, из которого он узнавал только отдельные буквы. За стеклом тянулся светлый коридор, по стенам висели детские рисунки, в глубине кто-то прошёл в белом халате.

— Там врачи, — сказал Миша.

— И педагоги, — ответила Марина.

— Белый халат.

— Один белый халат ещё не делает больницу.

— Делает.

Сергей, приехавший проводить их перед работой, присел

рядом.

— Если увидишь шприц — звони мне. Я приеду спасать.
Миша посмотрел на отца.

— Ты будешь далеко.

— Тогда спасёт мама.

— Она сама боится уколов.

Марина возмущённо подняла брови.

— Кто тебе сказал?

— Ты отворачиваешься.

Сергей рассмеялся. Марина тоже, хотя через секунду подумала: опять заметил. Центр не был больницей. Это стало понятно уже в гардеробе. Здесь не пахло спиртом. На полу лежала дорожка из цветных кругов, на стене висела большая бумажная рыба, составленная из отпечатков детских ладоней. В углу стоял ящик с игрушками, и никто не запрещал детям брать их, пока родители заполняют бумаги. Миша медленно отпустил мамин рукав. Он пошёл по кругам, наступая только на синие. Красные считал лавой. У двери кабинета пришлось нарушить правило, потому что синего круга не было. Он остановился и долго думал, можно ли перепрыгнуть. Елена Павловна, вышедшая встречать их, не стала торопить. Просто наблюдала.

— Далеко, — наконец сказал Миша.

— Можно наступить на зелёный, — предложила она.

— Зелёный тоже нельзя.

— Почему?

— Он подозрительный.

Марина закрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться. История с «кусающейся» зелёной кофтой давно превратила этот цвет в объект семейного недоверия. Елена Павловна серьёзно кивнула.

— Тогда у меня есть мост.

Она положила между кругами лист бумаги. Миша перешагнул по нему и вошёл в кабинет. Марина заметила это маленькое движение. Другой взрослый мог бы сказать: «Не выдумывай, иди сюда». Елена Павловна за десять секунд показала, что здесь сначала попробуют понять правило ребёнка, а потом уже помогут его изменить. В кабинете не было ничего медицинского. Низкие полки, коробки, карточки, несколько книжек, большой стол, маленький стол, мольберт, зеркало на стене. У окна стоял аквариум. Рыб было всего три, зато одна — почти чёрная, с длинным хвостом. Миша подошёл.

— Она злая?

— Почему? — спросила Елена Павловна.

— Чёрная.

— Чёрные обязательно злые?

Он задумался.

— Нет. Папина куртка чёрная.

— И папа не злой?

Миша посмотрел на мать.

— Иногда.

Марина рассмеялась.

Первые двадцать минут специалист почти не задавала заданий. Она показывала комнату, позволяла трогать игрушки, спрашивала, что нравится, а что нет. Марина сначала нервничала: они приехали заниматься, почему тратится время? Потом увидела, как Миша постепенно перестаёт держать плечи поднятыми. Он сам сел за стол. Сам взял карточки. Сам спросил, что будет дальше.

— Сначала познакомимся, — сказала Елена Павловна. — Потом немного послушаем и поговорим. Потом перерыв.

— Длинный?

— Как договоримся.

— Пять настоящих минут?

— Настоящих.

Миша посмотрел на мать: здесь тоже знают про настоящие минуты. Пока он собирал картинки по группам, Елена Павловна тихо разговаривала с Мариной. Спрашивала не только о слухе. Что Миша любит. Чего боится. Как играет. Есть ли друзья. Как переносит шум. Что делает, когда злится. Что рисует. Какие места любит.

— Зачем это всё? — спросила Марина.

— Потому что ко мне пришёл не слух. Пришёл Миша.

Фраза прозвучала просто, без желания произвести впечатление, и именно поэтому зацепила. Марина рассказала про железную дорогу, про рисунки, про зеркало, про аппараты, про спор из-за слова «нормально». На последнем месте покраснела, будто признавалась в семейной тайне.

— Такое бывает, — сказала Елена Павловна. — Вы оба хотите ему помочь. Только пока ищете язык.

— Он уже думает, что говорит плохо.

— Тогда важно чаще показывать, что речь — инструмент, а не оценка его самого.

Миша сидел в трёх метрах и не слышал большую часть разговора. Зато видел, как мать несколько раз посмотрела на него. Он поднял карточку с машиной.

— Это к транспорту?

— Да, — ответила Елена Павловна.

Он положил рядом с автобусом и поездом. Поезд задержал его внимание.

— У меня такой есть.

— Дома?

— Красный. Но этот неправильный.

— Почему?

— У него колёса четыре, а вагон длинный.

Елена Павловна посмотрела. На детской картинке действительно было нарисовано четыре огромных колеса.

— Художник ошибся?

— Да.

— Бывает.

Миша ещё некоторое время рассматривал изображение, будто решал, можно ли доверять остальным карточкам.

После занятия Елена Павловна предложила показать центр. Они прошли по коридору. За одной дверью дети за-

нимались с логопедом. За другой звучала музыка. В третьей комнате было приглушённое освещение, мягкие маты и большое кресло-мешок.

— Здесь тихо, — сразу сказал Миша.

— Сенсорная комната.

— Можно сидеть?

— Иногда.

— Одному?

— Если нужно — да.

Он запомнил комнату сразу. В зале несколько детей играли каждый по-своему. Девочка раскладывала карточки ровными рядами. Мальчик ходил вдоль стены, касаясь её плечом на каждом повороте. Другой ребёнок строил башню и сердился, если кто-то подходил слишком близко. Миша остановился.

— Почему он ходит?

Марина уже приготовилась одёрнуть: неудобно спрашивать при людях. Елена Павловна ответила спокойно:

— Ему сейчас так хорошо.

— А потом перестанет?

— Может быть.

— А девочка зачем всё ровно?

— Ей нравится порядок.

Миша посмотрел на свои ботинки. Один шнурок был длиннее другого. Он присел и подтянул.

— Мне тоже иногда.

Пока Миша осваивался в центре, Марина познакомилась с родителями, для которых специалисты уже давно стали частью расписания, а не центром семейной жизни. Особенно запомнилась Оксана, мама девочки со слуховыми аппаратами. Она призналась, что в первые месяцы пыталась удваивать каждое домашнее задание, пока дочь не начала плакать при виде тетради. После этого правило стало простым: десять минут — это десять, а иногда ребёнку вообще нужен вечер без занятий. Марина услышала не совет, а чужую ошибку, которую не хотелось повторять. В тот же день дома она закрыла тетрадь раньше обычного. Миша удивился, потом взял альбом и ушёл рисовать — продолжил учиться, только не тому, что взрослые запланировали.

В центре у Миши появились первые групповые занятия. Они были сложнее индивидуальных. Там одновременно находились четверо детей, и каждый говорил, двигался, реагировал по-своему. Елена Павловна объяснила Марине, что цель не только речь, но и умение действовать в общей ситуации: ждать очередь, просить повторить, замечать, когда слишком шумно. На первом занятии детям дали построить город из больших деревянных деталей. Миша сразу взял дома и стал ставить их так, чтобы между ними падал свет от окна. Девочка Соня хотела выстроить всё в одну линию. Мальчик Кирилл забрал почти все машинки. Четвёртый ребёнок, Артём, сидел отдельно и крутил колесо грузовика.

Через пять минут возник первый конфликт.

— Это сюда, — сказала Соня и переставила Мишин дом.
Он вернул.

— Нет.

— Тут улица.

— Тут свет.

— Какая разница?

Для Сони действительно никакой. Она снова подвинула. Миша толкнул её руку. Елена Павловна не стала сразу читать лекцию о дружбе.

— Стоп. Миша, что тебе нужно?

— Чтобы она не трогала.

— Скажи ей.

Он посмотрел на Соню.

— Не трогай.

— А мне улица нужна, — ответила девочка.

— Тогда как сделать обоим?

Дети молчали. Компромисс — слишком абстрактное слово для пяти лет. Елена Павловна взяла ещё одну дощечку и предложила улице провести сбоку. Соня согласилась. Миша проверил, осталась ли полоска света. Осталась. Конфликт закончился.

Позже Марина спросила:

— Он толкнул девочку?

— Руку. Не сильно.

— Надо поговорить.

— Поговорите, но не делайте из этого драму. Он сначала

защищал пространство действием. Мы перевели в слова. В следующий раз, может быть, получится раньше сказать.

Эта формулировка понравилась Марине. Не «плохое поведение», а «сначала действием, потом словами». В Мишиной жизни многое двигалось именно так.

Через несколько занятий он уже чаще говорил: «Мне громко», «Не трогай», «Скажи ещё», вместо того чтобы сразу кричать или уходить. Иногда забывал. Иногда всё равно толкал или злился. Но слова постепенно становились инструментом, а не проверкой. В коридоре Лёша тоже наблюдал за группой через стеклянную дверь. Однажды Миша увидел его после занятия.

— Ты чего не с нами?

— Не хочу.

— Там город строили.

Лёша посмотрел на расставленные детали внутри.

— Неправильно.

— Почему?

— Дорога заканчивается у стены.

Миша оглянулся. Действительно.

— Это игра.

Лёша пожал плечами.

— Всё равно.

Миша сначала обиделся за свой город. Потом спросил:

— А как правильно?

Лёша вошёл в пустую комнату после разрешения педаго-

га и за несколько минут переставил дороги так, чтобы получился замкнутый маршрут. Миша помогал. Вместе они перенесли два дома, туннель и мост.

— Теперь свет пропал, — сказал Миша.

Лёша посмотрел.

— Можно окно.

Он повернул один дом, и полоска света снова прошла между постройками. Миша был впечатлён. Лёша сохранил и дорогу, и свет.

— Лучше.

— Да.

Елена Павловна стояла в дверях и не вмешивалась. Два ребёнка решили задачу каждый со своим условием. Ни одному не пришлось отказаться от важного.

Позже она сказала Марине:

— Вам полезно смотреть, как он с Лёшей взаимодействует. Они очень разные, но у Миши рядом с ним появляется терпение.

— Почему?

— Потому что он не ждёт быстрого ответа. Уже понял, что нужно подождать.

Марина задумалась. Дома сын редко проявлял терпение. Если хотел сок — сейчас. Если мультик — сейчас. Но рядом с Лёшей действительно мог сидеть молча несколько минут.

— Значит, умеет, — сказала она.

— В подходящей ситуации.

Опять эта мысль: способность ребёнка зависит не только от него самого, но и от среды. В шуме Миша «невнимательный». Лицом к взрослому — собранный. Под давлением — упрямый. С возможностью выбора — терпеливый. Марина всё чаще переносила это домой. Вместо «убери игрушки сейчас» иногда говорила: «Ты закончишь дорогу и уберём». Вместо «посмотри на меня, когда я говорю» — подходила так, чтобы он сам мог увидеть её лицо. Не всегда. Она оставалась уставшим живым человеком и могла сорваться. Но дом понемногу менялся вместе с ребёнком. Сергей сначала относился к новым приёмам с иронией.

— Скоро будем составлять дипломатические ноты по поводу чистки зубов.

— А ты попробуй не командовать.

— Я не командую.

Марина посмотрела.

— Ты даже «я не командую» произнёс как приказ.

Миша, сидевший рядом, засмеялся, хотя не понял всей шутки.

Через неделю Сергей сам сказал сыну:

— Дорогу закончишь — идём мыться.

Марина из кухни крикнула:

— Дипломат!

— Не мешай переговорам!

Миша смеялся так сильно, что поезд сошёл с рельсов. Сергей впервые пришёл в центр один в субботу. До этого по-

что всегда ездили Марина и Миша: у Сергея работа начиналась раньше, а дневные занятия выпадали на часы, когда он был на объектах. Он знал центр по рассказам — коридоры, жёлтую скамейку, Елену Павловну, мальчика Лёшу, который рисует поезда, — но рассказы складывались в голове в что-то полубольничное. Слово «специализированный» всё ещё действовало на него сильнее, чем он признавал.

В субботу проходило родительское занятие. Сергей пришёл заранее, сел в коридоре и первые минуты чувствовал себя чужим. По стене ползла гирлянда детских рисунков. Возле двери девочка раскачивалась на большом мяче. Мальчик постарше повторял один и тот же вопрос матери, хотя та отвечала уже четвёртый раз. Кто-то смеялся слишком громко. Кто-то сидел на полу и не хотел вставать. Сергей поймал себя на желании смотреть и тут же отвёл глаза. Ему стало стыдно. Он всю жизнь считал себя человеком без предрассудков, пока не оказался в месте, где различия нельзя было не замечать. Именно здесь обнаружилось, что терпимость в теории почти ничего не стоит. Настоящая начинается в момент, когда рядом кто-то ведёт себя не так, как ты привык, а ты не требуешь немедленного объяснения. Миша выбежал из кабинета.

— Папа!

Он говорил громче, чем нужно, и Сергей неожиданно обрадовался этому голосу так, будто не видел сына неделю.

— Покажешь своё царство?

— Что?

— Центр.

Миша взял его за рукав и повёл. Не за руку — в последние месяцы он всё чаще сам выбирал дистанцию. Показал тихую комнату, зеркало, полку с играми и, конечно, окно.

— Тут Лёша.

— Где?

— Нет сейчас. Тут сидит.

Сергей посмотрел на скамейку. Обычная мебель. Он почему-то представлял что-то более значительное.

— А ты где?

Миша указал на другой край.

— Тут. Только не близко.

— Почему?

— Ему не нравится.

— Что?

— Близко.

Ответ прозвучал так просто, что Сергею стало неловко за собственную склонность искать сложные объяснения.

Через несколько минут появился Лёша. Он шёл рядом с матерью, держа папку. Миша сразу замолчал и сел на своё место. Сергей наблюдал издалека. Никакого приветствия. Никаких «привет, друг». Лёша положил папку справа, Миша открыл альбом. Прошла почти минута, прежде чем один посмотрел на рисунок другого.

— Они всегда так? — тихо спросил Сергей у Елены Пав-

ЛОВНЫ.

— По-разному.

— Я думал, Миша ему помогает общаться.

Она повернулась к нему.

— А кто сказал, что помощь идёт только в одну сторону?

Сергей хотел ответить, но промолчал.

— Ваш сын здесь учится не меньше, чем Лёша, — продолжила она. — Ждать. Не заполнять паузу. Не считать отсутствие ответа отказом. Смотреть, прежде чем действовать.

Сергей снова посмотрел на детей. Лёша что-то показал карандашом. Миша подвинулся, но не слишком близко. Потом оба склонились над листом.

В машине по дороге домой Сергей спросил:

— Ты с Лёшей дружишь?

Миша задумался.

— Рисуем.

— Это я знаю. А дружите?

— Не знаю.

— Понятно.

Через минуту Миша добавил:

— Он мне карандаш даёт.

Для него, видимо, этого было достаточно как аргумента.

Сергей улыбнулся.

— Тогда серьёзные отношения.

Миша не понял шутки.

Вечером Сергей рассказал Марине разговор с Еленой

Павловной.

— Она права, — сказала та. — Мы всё время думаем, чему центр научит Мишу. А он там учится вещам, которых нигде больше не учат.

— Например?

— Не считать свой способ единственным.

Сергей покачал головой.

— Ты опять слишком красиво формулируешь.

— Хорошо. Тогда проще: не лезть к человеку, если тот не хочет.

— Вот. Это я понимаю.

Из комнаты Миша крикнул:

— Пап!

Сергей не ответил сразу. Подошёл к двери, встал так, чтобы сын видел его лицо, и только потом сказал:

— Что?

Миша показал рисунок двух вагонов.

— Какой длиннее?

Сергей сел рядом. Специализированный центр в его голове вдруг окончательно перестал быть местом, куда «отдают детей с проблемами». Это было место, где его собственный сын постепенно учился жить рядом с другими — и где взрослым, если повезёт, приходилось делать то же самое.

В центре тем временем отношения с Лёшей становились привычкой. Не дружбой, о которой взрослые говорят «они лучшие друзья», а чем-то тише. Миша знал, где сесть. Знал,

что нельзя брать карандаш без взгляда или жеста. Знал, что Лёша может ответить через минуту, а может не ответить вообще. Знал, что поезд — хорошая тема, а вопрос «почему ты не смотришь?» — плохая. И однажды обнаружил, что Лёша тоже что-то знает о нём. Миша пришёл без аппаратов. Один корпус отправили на настройку, второй родители решили не использовать отдельно. Он сел у окна. Лёша начал что-то говорить, отвернувшись к рисунку. Миша не понял.

— Что?

Лёша снова сказал, но всё ещё не посмотрел.

— Не слышу.

Лёша поднял голову, повернулся к нему лицом и повторил медленнее:

— Карандаш возьми.

Миша замер. Никто не объяснял Лёше, что надо повернуться. Он просто заметил. Миша взял карандаш.

— Спасибо.

Лёша уже снова рисовал. Это был маленький жест, который взрослый мог бы вовсе не заметить. Но Миша весь день несколько раз вспоминал, как Лёша сам повернулся к нему лицом, прежде чем повторить. Друг тоже научился его слышать — глазами. На обратном пути они прошли мимо длинного окна в конце коридора. Там сидел мальчик. Миша сначала увидел не его, а рисунок. Белый лист лежал на папке, папка — на коленях. Рука двигалась быстро и уверенно. На бумаге появлялись тонкие линии дерева. За окном стояло

настоящее дерево — зимнее, без листьев, с тяжёлыми тёмными ветвями. Миша остановился. Мальчик был примерно его возраста или чуть старше. Худой, с тёмными волосами, в серой кофте. Он не смотрел по сторонам. Казалось, коридор вокруг него не существует. Миша подошёл ближе.

Рисунок заставил его забыть обо всём. Дерево на бумаге было похоже и не похоже одновременно. Ветви не совпадали с настоящими одна к одной, но вся фигура дерева каким-то образом была именно той — наклонённой, упрямой, чёрной на зимнем небе. Миша встал почти рядом. Мальчик почувствовал присутствие, резко повернул голову и закрыл лист ладонью. Миша отступил.

— Я только смотрел.

Ответа не было. Мальчик смотрел на него несколько секунд. Не сердито, но так, будто между ними внезапно нарушилась невидимая граница.

— Извини, — сказал Миша.

Тот отвернулся. Убрал руку и продолжил рисовать. Миша остался на расстоянии. Елена Павловна и Марина стояли чуть дальше. Марина хотела позвать сына, но специалист тихо сказала:

— Подождите.

Через минуту мальчик перевернул страницу. Начал рисовать прямые линии. Миша узнал почти сразу.

— Рельсы.

Реакции не было. Потом появился поезд.

— Я тоже люблю поезд.

Мальчик продолжал.

— У меня красный.

Ничего. Миша посмотрел на мать. Она не помогала. Это было непривычно. Обычно взрослые вмешиваются в детское знакомство слишком быстро: «Скажи, как тебя зовут», «Поздоровайся», «Дай мальчику игрушку». Здесь никто не требовал. Миша снова повернулся к рисунку.

— А твой чёрный.

Рука мальчика на мгновение остановилась. Он взял чёрный карандаш. Миша улыбнулся. Этого оказалось достаточно. У выхода он спросил:

— Кто это?

— Лёша, — ответила Елена Павловна.

— Он всегда рисует?

— Часто.

— Он не говорит?

Марина напряглась от прямоты вопроса. Елена Павловна не обиделась.

— Говорит. Но не всегда тогда, когда другие ждут.

— Почему?

— Ему бывает трудно.

— Уши?

— Нет, слух у него хороший.

Миша подумал.

— Тогда рот?

— И рот умеет говорить.

— А что?

Елена Павловна присела рядом.

— Его мозгу иногда трудно разбираться в людях, словах, шуме, изменениях. Он воспринимает мир по-своему.

Миша нахмурился.

— Как я?

— Не так, как ты. Но у каждого есть своё «по-своему».

Ответ был немного слишком длинным. Миша понял только главное: Лёша не молчит назло.

По дороге домой он всё время вспоминал дерево.

— Мам.

— Что?

— Он неправильно нарисовал.

Марина удивилась.

— Кто?

— Лёша. Ветки не такие.

— Тогда почему тебе понравилось?

Миша смотрел в окно автобуса.

— Оно всё равно то дерево.

Марина повернулась к нему. Хотела спросить ещё, но не стала. Фраза показалась ей важнее, чем Миша сам понимал.

На следующий день в детском саду дали задание нарисовать зиму. Большинство детей сделали снеговиков, ёлки, домики с дымом, жёлтое солнце. Миша долго смотрел на чистый лист. Потом нарисовал одно дерево. Тёмный ствол.

Несколько ветвей. Серое небо. Нина Викторовна подошла.

— А снег?

Он добавил внизу несколько линий.

— Снеговика не будет?

— Нет.

— Солнышка?

Миша посмотрел на окно. За ним действительно не было солнца.

— Нет.

Воспитательница хотела сказать, что рисунок слишком мрачный, но вспомнила разговоры с Мариной и остановилась.

— Хорошо. Расскажешь, что это?

— Дерево.

— Какое?

Миша пожал плечами.

— Оно стоит.

Для взрослого объяснение было почти ничем. Для него — всем, что нужно.

Через месяц Елена Павловна предложила Марине впервые оставить Мишу в центре одного. Мать перечислила всё, что могло случиться: аппарат сядет, он расстроится, не услышит инструкцию. Специалист на каждый страх отвечала спокойно, а потом предложила спросить самого Мишу. Он согласился без драматизма и только заметил, когда мама в третий раз повторила правила: «Ты уже сказала». Пока Марина

пила кофе в соседнем квартале и каждые пять минут смотрела на телефон, Миша занимался как обычно. На шумном групповом задании он дважды ошибся, разозлился, но вместо ухода попросил: «Ещё раз. Медленно». Когда мать вернулась, его больше интересовал новый шарф в её пакете, чем собственная самостоятельность. Елена Павловна сообщила о просьбе повторить лишь между делом. Марина удержалась от торжественной похвалы. Вечером медицинская папка впервые отправилась с кухонного стола в шкаф: центр постепенно становился просто одним из мест Мишиной жизни.

— Хочешь десять минут тишины?

Миша сразу кивнул. Комната была полутёмной. На стене медленно менялся свет, в прозрачной колонне поднимались пузырьки. На полу лежали тяжёлые подушки. Миша снял аппараты и положил в коробочку.

— Можно вообще не говорить? — спросил он.

— Можно.

Елена Павловна вышла, оставив дверь чуть приоткрытой. Миша лёг на большую подушку. Первые минуты он просто смотрел на пузырьки. Потом заметил отражения света на потолке. Синие пятна медленно двигались, становились фиолетовыми, исчезали. Он не рисовал. Не говорил. Не тренировался. Просто смотрел. Когда время закончилось, Елена Павловна спросила:

— Лучше?

— Да.

— Почему?

Миша пожал плечами.

— Никто не хочет ничего.

Фраза прозвучала сильнее, чем он сам мог понимать. В его обычной жизни взрослые постоянно чего-то хотели: ответь, повтори, надень, сними, посмотри, иди, ешь, убери. Здесь десять минут от него не требовалось ничего. Елена Павловна запомнила и позже сказала Марине:

— Ему нужен кусок дня без задач.

Марина вздохнула.

— У него и так игры дома.

— Игра тоже иногда становится задачей, если взрослые всё время спрашивают: «Что построил? Почему? Как называется?»

Марина узнала себя.

В тот вечер она увидела, как Миша сидит у окна и просто смотрит на снег. Первым порывом было спросить: «Что видишь?» Она промолчала.

Через пять минут Миша сам сказал:

— Там ворона следы делает.

Марина подошла.

— Вижу.

И больше ничего.

На следующий день в альбоме появились две чёрные птичьи лапки на белом листе.

Иногда чтобы ребёнок начал что-то выражать, взрослому

сначала надо перестать вытягивать выражение из него. Сергей освоил это позже. Он любил вопросы, потому что вопросы создавали ощущение участия.

— Что рисуешь?

— Зачем?

— Кто это?

Однажды Миша не выдержал:

— Пап, не спрашивай пока.

Сергей обиделся на секунду. Потом сказал:

— Хорошо.

Через пятнадцать минут сын сам принёс лист.

— Теперь можно.

Сергей понял правило. «Пока» стало важным словом в доме.

Ожидая однажды задержавшееся занятие, Марина попала на встречу родителей. Их попросили начать не с диагнозов, а с того, что любят дети: динозавров, воду, конструкторы, музыку, блины с папой. Марина сказала: «Рисовать. И смотреть на людей» — и только потом заметила, что комната вдруг наполнилась детьми, а не медицинскими формулировками. Она призналась, что после диагноза некоторое время видела в сыне почти один слух: сколько переспросил, услышал ли, на месте ли аппарат. После встречи дома стали чаще спрашивать не о занятиях, а о смешном, красивом, странном за день. Миша однажды назвал самым красивым тень от лестницы и попытался нарисовать только полосы света, без самой лест-

ницы. Когда родственница снова восторженно объявила, что «растёт настоящий талант», Марина ответила: пока растёт пятилетний мальчик, который не ест брокколи. Миша услышал именно последнее и немедленно подтвердил.

Все рассмеялись. И разговор о таланте закончился. На следующей неделе он вошёл в центр уже без сопротивления. Снял шапку, отдал матери куртку и прежде, чем идти в кабинет, посмотрел к длинному окну. Скамейка была пустой. Миша расстроился. Сам удивился: Лёши нет — и скамейка сразу кажется какой-то не такой. Он постоял секунду и пошёл на занятие.

После занятия вышел снова. Лёша сидел там. Папка на коленях. Альбом. Карандаши. Миша подошёл медленнее, чем в прошлый раз. Не вплотную. Остановился примерно в двух шагах. Лёша поднял глаза. Не закрыл рисунок. Это было маленькое разрешение. Миша сел на дальний край скамейки. Достал серый альбом, подаренный Анной Сергеевной. Некоторое время оба рисовали каждый своё. Миша — окно напротив. Лёша — поезд. Никто не говорил.

Через несколько минут Миша заметил, что Лёша смотрит на его лист. По привычке закрыл ладонью. Лёша сразу отвернулся. Миша вспомнил прошлую неделю. Медленно убрал руку. Подвинул альбом так, чтобы было видно. Лёша посмотрел. Потом так же немного повернул свой. Два мальчика сидели на скамейке, разделённые пустым местом. Они ещё не дружили. Не знали любимых игр друг друга, не бы-

вали друг у друга дома, не умели разговаривать вместе. Но каждый позволил другому посмотреть на лист.

Иногда дружба начинается именно с этого.

Глава 8. Мальчик у окна

Через несколько посещений центр перестал быть для Миши новым местом. Он запомнил, на какой ступеньке лестницы есть трещина, в какой кабинке гардероба заедает дверца, где висит рисунок с чёрным домом и красными окнами, в какое время по коридору обычно проходит женщина с тележкой. Особенно хорошо он запомнил длинное окно. Теперь входя, Миша почти всегда смотрел туда первым.

Иногда Лёша сидел на скамейке. Иногда место было пустым. В пустые дни Миша чувствовал досаду, которую старался не показывать. Он не спрашивал сразу. Сначала шёл на занятия, выполнял задания, слушал слова, сортировал карточки. Только потом, как будто между делом, говорил Елене Павловне:

— А Лёша сегодня где?

Она никогда не улыбалась так, чтобы показать, что давно поняла его интерес.

— Будет позже.

Или:

— Сегодня не придёт.

Если «не придёт», день становился немного короче. Сам Лёша не делал ничего похожего на дружбу в том виде, как её понимали взрослые. Не бежал навстречу. Не звал играть. Не

спрашивал, где Миша был в прошлый раз. Иногда вообще будто не замечал его первые несколько минут. Но постепенно появились вещи, которые Миша научился считать знаками. Лёша перестал закрывать рисунок рукой.

Иногда оставлял рядом свободное место.

Однажды подвинул коробку с карандашами так, что она оказалась между ними, и Миша понял: можно брать. В другой раз, когда Миша сел слишком близко, Лёша молча придвинулся к краю. Миша заметил, отодвинулся сам. Через несколько минут Лёшины плечи расслабились. Так они учились расстоянию. У каждого ребёнка есть невидимая граница вокруг тела, но большинство взрослых приучают детей считать её почти общественной собственностью: «Обними бабушку», «Дай руку тёте», «Поздоровайся», «Сядь рядом». Лёша сопротивлялся этому телом. Не любил неожиданных прикосновений, вздрагивал, если кто-то хлопал по плечу, иногда резко отскакивал, если чужая рука появлялась слишком быстро. Миша однажды увидел, как педагог, не подумав, положила Лёше ладонь на спину. Тот дёрнулся так резко, что стул заскрипел и ударился о стену.

— Всё хорошо, — сказала женщина.

Но по Лёшиному лицу было видно: не хорошо. Миша запомнил. Он сам любил, когда мама обнимала его перед сном, любил сидеть, прижавшись к отцу, когда смотрели мультфильм. Но рядом с Лёшей никогда не тянулся рукой. Это было не правило, сформулированное словами. Просто однажды

увидел — и больше не делал. Лёша рисовал почти каждый день. Поезда встречались чаще всего. Причём Миша постепенно понял, что это не один поезд, повторенный много раз. У каждого были свои различия. Один с круглыми фарами. Другой с прямоугольными. Где-то вагонные двери находились иначе. На некоторых листах появлялись цифры, стрелки, станции, столбы, провода. Лёша мог часами уточнять детали, которые для Миши казались почти незаметными.

Однажды он нарисовал на станции часы. Миша наклонился.

— Сколько?

Лёша продолжал работать.

— Чего?

Миша даже удивился, услышав ответ. Лёша говорил редко, и каждое слово первое время казалось событием.

— На часах.

— Десять семнадцать.

— Почему?

— Поезд.

— Что поезд?

— Приходит.

— В десять семнадцать?

Лёша кивнул.

— Какой?

Он назвал номер. Миша не запомнил.

— Ты ездил?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— Расписание.

После этого Лёша неожиданно начал говорить быстрее. Номера поездов, станции, время отправления. Некоторые названия Миша вообще не слышал прежде. Он понимал только часть, зато видел, как меняется Лёшино лицо. Обычно неподвижное, теперь оно оживало. Глаза двигались, пальцы показывали направление, карандаш стучал по листу. Миша слушал, пока мог. Потом спросил:

— А дома у тебя поезд есть?

Лёша замолчал сразу. Будто кто-то выключил свет. По Лёшиному лицу Миша увидел: спрашивать дальше не надо. Он не повторил.

Позже спросил Елену Павловну:

— Почему он про поезд много, а про дом нет?

Она подумала, прежде чем ответить.

— Про поезд всё понятно. Есть рельсы, номер, время, маршрут. Про людей и дом бывает сложнее.

Миша не вполне понял. Дом тоже понятный: мама, папа, кухня, кровать. Но спорить не стал.

— Он больной?

Вопрос прозвучал прямо, без жестокости. Елена Павловна присела рядом.

— У Лёши аутизм.

— Это что?

— Особенность, из-за которой он некоторые вещи чувствует и понимает иначе.

— Уши?

— Нет. Слух у него хороший. Иногда даже слишком чувствительный.

Миша сразу вспомнил металлическую коробку, которую недавно уронили в коридоре. Лёша тогда зажал уши, а Миша сорвал аппараты. Они посмотрели друг на друга и впервые одновременно улыбнулись.

— Ему тоже громко.

— Бывает.

— А почему он не смотрит иногда?

— Может быть, ему трудно смотреть и слушать одновременно. Может быть, не хочется. У всех по-разному.

Миша принял это объяснение. Он не пытался встроить Лёшу в медицинскую схему. В пять лет друг может быть «тот, кто любит поезда», «тот, кто не любит прикосновения», «тот, кто рисует хорошо». Слово «аутизм» пока не имело веса, который взрослое общество навешивает позже. Вместо этого Мишу занимало другое: как Лёша рисует.

Однажды он решил нарисовать его руку. Лёша держал карандаш почти у самого кончика. Пальцы были длинные, тонкие. Миша смотрел и пытался перенести форму на бумагу. Получалась ветка с пятью палочками. Он стёр. Нарисовал снова. Ещё хуже. Разозлился и стёр так сильно, что бумага посерела. Лёша посмотрел.

— Не получается, — сказал Миша.

Лёша протянул руку к альбому. Миша подвинул. Тот взял его карандаш и тремя-четырьмя линиями обозначил кисть. Без ногтей, складок, подробностей. Просто общая форма, большой палец и карандаш между пальцами. Миша уставился.

— Всё?

Лёша вернул карандаш.

— Да.

— Но пальцев пять.

— Не видно пять.

Миша посмотрел на настоящую руку. Действительно, с его места два пальца почти скрывались. Он попробовал рядом. Нарисовал меньше линий.

— Так?

Лёша ткнул в одну.

— Лишняя.

— Где?

— Здесь.

Миша стёр. Рука стала похожей. Открытие было простым: не надо рисовать то, что знаешь. Надо рисовать то, что видно. Но для ребёнка это было почти волшебством. Он знал, что пальцев пять, и поэтому раньше упорно рисовал пять. Лёша показал: знание может мешать глазам. Миша весь вечер дома рисовал руки. Свою на столе. Материнскую с чашкой. Отцовскую на газете.

— Почему у меня такие толстые пальцы? — возмутился Сергей.

— Они толстые.

— Спасибо.

— Не плохие. Просто толстые.

Марина рассмеялась.

— От художника правды не спрячешь.

— Он ещё художник только по твоей версии.

Миша поднял голову.

— Я кто?

— Ребёнок, которому пора спать, — ответил отец.

Это устроило всех.

В центре у Лёши были строгие привычки. Скамейка — одно и то же место. Папка справа. Альбом сверху. Карандаши выстроены по длине. Миша сначала воспринимал это как странность, потом начал замечать практический смысл. У окна лучше свет. Справа папка не мешает локтю. Короткий карандаш удобнее для тёмных линий, длинный — ещё не сточен. Но не всякая привычка имела понятную причину.

Однажды скамейку переставили во время уборки. Всего на полметра. Лёша подошёл, остановился и замер. Миша был рядом.

— Что?

Ответа не было. Лёша поставил папку на пол и попытался двигать скамейку. Она была тяжёлая. Миша взялся с другой стороны.

— Туда?

Лёша показал. Они толкнули. Скамейка скрипнула. Ещё немного. Лёша посмотрел на окно, на падающий свет, снова подвинул сантиметров десять. Только после этого сел.

— Так лучше?

— Да.

— Из-за света?

— Да.

Миша был почти разочарован: хотел какой-нибудь более тайной причины.

Через несколько минут понял, что свет действительно изменился. На прежнем месте рука отбрасывала тень на лист. Теперь тень уходила в сторону. Он запомнил. У каждого художника когда-нибудь появляется понимание света. У Миши оно пришло не из учебника и не от преподавателя. Сначала из зеркала, потом из чужой скамейки у окна. Не все дни были спокойными.

Общее занятие с огромным рулоном бумаги оказалось слишком шумным даже для Миши и почти невыносимым для Лёши. Десять детей одновременно строили город, линии пересекались, кто-то провёл красную дорогу прямо через Лёшины рельсы. Он отступил к стене и сжал фломастер. Миша уже знал, что не надо хватать его за руку или требовать вернуться. Он сел в нескольких шагах и начал на своём листе медленно рисовать рельсы. Через некоторое время Лёша взял протянутый карандаш и добавил линию. Позже он

сам вернулся к общему рисунку и поместил маленький поезд в свободном углу. Дома Миша сказал, что большой город «все испортили», включая его самого, а маленький лист не испортили — там было двое. Через неделю похожее занятие прошло чуть легче. Никакой победы: просто прошлый опыт сделал следующий шумный час переносимее.

Однажды центр изменил расписание. Для большинства детей это было почти незаметно: вместо привычного кабинета занятия перенесли на второй этаж, потому что внизу меняли лампы. Для Лёши перемена оказалась большой. Миша пришёл после своего занятия и увидел его у закрытой двери. На ручке висел лист: «Кабинет временно не работает». Рядом стояла мама Лёши и тихо что-то объясняла.

— Сегодня наверху. Мы уже говорили.

Лёша не двигался.

— Там тот же педагог.

Тишина.

— Лёш, мы опаздываем.

Он прижал папку к груди сильнее. Миша остановился на расстоянии. Он уже знал: когда Лёша напряжён, подходить близко не надо. Мать повторила:

— Второй этаж. Всего один раз.

Лёша качнул головой.

— Нет.

— Ну почему нет? Кабинет закрыт, ты же видишь.

— Здесь.

— Здесь нельзя.

Голос женщины становился усталым. Не злым пока, но Миша узнавал эту усталость. Так мама говорила в конце дня, когда он пятый раз просил воду после того, как лёг спать.

— Лёша, пожалуйста.

Тот опустился на пол прямо у двери. Миша посмотрел на Елену Павловну, появившуюся из соседнего кабинета. Она не стала поднимать ребёнка. Присела неподалёку.

— Ты хотел сюда.

Лёша кивнул.

— Здесь сегодня нельзя. Это плохо.

Снова кивок. Миша удивился. Взрослая сказала «это плохо» вместо «ничего страшного». Будто согласилась, что нарушение привычного действительно неприятно.

— Наверху другой стол, — сказал Лёша.

— Другой.

— Окно слева.

— Да.

— Свет другой.

Миша сразу понял последнюю причину. Свет — серьёзно. Елена Павловна предложила сначала подняться и просто посмотреть комнату, не начинать занятие. Лёша долго не отвечал, потом встал. Миша неожиданно сказал:

— Я тоже пойду.

Марина хотела остановить — у них свои дела. Но Елена Павловна кивнула. На втором этаже кабинет действительно

отличался. Окно слева. Стол ближе к стене. Лампа холоднее. Лёша вошёл, обошёл комнату, посмотрел на стул, на окно, на розетки. Папку не открывал. Миша подошёл к окну.

— Здесь дерево другое.

Во дворе с этой стороны росла высокая берёза. Лёша посмотрел.

— Белое.

— Ствол.

— Да.

Миша достал альбом.

— Можно её.

Он сел и начал рисовать берёзу. Не специально для Лёши, просто новое дерево действительно заинтересовало. Через несколько минут услышал движение стула. Лёша сел за другой край стола, открыл папку. Елена Павловна ничего не сказала. Занятие началось позже обычного, но началось.

По дороге домой Миша спросил:

— Почему он не мог просто наверх?

Марина подумала, как объяснить без взрослых терминов.

— Потому что он ожидал одно, а получилось другое. Для него такие изменения иногда очень тяжёлые.

— Но кабинет почти такой же.

— Для тебя почти. Для него — нет.

— Из-за света?

— И из-за света тоже.

Миша долго молчал.

— А я когда аппарат не хочу, тоже?

— Что тоже?

— Вам кажется, просто надень.

Марина остановилась на тротуаре.

— Наверное, иногда кажется.

— А мне не просто.

— Да.

Он удовлетворённо пошёл дальше.

В тот вечер Марина рассказала Сергею о разговоре.

— Пять лет, — сказала она. — А уже объяснил мне то, что специалисты полгода пытаются объяснить.

— Потому что говорил про себя, а не теорию.

— Наверное.

Сергей взглянул в комнату, где Миша строил дорогу.

— Ты заметила, мы всё время учимся у него тому, чему собирались научить его?

— Не льсти себе. Мы ещё много чему не научились.

— Это я уже понял.

Рядом с Лёшей Миша постепенно научился замечать чужие границы до объяснений. Если девочка в саду не давала смешивать еду, он уже мог сказать другому ребёнку: «Ей так надо», хотя через час сам ссорился из-за игрушки. Лёша тоже приспособливался к нему: иногда заранее клал второй карандаш, однажды повернулся лицом, прежде чем повторить фразу, а потом принёс фотографию локомотива специально «смотреть». Они спорили — Миша хотел дорисо-

вать невидимого машиниста, Лёша настаивал, что нельзя рисовать то, чего нет перед глазами. Елена Павловна считала сам спор хорошим знаком: оба оставались в контакте, даже не соглашаясь. Марина познакомилась с Лёшиной мамой Ириной и узнала, что дома мальчик иногда упоминает Мишу короткими фактами — «рисует лица», «сегодня без аппаратов». Этого было достаточно, чтобы ребёнок у окна перестал для взрослых быть только набором особенностей и получил невидимый дом, маму, вечер, привычки — собственную жизнь вне центра.

Однажды Лёша пришёл без папки; мать принесла её позже, но угол альбома оказался помят. Для Миши это сначала было «просто бумагой», а Лёша снова и снова проводил пальцем по сгибу и не мог начать рисовать. Миша уже собирался сказать привычное «ничего», но остановился: что-то явно было. Он предложил прижать угол тяжёлой книгой. Они несколько минут ждали и проверяли вместе, пока Лёша не сказал: «Лучше». Вечером Миша спросил мать, может ли человеку быть страшно из-за того, что другому кажется пустяком. Марина ответила: может. Тогда он неожиданно спросил, не кажутся ли ей такими же простыми его аппараты. Вопрос оказался точнее любого объяснения специалистов.

Через некоторое время между мальчиками произошло ещё одно маленькое событие. Лёша сам заглянул в Мишин альбом. На странице было лицо Анны Сергеевны, несколько

рук, отцовский профиль и мать у плиты.

— Ты людей, — сказал он.

— Что?

— Людей рисуешь.

— Да.

— Зачем?

Миша удивился. Для него ответ был очевиден.

— Интересно.

— Лица меняются.

— Да.

— Плохо.

— Почему плохо?

Лёша нахмурился.

— Меняются.

Миша задумался. Именно это ему нравилось. Утром мама одна, вечером другая. Отец читает — одно лицо, шутит — другое. Воспитательница сердится — третье.

— Поэтому интересно.

Лёша посмотрел на него, явно не соглашаясь.

— Поезд не меняется так.

— Едет.

— Это другое.

Они замолчали. Они снова посмотрели на свои альбомы. У Лёши почти на каждой странице были рельсы, номера, конструкции — то, что сохраняет форму. У Миши — лица, руки, тени, которые менялись чуть ли не каждую минуту. Ни

один не сказал, что рисует правильнее. И всё-таки лист бумаги подходил обоим.

Весной, когда снег начал сходить и на улицах появились первые длинные лужи, Ирина предложила Марине встретиться с детьми вне центра. Не «социализация», не упражнение — просто сходить на небольшую железнодорожную платформу в выходной. Лёша любил поезда, Миша теперь тоже стал обращать на них внимание. Марина сомневалась.

— А Лёша нормально отнесётся? Всё-таки другое место.

— Я заранее покажу фотографии и расписание. Если утром откажется — значит, не пойдём.

План оказался принят.

В субботу они встретились у входа на платформу. Лёша пришёл с папкой, хотя рисовать на улице было неудобно. Миша — с маленьким блокнотом и карандашом в кармане. Поезд должен был прийти через двенадцать минут. Лёша знал точно. Миша каждые две минуты спрашивал:

— Уже?

— Нет.

— Сколько?

— Девять.

Через минуту:

— Сколько?

— Восемь.

Ирина улыбнулась Марине.

— Вот зачем нам Лёша. Живое табло.

Когда поезд появился вдали, Лёша заметил первым. Выпрямился, перестал говорить совсем. Миша увидел следом. Локомотив приближался, рельсы начали вибрировать. Миша почувствовал ногами раньше, чем отчётливо услышал.

— Дрожит!

Он присел и положил ладонь на металлическое ограждение. Марина хотела оттащить от края, но они стояли далеко за линией безопасности. Поезд вошёл на платформу с тяжёлым шумом. Для Миши в аппаратах это оказалось слишком. Он сразу зажал уши.

— Снять? — спросила мать.

Кивок. Она быстро выключила аппараты. Шум стал мягче. Лёша тоже прикрыл уши, хотя его слух был другим. Два мальчика стояли рядом, каждый защищаясь от звука своим способом. Когда поезд остановился, всё изменилось. Двери открылись. Люди начали выходить. Именно здесь проявилось различие их взглядов. Лёша смотрел на локомотив, колёса, номер вагона, таблички. Миша — на людей. Мужчина обнял женщину. Девочка бежала к бабушке. Пожилой человек стоял один с маленьким чемоданом и долго оглядывался, словно его должны были встретить. Миша достал блокнот.

— Что рисуешь? — спросила Марина.

Он показал на старика.

— Его.

— Почему не поезд?

Миша пожал плечами. Лёша услышал.

— Поезд лучше.

— Человек ждёт.

— Поезд уедет.

— Человек тоже.

Оба были правы. Миша быстро набросал фигуру с чемоданом. Лица почти не было видно. Через минуту к старику подбежал молодой мужчина. Они обнялись. Миша посмотрел на рисунок. На нём человек всё ещё ждал.

— Теперь неправильно, — сказал он.

Ирина наклонилась.

— Почему?

— Его встретили.

Марина вспомнила Лёшину женщину на скамье.

— А тогда, когда ты рисовал, он ещё ждал.

Миша подумал.

— Значит, было правильно.

Он не стал исправлять. Лёша тем временем записал номер локомотива и сделал схему колёс. Потом показал Мише.

— Здесь шесть.

— Что шесть?

— Оси.

Миша не понял.

— Колёса?

Лёша начал объяснять. Через минуту Миша перестал слушать и снова смотрел на пассажиров. Матери стояли рядом.

— Они в одном месте и вообще видят разные вещи, —

сказала Марина.

Ирина кивнула.

— Наверное, поэтому и выдерживают друг друга.

После платформы матери повели мальчиков в кафе. Заранее выбранный Ириной стол оказался занят, и для Лёши это стало почти такой же переменной, как когда-то новый кабинет. Миша, желая помочь, прямо спросил сидевшую там пару, скоро ли они уйдут; Марине пришлось позже объяснять, зачем люди смягчают вопрос, даже если смысл тот же. Через десять минут стол освободился. По дороге домой она спросила, что понравилось больше всего, ожидая услышать про поезд. Миша назвал старика с чемоданом, которого сначала никто не встречал. Лёша, вероятно, выбрал бы локомотив. Совместная поездка только яснее показала: их связь держится не на одинаковом интересе, а на возможности находиться рядом и видеть разное.

В один из дней они одновременно рисовали дерево за окном. Лёша начал со ствола, строил ветви как систему. Миша начал с тёмного пятна, потом искал линии внутри. Один стирал редко, другой часто. Один двигал карандаш быстро и точно, второй останавливался, прищуривался, снова смотрел наружу. Когда закончили, положили листы рядом. Они были совсем разные.

— Не похожи, — сказал Миша.

Лёша посмотрел на окно.

— Похожи.

— Друг на друга нет.

— На дерево.

Миша снова посмотрел. Одно настоящее дерево. Два рисунка. Ни один не совпадал с другим, и оба были узнаваемы.

— Можно по-разному? — спросил он.

— Да.

Это было всего одно слово. Но оно осталось.

В детском саду Миша после этого стал меньше спрашивать, правильно ли нарисовал. Если Нина Викторовна говорила: «У дерева ветки можно сделать вот так», он иногда отвечал:

— У меня так.

Не упрямо. Просто констатировал. Взрослые привыкли считать уверенность ребёнка либо талантом, либо дерзостью. На самом деле часто это всего лишь момент, когда он впервые доверяет собственному глазу. Миша пока доверял осторожно.

После поездки на платформу у Миши появилась привычка рисовать ожидание. Сам он этого не называл. Просто в альбоме стало больше людей, которые сидят, стоят у дверей, смотрят на часы или в окно. Лёша, заметив несколько страниц, спросил:

— Почему все стоят?

— Ждут.

— Чего?

— Разного.

— Чего именно?

Миша пожал плечами. Для Лёши неопределённость была неудобной. Если поезд — можно узнать время. Если мама — можно спросить, когда придёт. «Разного» не давало структуры. Он показал на женщину у двери.

— Кого?

— Не знаю.

— Тогда откуда знаешь, что ждёт?

Миша задумался.

— Смотрит туда.

— Можно просто смотреть.

— Можно.

Спор остался нерешённым.

Через несколько дней Лёша неожиданно принёс рисунок человека на платформе. Рядом стояли часы. Под ними — цифры. Время отправления прошло на две минуты.

— Он ждёт? — спросил Миша.

Лёша кивнул.

— Кого?

— Поезд опаздывает.

Миша улыбнулся. Лёша нашёл собственный способ нарисовать ожидание — не по позе, а по времени.

— Хорошо.

— Правильно, — поправил Лёша.

— Хорошо.

Они оба засмеялись — Миша громко, Лёша едва заметно.

Между ними всё чаще возникали такие обмены. Один приносил неопределённое чувство, другой строил для него конструкцию. Один видел выражение, другой — систему. Никто не был учителем постоянно. Именно поэтому дружба не превращалась в историю о «мальчике с аутизмом, который научил другого рисовать». Лёша тоже менялся рядом с Мишей, хотя гораздо тише и менее очевидно.

Однажды Лёша принёс старый рисунок — то самое первое дерево, которое Миша увидел в день знакомства. Положил рядом с новым.

— Плохо, — сказал он.

— Где?

Лёша показал ветку.

— Так не растёт.

Миша посмотрел. Ветка действительно выходила из ствола странно.

— Исправь.

— Нет.

— Почему?

— Старое.

— И что?

Лёша не объяснил. Миша подумал, потом вспомнил свои рисунки дома, где стирал до дыр, если замечал ошибку.

Вечером достал старые листы. Машина с огромным колесом. Перевернутое дерево. Ухо с серыми кругами. Отец с гигантскими ушами. Миша уже видел, что многое нарисовано

плохо. Поднёс ластик. Потом положил обратно. Старое.

На следующий день он спросил Лёшу:

— Если плохо, зачем хранить?

Лёша ответил не сразу.

— Было так.

Миша понял лишь наполовину. Но этого хватило. Рисунок мог быть не только тем, что получилось хорошо. Он мог быть тем, что было. Детство само устроено так же. Взрослые потом исправляют его в памяти: добавляют смыслы, которых ребёнок не знал, убирают глупости, сглаживают страхи. Но на старых рисунках всё остаётся честнее. Лёша этого, конечно, не формулировал. Он просто не стирал прошлое.

Глава 9. Рисунок

Рисунок, после которого Миша начал смотреть на бумагу иначе, не был красивым. По крайней мере, не в том смысле, в каком взрослые обычно хвалили детские работы. На нём не было ярких цветов, аккуратных домиков, улыбающихся людей. Даже лицо человека почти отсутствовало. Лёша рисовал женщину. Миша увидел лист во время перерыва. Сначала прошёл мимо, потом вернулся. Это было настолько непривычно — человек вместо поезда, станции или дерева, — что он остановился. Женщина сидела на скамье. Голова чуть опущена. Руки сложены на коленях. Рядом оставалось большое пустое место. За ней — несколько линий окна и дождь.

— Это кто? — спросил Миша.

Лёша не ответил.

— Мама?

Качнул головой.

— Тогда кто?

Пауза.

— Ждёт.

Миша нахмурился.

— Я спросил кто.

— Не знаю.

— А почему рисуешь?

— Сидела.

Миша обернулся. В другом конце коридора была такая же скамья. Сейчас пустая.

— Здесь?

Лёша кивнул.

— Ушла?

— Да.

Миша снова посмотрел на лист. Женщина ушла, но рисунок странным образом не выглядел законченным событием. Она всё ещё ждала. Именно это беспокоило.

— Кого ждала?

— Не знаю.

— А если никто не придёт?

Лёша пожал плечами. Вопрос, вероятно, вообще не занимал его. Он видел женщину и запомнил позу. Всё остальное возникло уже в голове Миши. Миша сел рядом и долго смот-

рел.

— Она грустная.

— Не знаю.

— Видно.

— Лица нет.

Миша указал на руки.

— Тут видно.

Лёша посмотрел на рисунок, потом на собственные пальцы. Ничего не сказал. Это был первый момент, когда двое мальчиков будто поменялись ролями. Обычно Лёша показывал Мише то, чего тот не видел в форме, линии, устройстве предмета. Теперь Миша увидел чувство там, где Лёша, возможно, вовсе не собирался его изображать. Рисунок жил отдельно от намерения автора. Разумеется, ни один из них не мог так сформулировать. Миша просто не мог перестать смотреть на пустое место рядом с женщиной. На следующем занятии Елена Павловна заметила его рассеянность.

— Где ты сегодня?

— Здесь.

— Глазами здесь. А головой?

Он подумал.

— Рисунок.

— Какой?

— Лёша женщину нарисовал.

— И?

Миша пожал плечами.

— Она ждёт.

— Кого?

— Не знаю.

— Что тебя там заинтересовало?

Он не нашёл ответа. «Интересно» было не совсем то. Скорее неприятно. Как когда мама задерживается и ты уже знаешь, что она должна войти, но дверь не открывается.

— Там пусто рядом.

Елена Павловна кивнула.

— Пустое место тоже может что-то значить.

Миша посмотрел на неё.

— Что?

— А ты как думаешь?

Он не любил вопросы, на которые взрослый явно знает ответ, но заставляет ребёнка угадывать.

— Не знаю.

— Хорошо. Не обязательно знать.

Это удивило. В школе подготовки и детском саду почти любой вопрос предполагал правильный ответ. Здесь иногда можно было не знать. Елена Павловна положила перед ним чистый лист.

— Нарисуй не вещь.

— Как это?

— Что-нибудь, что помнишь.

— Вещь?

— Можно место. Можно день. Можно как тебе бывает.

— Как бывает — нельзя нарисовать.

— Попробуй.

Миша недоверчиво посмотрел. Задание казалось бессмысленным. Он сидел перед листом долго. Сначала хотел нарисовать дом. Потом поезд. Потом дождь. Всё это были вещи или события, а она сказала «как бывает». В голове появился детский сад. Не весь. Только момент утром, когда много детей одновременно говорят, кто-то тащит стул, воспитательница обращается к группе, аппараты усиливают шум, а слова рассыпаются. Миша взял карандаш. Нарисовал маленького человека. Потом вокруг несколько больших фигур. Лица не получались. Он стёр. Вспомнил, как видел только рты. Нарисовал рты — много, открытые, разные. Из них провёл линии. Они пересекались, налезали друг на друга. Вокруг маленькой фигуры оставил тёмное пространство. Елена Павловна сидела рядом, но не вмешивалась.

— Что это? — спросила только когда Миша сам положил карандаш.

— Все говорят.

— А здесь кто?

Он ткнул в маленькую фигуру.

— Я.

— Ты тоже говоришь?

— Нет.

— Почему?

Миша посмотрел на лист.

— Не знаю что.

— Не слышишь?

— Много.

Елена Павловна поняла.

— Слишком много звуков?

Он кивнул.

— И слова теряются?

Слово «теряются» понравилось.

— Да.

Она не сказала «красиво». Не сказала «молодец». Просто некоторое время смотрела.

— Теперь я немного понимаю, как тебе там.

Миша поднял голову.

— Ты поняла?

— Думаю, да.

— Но я не сказал.

— Нарисовал.

Он снова посмотрел на лист. Это было новое чувство. До сих пор рисунок либо нравился, либо не нравился, был похож или не похож. Теперь человек увидел картинку и понял что-то, чего Миша не смог объяснить.

— А если мама увидит?

— Может быть, тоже поймёт.

Он спрятал лист в альбом.

Дома долго не показывал. Не потому, что стеснялся. Просто рисунок казался личным, хотя в пять лет ребёнок редко

думает словом «личное». Скорее это ощущается как вещь, которую не хочется отдавать в чужие руки. Марина заметила страницу случайно, когда собирала разбросанные карандаши.

— Это что?

Миша быстро забрал альбом.

— Не смотри.

Она остановилась.

— Хорошо.

Раньше могла бы сказать: «Почему? Я же мама». Теперь училась уважать его границы.

Через несколько часов Миша сам принёс лист на кухню. Сергей разбирал старый радиоприёмник, который снова начал трещать. Марина готовила ужин.

— Смотрите.

Оба повернулись. Миша положил рисунок на стол. Сергей сначала ничего не понял.

— Это люди?

— Да.

— Почему одни рты?

— Они говорят.

— А это ты?

— Да.

Марина села.

— А почему ты такой маленький?

Миша пожал плечами.

— Потому что все большие.

Она почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Это в садике?

Кивок.

— Тебе там так?

Миша посмотрел на рисунок.

— Иногда.

Марина хотела задать ещё десять вопросов. Почему не говорил? Каждый день? Аппараты мешают? Тебе страшно? Но увидела, как он уже начинает напрягаться, и остановилась. Сергей взял лист ближе.

— Я понял, — сказал он.

Миша сразу повернулся.

— Что?

Отец поискал слова.

— Почему ты иногда злишься, когда мы говорим: «Я же только что сказал».

Миша подумал.

— Почему?

Сергей улыбнулся.

— Потому что для нас мы сказали. А до тебя не всё дошло.

Миша посмотрел на линии между ртами.

— Потерялось.

— Да.

— Ты понял?

— Теперь чуть лучше.

Это было важнее похвалы. Марина отвернулась к плите. В глазах появились слёзы, но она не хотела, чтобы сын снова решил, будто его рисунок сделал маме плохо. Сергей заметил и ничего не сказал. Позже, когда Миша ушёл, Марина всё-таки расплакалась.

— Он пять лет живёт так, а я спрашивала: «Ты что, не можешь внимательно слушать?»

— Мы не знали.

— Но ему от этого не легче.

— Марин, мы не можем вернуться назад.

— Я знаю.

— Тогда давай хотя бы не превращать каждую ошибку в преступление.

Она вытерла лицо.

— Ты сейчас меня утешаешь или сам себя?

— Обоих.

Марина улыбнулась сквозь слёзы.

В тот вечер они не убрали рисунок в общую папку. Сергей купил недорогую рамку и поставил на полку в комнате Миши. Не на самое видное место — ребёнок сам выбрал угол возле книг.

— Зачем рамка? — спросил Миша.

— Чтобы лист не мялся.

Объяснение устроило.

В саду задание «Моя семья» снова показало, что рисунок для Миши перестаёт быть просто картинкой. Он нарисовал

родителей и себя, оставив между ладонями небольшой промежуток, а потом стёр его и соединил руки. На вопрос матери, что было раньше, ответил: «Далеко. Потом сделал близко». Он не превращался от этого в маленького философа — по-прежнему мог бросить карандаш из-за неудачной руки или забыть вчерашнюю обиду за мороженым. Просто рядом со словами появился ещё один способ возвращаться к тому, что уже произошло.

Через несколько дней рисунок с ртами неожиданно вышел за пределы семьи. Нина Викторовна попросила детей принести по одной работе для маленькой выставки в коридоре садика. Обычно выбирали что-нибудь яркое: осень, семью, любимую игрушку. Миша сам положил в папку тот самый лист. Марина заметила утром.

— Ты уверен, что хочешь именно этот?

— Да.

— Там ведь... про садик.

— И что?

Она поняла, что снова пытается защитить ребёнка от реакции, о которой он ещё не думал.

— Ничего. Неси.

На выставке рисунок сразу выделялся. Рядом висели жёлтые солнца, кошки, разноцветные дома. У Миши — множество ртов, пересекающиеся линии и маленькая фигура. Нина Викторовна долго решала, подписывать ли просто «Миша, 5 лет» или спросить название.

— Как называется?

Миша удивился.

— Никак.

— У картин бывает название.

— Не надо.

На выставке в детском саду рисунок с множеством ртов резко отличался от солнц, домов и кошек. Взрослые тут же попытались прочитать его как «тревожный тест», но Нина Викторовна остановила разговор: это рисунок ребёнка, не заключение психолога. Сам Миша впервые увидел свою работу среди чужих и почувствовал одновременно гордость и сомнение. Саша попросил нарисовать его. Миша сделал по памяти огромный открытый рот — потому что Саша говорил громко. Тот увидел насмешку и в ответ бросил: «Сам глухой». После короткой ссоры воспитательница объяснила Мише простую вещь: то, что он видит человека так, ещё не означает, что человеку будет безразлично, как его показали. Миша сказал Саше, что не смеялся, и позже нарисовал его ещё раз, уже с натуры. Второй портрет Саше понравился больше, а Мише — меньше. Дома родители не превратили обидное слово в войну. В альбоме же осталось новое знание: рисунок способен не только объяснить, но и задеть. С тех пор, если человек сидел рядом и мог увидеть лист, Миша всё чаще спрашивал разрешения.

Сергей однажды согласился позировать всерьёз и через несколько минут обнаружил, насколько скучно не двигаться.

Миша старательно построил портрет — и остался недоволен: на листе был какой-то правильный мужчина, но не отец. Через день он за несколько минут нарисовал Сергея спящим на диване; получилось живее. Миша объяснил разницу просто: «Он не смотрел». Родители посмеялись, а он запомнил, что человек меняется, едва понимает, что стал моделью.

Однажды вечером Марина уснула за кухонным столом. Это произошло незаметно: она проверяла рабочие бумаги, рядом остывал чай, из комнаты доносился телевизор, Сергей ещё не вернулся. Миша сидел на полу и рисовал. Когда поднял голову, мать уже спала, положив щеку на согнутую руку. Он не стал будить. Некоторое время просто смотрел. Во сне лицо было другим. Днём мама почти всегда что-то делала: говорила, хмурилась, улыбалась, торопилась, объясняла. Сейчас губы не двигались. Между бровями оставалась тонкая складка, хотя она не сердилась. Волосы упали на щеку. Пальцы одной руки продолжали держать ручку. Миша взял альбом. Рисовать спящего человека оказалось сложнее, чем казалось. Если слишком затемнить глаза, мама выглядела больной. Если поднять уголок губ, начинала улыбаться, хотя не улыбалась. Он стёр несколько раз, потом перестал стараться сделать красиво и просто нарисовал руку, щеку и прядь волос.

Сергей пришёл через двадцать минут. Открыл дверь, увидел жену и уже хотел окликнуть, но Миша поднял палец к губам.

— Тсс.

Отец остановился. Миша показал рисунок. Сергей снял куртку как можно тише, хотя в обычной жизни никогда не умел входить бесшумно. Подошёл, посмотрел через плечо.

— Похожа, — прошептал он.

— Не говори.

— Я и не говорю.

Миша посмотрел на него укоризненно: отец очевидно говорил. Сергей сел напротив и тоже стал смотреть на Марину. В последние месяцы тревога сделала её более резкой. Она всё время куда-то звонила, что-то читала, носила папки, спорила со специалистами и с ним самим. Сейчас, во сне, напряжение исчезло, и Сергей неожиданно увидел, насколько она устала. Он осторожно вынул ручку из её пальцев. Марина не проснулась.

— Дорисуй чашку, — предложил он.

— Не надо.

— Почему?

— Она не важная.

Сергей хотел спросить, что важное, но понял: ответа не будет. Миша ещё несколько минут рисовал. Потом мать проснулась сама, резко выпрямилась и испуганно посмотрела на часы.

— Я уснула?

— Нет, — автоматически сказал Сергей.

Миша тут же возмутился:

— Уснула!

Марина рассмеялась.

— Спасибо за честность.

Миша показал лист. Она долго смотрела.

— Это я?

— Ты.

— Такая старая?

Миша нахмурился. Сергей закрыл лицо ладонью.

— Марин, ты только что разрушила молодого автора.

— Я не хотела. Просто спросила.

Миша забрал альбом.

— Ты была такая.

Марина увидела, что он обиделся.

— Хорошо. Я была такая. И мне нравится.

— Правда?

— Правда. Особенно рука.

Он снова открыл лист. Рука действительно получилась лучше лица: расслабленные пальцы, ручка между ними, тень от чашки. Миша улыбнулся.

Позже Сергей сказал жене:

— Не проси его делать тебя красивой.

— Я не просила.

— Ты спросила про старую.

— Я пошутила.

— Он ещё не понимает нашу привычку шутить над собой.

Марина вздохнула.

— Значит, мне теперь вообще нельзя разговаривать рядом с художником?

— Можно. Но он опасный свидетель.

Они засмеялись. Эта маленькая сцена изменила кое-что в отношении семьи к Мишиным рисункам. Раньше их воспринимали главным образом как детские работы: хвалили, вешали на холодильник, иногда обсуждали. Теперь родители начали понимать, что рисунок может удержать момент, который человек сам не выбирал для памяти. Усталость Марины длилась двадцать минут. На бумаге она осталась.

На следующий день мать не убрала портрет в папку. Поставила на книжную полку в рамку без стекла. Миша удивился.

— Этот?

— Этот.

— Почему?

— Потому что я там настоящая.

После портрета уснувшей матери Миша всё чаще ловил людей в моменты, когда они не позировали: воспитательницу, наклонившуюся за кубиком, старика в автобусе, отца перед телевизором. Иногда такая честность раздражала. Марина однажды заметила, что на рисунке останется сердитой навсегда, хотя сердилась всего пять минут. Миша задумался и попытался сразу нарисовать её смеющейся; вышло ещё менее лестно, и оба в конце концов рассмеялись. Семья постепенно училась простой вещи: правдивое наблюдение не от-

меняет внимания к человеку, которого рисуешь.

Вскоре выяснилась ещё одна вещь, которую Миша пока не умел назвать: рисунок может быть честным и всё же показывать не всю правду. Это выяснилось дома после ссоры родителей. Причина была обычная, почти смешная. Сергей снова задержался на работе и не предупредил. Марина ждала его к ужину, несколько раз звонила, потом разозлилась. Когда он пришёл, Миша уже лежал в кровати, но не спал. Родители говорили на кухне тихо, чтобы он не услышал. Именно поэтому он почти не разобрал слов. Зато видел через приоткрытую дверь лица, когда выходил за водой. Мать стояла у стола, скрестив руки. Отец говорил быстро, потом замолчал. Мама отвернулась. Сергей ушёл в ванную и закрыл дверь сильнее обычного. Миша вернулся в комнату. Он не знал, из-за чего они спорили. Детское воображение не любит пустот. Если причина неизвестна, оно легко помещает туда себя. Последние месяцы родители часто спорили из-за аппаратов, занятий, врачей. Значит, сейчас, возможно, тоже.

Миша взял карандаш. Нарисовал кухню. Маму — большую, с тёмным лицом. Папу — возле двери. Себя — маленьким в коридоре. Из маминых уст шли острые линии. Из папиных — короткие чёрные. Потом нарисовал аппараты на своей голове очень большими.

Утром Марина нашла лист на столе. Она долго смотрела, потом позвала Сергея.

— Видишь?

Он нахмурился.

— Это вчера?

— Похоже.

— Он решил, что мы из-за него?

Марина почувствовала вину такой силы, что почти физически стало больно. Они разбудили сына раньше обычного. Миша сел в кровати, сонный и недовольный.

— Миш, рисунок вчерашний?

— Какой?

Марина показала. Он кивнул.

— Ты думаешь, мы ругались из-за тебя?

Миша пожал плечами.

— Из-за аппаратов?

Ещё один неопределённый жест. Сергей сел рядом.

— Нет. Я задержался на работе и не позвонил маме. Она на меня разозлилась.

Миша посмотрел на мать.

— Только?

— Только.

Он снова на рисунок.

— Тогда тут неправильно.

Марина сразу сказала:

— Нет, не неправильно. Ты нарисовал то, что подумал.

— Но вы не из-за меня.

— Ты этого не знал.

Миша нахмурился.

— Тогда рисунок врёт.

Сергей задумался.

— Скорее рисунок показывает, как тебе казалось.

— Это не правда.

— Не вся правда.

Миша не любил половинчатые ответы. Он взял ластик и хотел стереть огромные аппараты. Марина остановила:

— Не надо, если не хочешь.

— Почему?

— Потому что вчера тебе так казалось. Это тоже было.

Он вспомнил Лёшино «старое». Оставил. Эта история стала для Миши одним из первых уроков, что увиденное и понятное — не всегда одно и то же. Он хорошо читал лица, но не причины. Мама может сердиться, и это видно. Почему сердится — рисунок не скажет, если сам художник не знает.

Самопортрет оказался сложнее любого чужого лица: стоило Мише посмотреть на бумагу, выражение в зеркале менялось; когда он пытался поймать рот, рот становился слишком серьёзным. В конце он оставил его почти незаконченной линией — не из-за символического молчания, а потому что устал. Сергей уже успел придумать красивый смысл и сам рассмеялся своей поспешности. Миша сложил неудачный лист в папку: «Потом будет старый». Он всё реже рвал то, что не получилось. В саду появился тихий новый мальчик Денис. Миша однажды нарисовал его одного у окна; Денис расплакался, потому что действительно скучал по прежним

друзьям. На следующий день вернул рисунок, дорисовав рядом маленькую фигуру Миши. Они не стали лучшими друзьями, но иногда садились рядом. Впервые рисунок Миши сам стал началом контакта — так, как когда-то Лёшин рисунок стал им для него.

— Много, — сказал он.

Миша напрягся.

— Так надо.

Лёша кивнул.

— Тогда хорошо.

— Что хорошо?

— Что много.

Он снова повернулся к своему листу. Миша запомнил фразу. Не «красиво», не «правильно». Если так надо рисунку — значит хорошо. Потом Лёша показал свою женщину на скамье. Он что-то изменил. Пустого места стало ещё больше. Сама фигура — меньше.

— Она теперь дальше, — сказал Миша.

— Да.

— Почему?

Лёша пожал плечами.

— Так лучше.

Мише новый вариант нравился меньше: от него становилось грустнее. Но спорить он не стал. Лёше, значит, было нужно именно так.

В один из дождливых дней они сидели у окна, и стекло

было покрыто мелкими дорожками воды. Лёша рисовал капли. Миша — отражение людей в стекле.

— Видишь? — сказал Миша.

— Что?

— Два.

В окне отражался мужчина, стоявший в коридоре, а за стеклом виднелось дерево. Лицо и ветви наложились друг на друга. Лёша посмотрел.

— Мешает.

— Красиво.

— Мешает.

— Нет.

Они впервые серьёзно не согласились о рисунке. Миша попытался перенести отражение на бумагу. Получилось непонятно. Линии лица смешались с ветками.

— Вот, — сказал Лёша. — Мешает.

Миша разозлился.

— Так и надо!

Лёша пожал плечами.

— Тогда хорошо.

Миша хотел продолжить спор, но услышал знакомую фразу и засмеялся. Лёша не сразу понял, потом тоже чуть улыбнулся.

В тот день Миша впервые нарисовал вещь, которую нельзя было ясно назвать. Не лицо и не дерево. Их наложение в стекле. Он показал матери.

— Что это? — спросила она.

— Окно.

— А здесь человек?

— Да.

— А ветки почему на лице?

— Потому что стекло.

Марина ещё раз посмотрела.

— Я не сразу поняла.

Миша пожал плечами.

— Можно долго.

Фраза прозвучала случайно, но Марина улыбнулась.

— Да. Некоторые вещи можно понимать долго.

Он уже отвлёкся на другое и не услышал в её словах никакой глубины. Это была глубина взрослого, не его. Пятилетнему Мише хватало того, что на листе поместилось и лицо, и дерево. И что они не обязаны мешать друг другу.

Глава 10. Чистый лист

О том, что Лёша уезжает, Миша узнал в день отъезда. Утро ничем не отличалось от других. Серое небо, мокрый снег, автобус, в котором пахло сырой одеждой и бензином. Миша сидел у окна и пальцем рисовал на запотевшем стекле круги. Марина проверяла в сумке батарейки для аппаратов. Они опаздывали на пять минут, и это раздражало её сильнее, чем следовало. Только войдя в центр и сняв куртку, Миша понял: что-то не так. Лёша сидел у окна без папки. Не было альбома. Карандашей. Даже привычной коробочки с ласти-

ком. Он просто смотрел наружу. Миша подошёл.

— Где?

Лёша не ответил.

— Папка.

Тишина. Миша сел. Достал свой альбом.

— Будешь рисовать?

Лёша качнул головой. Так они сидели несколько минут. За окном дерево раскачивало ветви. На улице человек в оранжевой куртке чистил дорожку. Миша хотел нарисовать, но всё время поглядывал на пустые Лёшины руки. Елена Павловна вышла из кабинета.

— Лёша, через пять минут к Ольге Игоревне.

Он кивнул. Миша спросил:

— А папка где?

Елена Павловна посмотрела на Лёшу. Потом на Мишу.

— Сегодня она у мамы.

— Почему?

— Потому что после занятий они сразу едут.

— Куда?

Пауза была короткой, но Миша заметил.

— В другой город.

— Зачем?

— Переезжают.

Миша смотрел на неё.

— Сегодня?

— Сегодня.

— А завтра?

— Завтра Лёша уже будет там.

— А сюда приедет?

Елена Павловна присела.

— Скорее всего, нет.

Смысл доходил постепенно. Взрослые часто говорят фразы, которые ребёнок понимает по словам, но не сразу понимает по жизни. «Переезжает» Миша знал. Люди меняют квартиру. Машина увозит коробки. Но что из этого следует для скамейки, для рисунков, для следующего вторника — это ещё надо было соединить. Он повернулся к Лёше.

— Ты не придёшь?

— Нет.

— Совсем?

Лёша пожал плечами.

— Далеко?

— Три часа сорок минут.

Это прозвучало так по-Лёшиному, что Миша почти улыбнулся.

— На поезде?

— Да.

— Номер?

Лёша назвал. Миша не запомнил. Потом вдруг рассердился.

— Почему не сказал?

Лёша молчал.

— Ты знал?

— Да.

— Давно?

— Да.

— Почему не сказал?

Миша повысил голос. Несколько человек в коридоре обернулись. Лёша посмотрел на него.

— Не спрашивал.

Ответ был буквальным и оттого невыносимым.

— Я должен был спросить, уезжаешь ты или нет?

Лёша отвернулся к окну. Миша разозлился. Ему хотелось услышать хоть что-нибудь: что Лёше тоже жаль, что он не хотел уезжать, что всё это ему не безразлично. Но Лёша сидел неподвижно, и по его лицу Миша ничего не мог понять.

— Дурак, — сказал он тихо.

Елена Павловна сразу вмешалась:

— Миша.

Он вскочил и ушёл к сенсорной комнате. Дверь была открыта. Забрался в большое кресло-мешок, подтянул колени и снял аппараты. Мир стал тише. Марина нашла его через несколько минут.

— Что случилось?

— Ничего.

Она села рядом на ковёр.

— Хорошо.

— Не хорошо.

— Тогда расскажи.

— Лёша уезжает.

— Я знаю.

Миша резко повернулся.

— Ты знала?

Марина поняла ошибку.

— Мне сказали утром.

— И не сказала!

— Я думала, он сам...

— Все знают!

В глазах появились слёзы.

— Все знают, а я нет!

Марина протянула руку, но остановилась, давая ему возможность самому решить. Через секунду Миша придвинулся и уткнулся лбом ей в плечо.

— Он не сказал.

— Может быть, ему было трудно.

— Он мог.

— Возможно.

— Он не хотел.

Марина не стала защищать Лёшу. Детское чувство потери не нуждается в адвокате другого человека.

— Ты злишься.

— Да.

— И тебе грустно.

— Нет.

— Хорошо.

— Не говори, что грустно.

— Не буду.

Через минуту Миша сам сказал:

— Немного.

Марина погладила его по волосам.

— Понимаю.

— Нет.

Она почти улыбнулась. Этот ответ он всё чаще давал взрослым, когда те слишком быстро заявляли о понимании.

— Наверное, не полностью.

— Вот.

Он посидел ещё немного и вдруг встал.

— Мне надо туда.

— К Лёше?

— Да.

Когда вернулся к окну, скамейка была пустой. Миша испугался, что Лёша уже уехал. Но через несколько минут тот появился с папкой. Оказывается, мать принесла её перед последним занятием. Миша остановился в нескольких шагах. Лёша сел. Открыл папку. Не смотрел на него. Миша тоже сел.

— Я не дурак сказал.

Лёша поднял глаза.

— Сказал.

— Я обратно.

— Как?

Миша растерялся. Взрослые говорили «беру слова обратно», но буквально это невозможно.

— Ну... не считаю.

Лёша кивнул. Для него этого хватило. Они молчали. Потом Лёша начал перебирать рисунки. Поезда. Станции. Мосты. Окна. Старое дерево. На нём остановился. Достал. Положил перед Мишей.

— Тебе.

Миша не сразу понял.

— Зачем?

— Возьми.

— Это твоё.

— Знаю.

— Там неправильная ветка.

— Да.

— Ты же хранил.

— Теперь ты.

Миша осторожно поднял лист. Бумага была чуть помята по краям. Он помнил этот рисунок почти с первой минуты знакомства.

— А тебе?

— У меня другие.

Миша открыл собственный альбом. Перелистал. Что отдать? Отцовский портрет — нет. Маму — нет. Дождь — не то. Остановился на рисунке с ртами. Долго смотрел. Потом

вынул лист.

— Тебе.

Лёша посмотрел.

— Почему?

— Потому что.

— Зачем?

— Ты мне. Я тебе.

Лёша принял логику. Положил лист в папку. Обмен был совершен. Взрослый человек мог бы сказать, что дети дарят друг другу символы собственной внутренней жизни. Дети просто обменялись рисунками. Пришло время занятия. Лёшу позвали. Он встал. Миша тоже.

— Ты потом ещё будешь?

— Не знаю.

— Когда поезд?

Лёша назвал время.

— А здесь сколько будешь?

— До двух.

Миша быстро посмотрел на часы в коридоре, хотя ещё плохо определял время по стрелкам.

— Я после занятия приду.

Лёша кивнул. Но после занятия Миша задержался. Елена Павловна разговаривала с Мариной о расписании. Потом пришлось менять батарейку в аппарате. Потом Миша искал потерявшийся синий карандаш. Когда наконец выбежал в коридор, скамейка была пустой.

— Где Лёша?

Администратор посмотрела.

— Они уже ушли.

Миша застыл.

— Куда?

— Домой. Им ехать.

— Но он до двух.

— Видимо, планы изменились.

Это была первая в его жизни потеря, которая произошла не торжественно. Никто не сказал последние слова. Не было правильного прощания. Друг просто ушёл на двадцать минут раньше. Миша выбежал к окну у лестницы. Во дворе стояли машины. Какая из них Лёшина — он не знал. Несколько людей шли к воротам. Никого знакомого.

— Миш, — позвала Марина.

Он не повернулся. Она подошла ближе, но не коснулась.

— Уехал?

— Да.

— Мы можем написать, если родители оставят контакт.

— Не надо.

— Хорошо.

— Я хотел сказать.

— Что?

Миша молчал. Он и сам не знал. Возможно, ничего особенного. Может быть, просто «пока». Но незавершённость мучила сильнее, чем отсутствие слов. В автобусе он сидел у

окна и не рисовал пальцем на стекле. Марина несколько раз пыталась заговорить, потом оставила.

Дома Миша открыл альбом, достал Лёшино дерево и положил перед собой. Сергей пришёл позже и сразу почувствовал атмосферу.

— Что произошло?

Марина рассказала тихо на кухне.

— Друг уехал?

— Да.

— Насовсем?

— Переехали.

Сергей посмотрел в комнату. Миша сидел на полу.

— Пойду к нему.

— Только не развлекай специально.

— Я умею быть тонким.

Марина выразительно посмотрела.

— Хорошо, постараюсь.

Сергей сел рядом с сыном.

— Привет.

— Привет.

— Рисунок новый?

— Лёша дал.

— Тот мальчик с поездами?

— Да.

— Хороший.

Миша сразу показал на ветку.

— Тут неправильно.

— Бывает.

— Он всё равно хранил.

— Значит, нравился.

— Нет. Он сказал плохо.

Сергей задумался.

— Тогда почему хранил?

Миша пожал плечами.

— Старое.

Отец кивнул, хотя не понял. Они сидели молча. Сергей не знал, что сказать ребёнку о расставании. «Найдёшь новых друзей» — звучало обесценивающе. «Всё проходит» — бессмысленно. «Так бывает» — жестоко. Поэтому спросил:

— Хочешь, я посижу?

— Да.

И сидел.

Через некоторое время Миша взял чистый лист. Попытался нарисовать Лёшу. Лицо не получалось. Он стёр. Снова. Ещё. Бумага стала серой.

— Не выходит, — сказал он.

— Нарисуй что-нибудь другое.

— Я хочу его.

— А что ты про него больше всего помнишь?

Миша посмотрел на отца. Вопрос оказался полезным. Он закрыл глаза. Лёшино лицо? Не очень. Тёмные волосы. Серую кофту. Руку с карандашом. Папку справа. Скамейку.

Окно. Миша перевернул лист. Нарисовал скамейку. Потом окно. Дерево. На одном краю скамейки — мальчика с папкой. На другом — себя. Между ними оставил место. Сергей смотрел.

— Почему так далеко?

— Мы так сидели.

Потом Миша стёр Лёшу. Остался бледный след.

— Зачем?

— Уехал.

Сергей почувствовал, как сжимается горло. Миша положил на пустое место нарисованный лист бумаги и карандаш.

— Всё.

— Это лучше?

— Не знаю.

Он устал и отложил рисунок.

Ночью долго не спал. Марина пришла, села на край кровати.

— Мама.

— Я здесь.

— Он меня забудет?

Вопрос был настолько простой, что она не решилась отвечать красивой ложью.

— Может быть, что-то забудет. Что-то нет.

— Я не забуду.

— Хорошо.

— А если забуду?

— Тогда рисунок останется.

Миша посмотрел на Лёшино дерево на тумбочке.

— Да.

Этого оказалось достаточно, чтобы уснуть.

На следующий день Миша проснулся и первым делом спросил:

— Лёша уже там?

Марина ещё не успела окончательно проснуться.

— Где?

— В другом городе.

Она посмотрела на часы. Было семь утра.

— Наверное.

— Он ночью ехал?

— Думаю, приехал ещё вчера.

— А что делает?

— Не знаю, Миш.

Ответ его не устроил.

— Можно позвонить?

— У меня нет их номера.

— У Елены Павловны есть.

— Она не может просто дать чужой номер без разрешения.

Слова «без разрешения» Миша понял. Некоторое время молчал.

— Тогда спроси разрешение.

Логика была безупречной. Марина обещала узнать.

В центре нашёлся контакт семьи Лёши, но Ирина просила сначала писать, а не звонить. Миша долго не мог придумать сообщение: заранее приготовленные слова оказались почти таким же пустым местом, как чистый лист. В конце написал самое необходимое: «Ты доехал? Я дерево храню». Ответ пришёл вечером: «Доехал. Рисунок тоже здесь». Этого ему хватило. Через несколько дней Сергей показал на карте два города. Несколько сантиметров на бумаге Миша перевёл в понятную меру — три часа сорок минут, примерно два длинных мультфильма и ещё немного — и дорисовал между точками поезд. Первые недели он часто доставал Лёшино дерево. Один раз едва не исправил неправильную ветку и сам остановился: «Чужое». Рамку отверг — лист нужно было иногда брать в руки. В центре же привычная скамейка какое-то время оставалась местом, где альбом открывался, но карандаш не двигался.

— Это надолго? — спросила Марина.

— Не знаю.

— Он ведь рисует дома.

— Значит, дело не в рисовании. Возможно, место пока слишком связано с Лёшей.

— Нужно пересадить?

— Зачем?

Марина задумалась. Опять взрослое желание устранить неприятное чувство вместо того, чтобы дать ему прожить.

Через неделю Миша сам сел на другое место — не на ска-

мейку, а на пол у стены. Нарисовал ботинки проходящих людей. Ещё через несколько дней вернулся к окну. Скамейка перестала быть исключительно Лёшиной постепенно, без решения.

Однажды там сидела девочка и плакала. Миша подошёл, увидел, что свободного места нет, и сел рядом на подоконник. Девочка вытирала нос рукавом.

— Почему?

Она не ответила. Миша не стал повторять. Достал альбом.

Через несколько минут девочка перестала плакать и посмотрела.

— Что рисуешь?

— Ту дверь.

— Зачем?

— Просто.

Она села ближе.

— Нарисуй меня.

Миша посмотрел.

— Ты плакала.

— Уже нет.

Он нарисовал её без слёз. Этот короткий эпизод оказался важным для Марины, когда Елена Павловна рассказала. Скамейка не осталась памятником прошлому. На ней появилась другая история.

Дома Миша иногда говорил о Лёше, но всё реже. Марина переживала, что он забывает, и тут же ловила себя: почему

забывание обязательно плохо? Детская память не музей. Она оставляет не всё.

Однажды, спустя почти месяц, Миша сам сказал:

— Я забыл его голос.

Марина почувствовала укол.

— Совсем?

— Не знаю.

— А лицо?

Он закрыл глаза.

— Немного.

— Можно посмотреть фотографии, если есть.

— Нет.

— Почему?

— У меня дерево.

Этого ему было достаточно. Он помнил не всё, но сохранил то, что оказалось важным для него. Сергей в этот период заметил другую перемену. Миша всё чаще рисовал без задания. Раньше большинство рисунков начиналось от предмета перед глазами или просьбы взрослого. Теперь мог сидеть и выдумывать.

— Что это? — спрашивал отец.

— Не знаю ещё.

Раньше такой ответ раздражал бы самого Мишу. Теперь он позволял рисунку появляться постепенно.

Однажды начал с тёмного прямоугольника. Потом добавил окно. Потом лестницу. Через двадцать минут на листе

оказался коридор, похожий на центр, но не точный. В конце стояли два человека. Один почти исчезал за дверью.

— Это Лёша? — спросил Сергей.

Миша посмотрел.

— Может быть.

— А другой ты?

— Может быть.

Отец не стал уточнять.

Иногда авторство начинается с права не знать заранее, что именно создаёшь. Конечно, пятилетний Миша не думал об авторстве. Он просто перестал бояться белого листа.

Через некоторое время из другого города пришёл конверт с копией Лёшиного поезда. Миша сразу заметил, что это не оригинал, одобрительно решил, что настоящий рисунок друг оставил себе, и на обороте нарисовал одно маленькое окно для ответного письма. Дальше связь стала редкой: иногда месяцы проходили без сообщений, и каждый новый знак потому сохранял вес. Одновременно Миша начал иначе обращаться с бумагой. Неудачные листы больше не обязательно летели в корзину: дверная ручка могла стать частью нового коридора, старая таблица из отцовской сметы — окнами домов. Весной дерево у окна центра изменилось, и Миша нарисовал его заново уже не так, как учил Лёша: начал с общей массы ветвей и оставил линии там, где видел сам. Когда Ирина прислала фотографию Лёши у нового окна, Миша прежде всего заметил другое дерево и свет с другой стороны. Он от-

правил фотографию своего рисунка без слов. Позже, на задании «место, где хорошо», рядом с домом и парком нарисовал ту самую скамейку. На вопрос, хорошо ли там без Лёши, ответил буквально: «Она же осталась». Память переставала быть памятником и становилась частью обычной жизни.

Дома Миша стал просить больше бумаги. Альбом быстро закончился. Марина купила новый, чуть большего формата. Первый серый альбом они убрали в ящик.

— Можно выбросить? — пошутил Сергей.

Миша посмотрел на него так, что вопрос был снят.

— Я понял. Священный архив.

— Что?

— Ничего.

— Папа.

— Хорошо. Я сказал, что это важный альбом.

— Да.

К весне по альбомам уже было видно не только то, что Миша стал рисовать увереннее. Сначала на страницах жили вещи перед глазами — поезд, чашка, рука, лицо. Потом всё чаще появлялось то, чего нельзя просто показать пальцем: шум, ожидание, расстояние, человек за дверью. Сергей, листая альбом, заметил это и тут же отказался строить из ребёнка будущего гения. Слуховые аппараты к тому времени тоже перестали быть событием: иногда Миша сам возвращался за ними, иногда просил побыть без них; занятия и речевая работа встроились в быт. На вопрос матери, считает

ли он себя художником, Миша после короткого раздумья ответил: «Нет. Я Миша». Ему ещё не нужна была роль. Достаточно было имени, альбома и привычки оставлять на бумаге то, к чему хотелось вернуться.

Позже, когда пришла весна и отсутствие Лёши уже перестало быть острым каждый день, Миша чаще всего вспоминал один из первых визитов после переезда. Тогда он всё равно первым делом смотрел к окну. Скамейка стояла на месте. Иногда на ней сидели другие дети. Один раз девочка разложила там куклы. Миша хотел сказать, что это Лёшино место, но остановился. Скамейка никому не принадлежала. От этого становилось хуже. Пустота легче, когда остаётся пустой. Когда место занимает кто-то другой, приходится признать: мир продолжился. Елена Павловна не пыталась обсуждать Лёшу каждый раз. Она позволила отсутствию стать обычным постепенно.

Через неделю Миша пришёл раньше. Коридор был почти пуст. На подоконнике возле скамейки лежал белый лист. Рядом — карандаш. Миша сразу заметил.

— Чей?

Елена Павловна вышла из кабинета.

— Твой.

— Почему?

— Лёша попросил оставить.

Миша замер.

— Когда?

— В последний день.

— Почему не дали сразу?

— Он сказал: оставить здесь.

— Зачем?

— Не объяснил.

Миша взял лист. Чистый. Совсем. Потом карандаш. Обычный серый. Не самый короткий и не самый длинный. Он сел на своё место. Некоторое время ничего не делал. Марина стояла в конце коридора. Ей хотелось подойти, обнять, спросить. Она не подошла. Миша положил ладонь на бумагу. Посмотрел в окно. То же дерево. Та же скамейка. Но рисовать дерево не хотелось. Он вспоминал. Не словами. Картинками. Синяя коробка аппаратов. Дождь на стекле. Мама у плиты. Отец в кресле. Рты в садике. Лёшина рука. Поезд. Помятый альбом. Два дерева рядом. Женщина на скамье. Всё это можно было рисовать. Никто не давал задания. Миша провёл первую линию. Остановился. Вторую. Он не знал, что получится, и впервые не пытался узнать заранее. Елена Павловна прошла мимо. Не заглянула через плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.